

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ АССОЦИАЦИИ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

РУССКОЕ ПОЛЕ №2(19)-
№1(20)
2017-2018
ВЫХОДИТ С 2010 ГОДА

ЖУРНАЛ ВЫПУСКАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПОСОЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	<i>Фарит Мухаметшин.</i> С Днём Великой Победы!	3
 Поле славы	«Словно новая роща, стоят обелиски...»	4
 Забвению не подлежит	<i>Борис Шаповалов.</i> «И на пороге жизни вся Молдова встречала нас...»	7
 Живой родник	<i>Александра Юнко.</i> Мой президент	17
	<i>Анатолий Лабунский.</i> Вспышки памяти	21
	<i>Валерий Шварц.</i> Непростая жизнь простых людей	32
 Поле притяжения	<i>Константин Шишкан.</i> Городская мозаика	36
	<i>Светлана Мосова.</i> В поисках прошлогоднего снега.....	43
	<i>В «Русском поле – «Юность»</i>	58
	<i>Дмитрий Романов.</i> Девушка пела. К Розанову	61
	<i>Валерий Дударев.</i> «Исусе, спаси!»	74
 Дружба журналов	<i>Марианна Дударева.</i> Откуда растёт ветла?	79
	<i>Наталья Елизарова.</i> «Как будто не своё листала прожитое...» ...	84
	<i>Игорь Михайлов.</i> Лаковая миниатюра	87
 ИНФО - поле АРП РМ	<i>Валерия Чеботарёва.</i> Иркутск, я люблю тебя, или Место, где душа обретает Бога.....	90
 Взлётная полоса	<i>Марина Сычёва.</i> Здравствуй, племя незнакомое!.....	95
	<i>Андрей Павленко.</i> «Ветер дарует танец»	96
	<i>Пётр Егоров.</i> «Босиком через палисадник»	100
	<i>Виктор Грабко.</i> «Слова – совсем не пустое»	102
	<i>Алексей Петрович.</i> Будущее – это мы!.....	107

**Бессарабские
перекрёстки**

- Ольга Гарусова.** «Душой он был отдан мечтательному миру романтики» 110
Леонид Добронравов. Из наследия 115

Поли-АРТ

- Людмила Тома.** Свет полотен Людмилы Цончевой 120

**Конкурс
святочного
рассказа**

- Сергей Багнюк.** Клятва 127
Татьяна Волошина-Орлова. «Радуйтесь все!» 130
Татьяна Бурлак. В новогоднюю ночь 135

**В Россию?
В Россию!**

- Приволжский, Центральный, Дальневосточный
федеральные округа Российской Федерации** 142

Жатва

- Книга недели** 152
Константин Шишкан. «Листая жизнь...» 154
Василий Галайку. Вне вечности слово не появилось бы... 156

Учредитель и главный редактор: *Олеся Рудягина*
 Редколлегия: *Сергей Пагын, Татьяна Орлова-Волошина,*
Виктория Алесенкова, Марина Сычёва.
 Литературный редактор и корректор: *Нелли Торня*
 Художник: *Сергей Сулин*
 Вёрстка: *Людмила Ильина*

E-mail: russkoeполе-md@mail.ru

ISSN 1857-1301

Отпечатано в типографии SRL "Metrompaş"
г. Кишинёв, ул. Фереедулуй, 4

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Перепечатка материалов – только с разрешения редакции журнала «Русское поле».

С Днём Великой Победы!

Дорогие ветераны, уважаемые соотечественники!

От всего сердца поздравляю вас с Днём Победы! Великая Отечественная война вписана в историю XX века как эпоха героического подвига и отваги. И светлой веры в Победу, сплотившей народы в борьбе за свободу Родины. Граждан России, Молдавии и других бывших советских республик объединяет уважение к поколению победителей, плечом к плечу боровшихся с нацизмом, ковавших Великую Победу. Наши отцы, деды, прадеды, преодолевая боль, лишения и утраты, сумели сокрушить «коричневую чуму», перед которой отступили многие страны. Они показали пример истинного благородства, величия человеческого духа и подлинного патриотизма.

Пламя войны не обошло стороной никого, коснулось всех советских граждан. Хочу привести слова Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина: «Творцами этой Великой Победы были маршалы и рядовые, ополченцы и труженики тыла, партизаны и подпольщики. Старики и дети. Люди разных национальностей, профессий».

Мы обязаны не допустить возрождения идеологии исключительности и национального превосходства. Бережное сохранение памяти о героизме военных лет – наш общий долг во имя исторической правды и перед мирным будущим человечества. 9-го Мая мы возложим цветы на мемориалах и братских могилах, в едином строю «Бессмертного полка» пройдем с портретами творцов Великой Победы, склонив головы в память о тех, кто не вернулся с полей сражений.

С праздником вас, дорогие ветераны! Вы – главные герои этого священного торжества. Ваш подвиг предопределил мирную и достойную жизнь грядущим поколениям. От всей души желаю вам и вашим семьям здоровья, счастья, благополучия и долгих лет жизни!

**Фарит МУХАМЕТШИН,
Чрезвычайный и Полномочный посол
Российской Федерации в Республике Молдова**

Поле славы

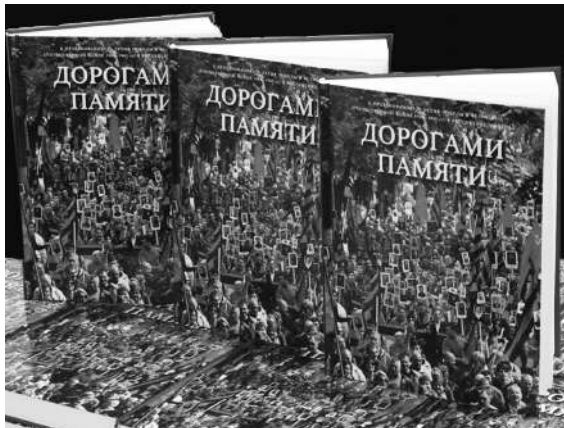
«СЛОВНО НОВАЯ РОЩА, СТОЯТ ОБЕЛИСКИ...»

Это строка известного российского поэта, нашего земляка Виктора Кочеткова, столь созвучная событию, ставшему едва ли не самым запомнившимся прошедшей зимой.

В рамках празднования юбилея величайшей битвы в истории и истории Великой Отечественной войны, Сталинградской, 6 февраля в Кишинёве, в Российском центре науки и культуры состоялась презентация книги «Дорогами памяти», посвящённой празднованию в Молдове 70-летия Победы в Великой Отечественной войне под общей редакцией Чрезвычайного и Полномочного посла Российской Федерации в Республике Молдова Фарита Мухаметшина.

В ней приняли участие ветераны Великой Отечественной, руководители общественных и ветеранских организаций страны, журналисты, представители поисковых отрядов, преподаватели и учёные-историки, непосредственно участвовавшие в создании этого труда.

В приветственном слове Фарит Мухаметшин рассказал, что в книге собраны материалы о мероприятиях, прошедших в Молдове в рамках празднования 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. В издании отражены как акции, организованные под руководством Посольства, так и торжественные мероприятия, проведённые под эгидой различных общественных организаций. «Увековечение памяти о Великой Отечественной войне и Победе, завоёванной совместными усилиями народов бывших советских республик, и впредь останется одним из постоянных приоритетов российских загранучреждений, работающих в Молдавии. Мы считаем делом чести сохранение памяти о миллионах людей, которые отдали жизни ради спасения новых поколений от ужасов фашизма. Это наш долг перед теми, кто принёс себя в жертву ради мира и человечества», – подчеркнул глава российской дипмиссии.

О работе над книгой рассказали члены авторского коллектива – главный редактор газеты «Русское слово» Татьяна Борисова и сопредседатель Центра русской культуры РМ Дмитрий Николаев. Как отметил последний, немалую роль в подготовке издания сыграла и супруга посла России в Молдове – Наиля Мухаметшина. Этот труд Фарит Мубаракшевич и Наиля Ахтамовна посвятили памяти своих родителей – участников Великой Отечественной войны.

У микрофона – Чрезвычайный и Полномочный посол РФ в РМ Ф.М. Мухаметшин

Высокую оценку книге дали рецензенты – кандидат исторических наук, доцент, представитель Молдавского историко-географического общества Олег Рыбаков, кандидат исторических наук, председатель болгарского общества «Возрождение» Иван Забунов и кандидат исторических наук, доцент Кишинёвского государственного педагогического университета им. Иона Крянгэ Анна Болученкова.

В зале была развёрнута выставка, приуроченная к 75-летию со дня разгрома Красной Армией немецко-фашистских войск в Сталинградской битве. Модератором презентации выступил руководитель представительства Россотрудничества Михаил Давыдов. В экспозиции были представлены документальные фотографии кровопролитных боёв, фоторепродукции документов, имеющих непосред-

Момент презентации в РЦНК

ственное отношение к героической битве за город на Волге.

Свои снимки для этого солидного издания представило и агентство Sputnik. В частности, снимок фотокорреспондента Мирослава Ротаря, на котором запечатлено шествие «Бессмертный полк» в Кишинёве, украшает обложку книги.

О большом значении издания в деле патриотического воспитания молодёжи и сохранения исторической памяти о героических событиях Великой Отечественной, о воинах-героях, отстоявших родную землю в боях с немецко-фашистскими оккупантами, говорили председатель Совета ветеранов РМ Алла Мироник, руководитель Русского историко-патриотического

*Выступает редактор газеты «Русское слово»
Татьяна Борисова*

клуба Алексей Петрович, глава Русской общины республики Людмила Лащёнова, председатель белорусской общины Юрий Статкевич и ученик 12-го класса кишинёвского лицея им. Н. Милеску-Спэтару Дмитрий Цуркан.

Со словами благодарности к послу России за внимание и всемерную поддержку ветеранов Великой Отечественной войны в Молдове обратился

участник Сталинградской битвы Владимир Викторович Войцехович.

В завершение вечера прозвучали песни в исполнении обладателя гран-при Международного фестиваля патриотической песни «Солдаты Отчизны», лауреата международных и республиканских конкурсов Вадима Волк.

*Участник Сталинградской битвы Владимир Войцехович
с российским послом*

БОРИС ШАПОВАЛОВ

«И НА ПОРОГЕ ЖИЗНИ ВСЯ МОЛДОВА ВСТРЕЧАЛА НАС...»

24 августа 1944 года – день освобождения Кишинёва от фашистских оккупантов. Как это было.

Кишинёв в годы Великой Отечественной войны пребывал под фашистской оккупацией 1134 дня – с 16 июля 1941 года до 24 августа 1944 года. Освобождён войсками 5-й Ударной армии под командованием генерал-лейтенанта Николая Берзарина на 1160-й день со дня начала войны и на пятый день Яско-Кишинёвской стратегической операции.

ЯССКО-КИШИНЁВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Яско-Кишинёвская операция – наступательная операция войск 2-го и 3-го Украинских фронтов во взаимодействии с Черноморским флотом и Дунайской военной флотилией, проведённая 20-29 августа 1944 года. Яско-Кишинёвские Канны – так называют эту блестящую операцию, которая позволила разгромить группировку немецких войск «Южная Украина», завершить освобождение Молдавской ССР, Измаильской области Украинской ССР, вывести Румынию из войны на стороне Германии, открыть дорогу Красной Армии на Балканы.

К началу операции войска 2-го Украинского (командующий – генерал армии Родион Яковлевич Малиновский) и 3-го Украинского (командующий – генерал армии Фёдор Иванович Толбухин) фронтов находились на рубеже Красноилъск, Пашкани, севернее Ясс, далее по Днестру от Бравичен, Дубоссар и до Чёрного моря, и занимали охватывающее положение по отношению к группировке противника. В районе Кицкан, южнее Бендер, Тирасполя, советские войска удерживали важный плацдарм на правом берегу Днестра, удар с которого сыграл огромную роль в успешном развитии наступления.

Перед 2-м и 3-м Украинскими фронтами оборонялась группа армий «Южная Украина» (командующий – генерал-полковник Ганс Фриснер) в составе 8-й, и 6-й немецких, 3-й и 4-й румынских армий и 17-го немецкого отдельного армейского корпуса, общей численностью 900 тысяч человек (50 дивизий, из них 25 немецких), 7,6 тысяч орудий и миномётов, свыше 400 танков и штурмовых орудий. Их поддерживала часть сил 4-го воздушного флота и румынские авиационные корпуса, имевшие 810 самолётов. Противник, используя гористый рельеф

На подступах к молдавской столице

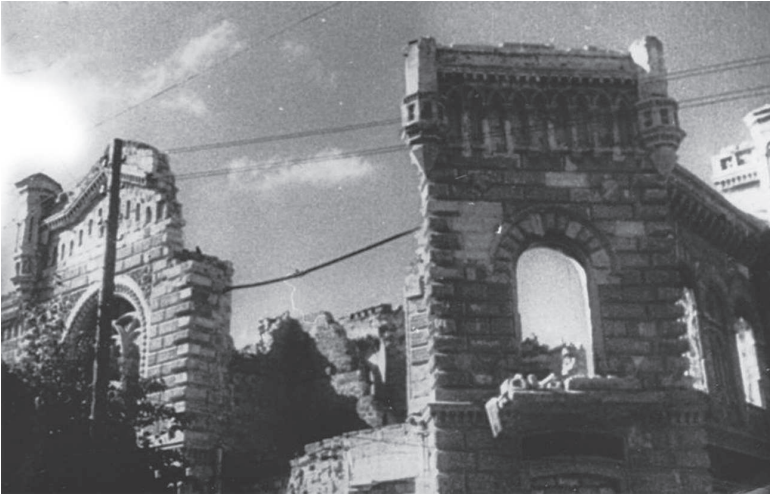
местности и многочисленные реки, создал мощную, глубоко эшелонированную (до 80 километров) оборону с развитой системой инженерных сооружений. В центре группы армий «Южная Украина» на кишинёвском направлении занимала оборону наиболее боеспособная 6-я немецкая армия, а на флангах – в основном, румынские войска. В Яско-Кишинёвской операции с советской стороны принимали участие 92 стрелковые, воздушно-десантные и кавалерийские дивизии, 17 артиллерийских, миномётных, зенитно-артиллерийских дивизий, 18 авиационных дивизий, 9 соединений военно-морского флота и сотни отдельных бригад, полков, батальонов войск специального назначения. Для проведения операции советским командованием были привлечены 1,25 миллиона человек, 16 тысяч орудий и миномётов, 1870 танков и САУ и 2200 боевых самолётов (с учётом авиации флота). В составе советских войск находилась 1-я румынская добровольческая дивизия имени Тудора Владимиреску.

На направлениях главных ударов прорыва было сосредоточено 67–72% пехоты, до 61 процента артиллерии, 85 процентов танков и САУ. Почти вся авиация. На участках прорыва фронты имели превосходство над противником: в людях – в 4-8 раз, в артиллерии в 6-11, в танках и САУ – в 6 раз. Это обеспечило им возможность непрерывно наращивать мощь ударов в наступлении.

Наступление обоих фронтов началось утром 20 августа после мощной артиллерийской, а на 3-м Украинском фронте и авиационной подготовки. Войска 2-го Украинского фронта в первый же день прорвали оборону противника на всю тактическую глубину и продвинулись на 16 километров, развивая наступление в направлении Васлуй, Фельчиу. В полосе 27-й армии уже в середине дня в прорыв была введена 6-я гвардейская танковая армия генерал-лейтенанта Андрея Григорьевича Кравченко. К исходу дня её соединения вышли к 3-й оборонительной полосе противника, проходившей по хребту Маре.

В хорошем темпе развивалось и наступление 3-го Украинского фронта, с Кицканского плацдарма на Днестре южнее Бендер, в направлении Опач, Селемет, Хуши. 37-я и 46-я армии в течение дня прорвали главную полосу обороны

Лето 1944-го. Кишинёв после боёв

противника по фронту в 40 километров и, продвинувшись в глубину на 12 километров, местами вклинились во 2-ю полосу немецкой обороны. Наступление советских войск с Кицканского плацдарма оказалось полной неожиданностью для немецкого командования. Штаб немецкой группы армий «Южная Украина» и её главнокомандующий Ганс Фриснер были уверены в том, что главный удар 3-го Украинского фронта будет нанесён из района Дубоссары, Григориополь, Карманово через Шерпенский плацдарм прямо на Кишинёв. Поэтому держали на Кишинёвском выступе самые отборные свои дивизии – 6-ю армию.

На второй день противник подтянул к району прорыва 2-го Украинского фронта части 12 дивизий, в том числе две танковые, и контратаками пытался остановить его наступление. Однако ввод в сражение в полосе 52-й армии 18-го танкового корпуса, а на вспомогательном – 7-й гвардейской армии и конно-механизированной группы генерал-майора Сергея Ильича Горшкова сорвали планы противника. К исходу второго дня войска фронта сокрушили оборону врага, преодолев его третью оборонительную полосу, и, продвинувшись до 40 километров в глубину, овладели городами Яссы и Тыргу-Фрумос.

Войска 3-го Украинского фронта в этот день отбили мощный контрудар главного резерва 6-й немецкой армии – 13-й танковой дивизии и группы генерала «Драбе» под Ермоклией, также завершили прорыв обороны противника. Введённые в сражение в этот день 7-й и 4-й гвардейский механизированные корпуса продвинулись до 30 километров в глубину и фактически отсекли 6-ю немецкую армию от 3-й румынской армии. Большую помощь сухопутным войскам оказала авиация фронтов. За два дня 5-я и 17-я воздушные армии совершили около 6350 самолёто-вылетов.

Механизированные корпуса и стрелковые дивизии 37-й армии 3-го Украинского фронта, поддерживаемые авиацией, преодолевая сопротивление отходящих немецко-румынских войск, устремились к Пруту.

Развивая успех на внутреннем фронте окружения, 23 августа 18-й танковый корпус 2-го Украинского фронта вышел в район Хуши, а 7-й и 4-й гвардейский

механизированные корпуса 3-го Украинского фронта – к переправам на реке Прут в районе Леушен и Леово. Оперативное окружение кишинёвской группировки противника (18 немецких дивизий) было завершено. 37-я армия вместе с механизированными корпусами преградила путь отступающей к Пруту немецкой 6-й армии. В этот же день войска 46-й армии, форсировавшие накануне во взаимодействии с Дунайской военной флотилией Днестровский лиман, окружили при содействии флотилии 3-ю румынскую армию, которая на следующий день прекратила сопротивление.

Утром 24 августа войска 5-й Ударной армии генерал-лейтенанта Николая Берзарина освободили столицу Молдавской ССР Кишинёв. Таким образом, на 5-й день завершился первый этап стратегической операции, в ходе которой было достигнуто окружение главных сил группы армий «Южная Украина». К исходу 24 августа советские войска продвинулись на 130-140 километров. В окружении оказалось 18 немецких дивизий, более 40 отдельных частей и штабы четырёх армейских корпусов, почти 300 тысяч солдат и офицеров.

25-27 августа 37-я армия совместно с 5-й Ударной и 57-й армиями, двумя механизированными корпусами 3-го Украинского фронта и 4-й гвардейской армией генерал-лейтенанта Ивана Васильевича Галанина 2-го Украинского фронта добивала немецкие войска, попавшие в окружение между Кишинёвом и Прутом. Красная армия освободила Леово, Котовск, Кагул, Вулканешты. 26 августа вся территория Молдавии была полностью занята советскими войсками. 27 августа немецкие войска, окружённые на восточном берегу Прута, прекратили сопротивление, а 31 августа советские войска вошли в столицу Румынии – Бухарест.

В период Яско-Кишинёвской операции были разбиты, окружены и ликвидированы 6-я и 8-я немецкие, 3-я и 4-я румынские армии. По данным Совинформбюро от 31 августа 1944 года: за время наступательных боёв 2-го и 3-го Украинских фронтов с 20 по 31 августа взято в плен 208 600 солдат и офицеров противника, из них 97 100 немцев. В числе пленных 24 генерала.

В итоге двенадцатидневных наступательных боёв, проведённых в тесном взаимодействии войск 2-го и 3-го Украинских фронтов, потери противника по главным видам боевой техники и живой силы составили: убитыми – 210 000 солдат и офицеров, самолётов – 351, танков и самоходных орудий – 956, орудий разных калибров 5576, миномётов – 3261, пулемётов – 19 105, автомашин – 46 640. В период наступления советские воины, офицеры и генералы проявили невиданный массовый героизм. Только в августе 1944 года за мужество и отвагу были награждены орденами и медалями более 18-ти тысяч солдат и офицеров. Особо отличившимся в боях за освобождение Молдавии 153 воинам присвоено звание Героя Советского Союза, 66 частей и соединений награждены орденами, 150 удостоены почётных наименований, в том числе – 26 стали именоваться Кишинёвскими полками, бригадами и батальонами.

ОСВОБОЖДЕНИЕ КИШИНЁВА

5-я Ударная армия, ещё в апреле захватившая с боями небольшой плацдарм, дислоцировалась на реке Днестр на широком фронте. Перед началом Яско-Кишинёвской операции войска 5-й Ударной армии были растянуты по Днестру от Бравичен до Бендер на 160 километров. Накануне начала Яско-Кишинёвской операции 5-я Ударная армия сменила 57-ю армию (перемещалась на Кицканский плацдарм для наступления) в полосе фронта Спея – Бендеры и приняла в свой состав от 2-го Украинского фронта 26-й гвардейский корпус, оборонявшийся на рубеже Бравичены – Дубоссары.

5-й Ударной армии противостояли семь гитлеровских и две румынские дивизии, засевшие в заранее созданных ими долговременных укреплениях. Командующий 5-й Ударной армии генерал Берзарин сосредоточил на 20-километровом фронте главного направления предстоящего наступления основную массу войск армии – шесть стрелковых дивизий из семи наличных с частями усиления. Остальная же, большая часть переднего края фронта, протяжённостью в 135 километров была прикрыта лишь одной стрелковой дивизией, заградительными отрядами, армейским запасным полком и отдельными стрелковыми ротами.

В полосе 5-й армии проводилась тщательная маскировка действительного нахождения советских войск. Имитировалось сосредоточение войск и боевой техники: танковых частей и механизированного корпуса в районе Реймаровки, пехоты – в районе Карманово и артиллерийской дивизии прорыва – у Ташлыка и Бутора. Чтобы укрепить убеждение гитлеровского командования, что главный удар советских войск готовится с Шерпенского плацдарма на кишинёвском направлении, 18-го августа 5-ая Ударная армия в полосе своих действий нанесла

Молдаване встречают освободителей

по вражеским соединениям ряд сильных огневых ударов, которые сопровождались демонстративными атаками советской пехоты и танков. План дезинформации фашистского командования, проводимый 3-м Украинским фронтом накануне наступления, был настолько успешно выполнен, что ещё 20 и 21 августа немецкое командование считало, что успешное наступление советских войск с Кицканского плацдарма, начавшееся 20 августа, является второстепенным, отвлекающим ударом. И только к середине третьего дня советского наступления, 22 августа, когда наступающие войска 2-го и 3-го Украинских фронтов продвинулись вперёд на глубину 60-70 километров, немецкое командование поняло всю трагичность сложившейся обстановки и начало отвод соединений 6-й немецкой армии, сконцентрированных на кишинёвском выступе, к переправам на реке Прут.

Ровно в 2 часа 30 минут 23 августа 5-я Ударная армия, после мощного артиллерийского удара по заранее разведанным опорным пунктам и позициям противника, перешла в наступление на Кишинёв с двух направлений. 26-й гвардейский стрелковый корпус Героя Советского Союза генерал-майора Павла Андреевича Фирсова начал наступление от Оргеева с плацдарма на реке Реут. А 32-й стрелковый корпус генерал-полковника Дмитрия Сергеевича Жеребина ударил с Пугачено-Шерпенского плацдарма, находившегося на кратчайшем расстоянии от столицы Молдавии. К пяти часам утра советские войска прорвали вражескую оборону на всю тактическую глубину на обоих участках фронта.

Утром командиры наступающих корпусов ввели в действие заранее сформированные в корпусах и дивизиях передовые отряды, состоявшие из пехоты на автомашинах, из артиллерийских, сапёрных и других средств усиления. Вскоре передовые отряды стали достигать отступающие части противника, пытавшиеся закрепиться на промежуточных рубежах, и завязали с ними бои, не давая им оторваться от продвигавшейся вперёд советской пехоты. Так, проявив высокое воинское мастерство и отвагу, наступавший через Шерпены, Чимишены и Новые Чеканы на Кишинёв передовой отряд 32-го корпуса, которым командовал заместитель командира 1042-го стрелкового полка Я. Новак, разгромил в скоротечном бою несколько сот гитлеровцев.

Пройдя за день 40 километров, подразделения 1374-го Краснознамённого полка 416-й стрелковой Таганрогской дивизии ещё засветло начали бой с врагом на окраине Кишинёва. Они действовали на правом фланге. А левее их напористо продвигался вперёд передовой отряд 295-й стрелковой дивизии под командованием Героя Советского Союза майора Михаила Афанасьевича Золотухина, несколько поодаль и правее наступал передовой отряд 60-й гвардейской дивизии.

А в это же время со стороны Оргеева, настигнув гитлеровцев на марше и открыв по ним сокрушающий огонь из всех видов оружия, громили противника передовые отряды 89-й и 94-й стрелковых дивизий. Внезапность их появления и стремительность атак настолько ошеломили гитлеровцев, что, несмотря на численный перевес, они в беспорядке начали отступать, оставляя боевую технику, горящие машины, пытаясь скрыться в лесах.

В ходе боевой операции на подступах к Кишинёву части 5-й Ударной армии, сокрушив сильные арьергарды врага в Драсличенах и Будештах, настигли и разгроми-

ли наголову в Меренах подразделения прикрытия штаба 52-го немецкого армейского корпуса, захватив здесь немалые трофеи. Это позволило главным силам 32-го стрелкового корпуса генерала Жеребина выйти на подступы к Кишинёву.

К вечеру 23 августа войска 5-й Ударной армии, истребляя противника на промежуточных рубежах, с севера, востока и юга охватили Кишинёв, и пошли на его штурм. К восьми часам вечера сопротивление немецких подразделений ослабло, а ещё час спустя оно было окончательно сломлено. Гвардейские части 94-й и 89-й дивизий 26-го гвардейского стрелкового корпуса ворвались в город и завязали бои в районе Скулянской рогатки и северной части Старой почты. В то же время корпусной передовой отряд, действовавший совместно с отрядами 60-й гвардейской, 416-й и 295-й стрелковых дивизий, захватили Рышкановку, Кожевенную слободу, Ботанику и железнодорожную станцию.

Первыми с востока в Кишинёв ворвались воины 8-й роты 1374-го стрелкового полка во главе с парторгом роты лейтенантом Нурберды Бешимовым. В ожесточённой схватке они истребили около роты противника и захватили три миномёта и два станковых пулемёта. Отважно и дерзко действовал рядовой 1-й стрелковой роты 1374 полка А. И. Гагиев. В уличных схватках он значительно увеличил свой боевой счёт, уничтожив девять фашистов и захватив в плен двух.

При штурме Кишинёва отважно дрались и воины 416-й стрелковой Таганрогской дивизии под командованием генерал-майора Д.М. Сызранова. Массовый героизм проявил личный состав 1373-го стрелкового полка (командир – подполковник Загафран Саидбаталов) и 1368-го полка (командир подполковник В. Е. Куркацишвили). Одним из первых в столицу Молдавии ворвался и батальон Салата Мовланова, который в ожесточённой схватке уничтожил около сотни фашистов и захватил много пленных. Храбро действовали при штурме Кишинёва, прославляя свои боевые знамёна, и воины 177, 185, 180-го гвардейских стрелковых полков, которыми командовали подполковники Василий Николаевич Косов, П.И. Мылов и Фёдор Васильевич Чайка.

В скоротечных уличных боях блестяще проявил себя и личный состав 1038-го стрелкового полка под командованием подполковника В. Н. Лобко, впоследствии почётного гражданина Кишинёва. Среди прославившихся в этих боях отважных воинов было много уроженцев Молдавии. К примеру, только в одном 1038-м стрелковом полку 295-й стрелковой дивизии за образцовое выполнение своего воинского долга 107 сынов солнечной Молдавии были удостоены высоких правительственных наград.

Среди первых с севера на улицы Кишинёва ворвались бойцы 1-го штурмового батальона под командованием капитана Алексея Бельского из 273-го гвардейского стрелкового полка (подполковник В.В. Бунин) 89-й гвардейской стрелковой Белгородско-Харьковской Краснознамённой ордена Суворова дивизии под командованием генерал-майора Михаила Петровича Серюгина. Это именно Алексей Бельский со своими храбрецами-гвардейцами, преодолевая сопротивление врага, первым из наступающих подвижных групп с боем пробился к центру города. По приказу комбата Бельского красноармеец Кушнир водрузил красное знамя с надписью «273 стрелковый полк, 1-й штурмовой батальон» на руинах здания

на перекрёстке улиц Ленина и Гоголя (сейчас Штефана чел Маре и митрополита Бэнулеску-Бодони).

К четырём часам утра 24 августа город Кишинёв был полностью освобождён от немецко-румынских захватчиков и после короткого отдыха дивизии 26-го гвардейского и 32-го стрелкового корпусов, преследуя отступающего противника, устремились к Пруту.

273-й полк, в котором воевал Бельский, по итогам Яско-Кишинёвской операции получил почётное наименование «Кишинёвский». Командующий 5-й Ударной армии генерал-лейтенант Николай Берзарин наградил гвардии капитана Алексея Бельского за этот бой орденом Отечественной войны 1-й степени. А свою Золотую звезду Героя Советского Союза уже майор Алексей Бельский получил 27 февраля 1945 года за героизм, проявленный во время Висло-Одерской операции в январе 1945 года на территории Польши.

*Герой Советского Союза
Алексей Бельский*

Алексей Бельский – Почётный гражданин городов Кишинёв и Оргеев. Скончался 26 февраля 1970 года. Похоронен на Центральном городском кладбище Кишинёва. На здании в столице, на перекрёстке современных улиц Штефана чел Маре и митрополита Бэнулеску-Бодони, где бойцы Бельского установили знамя Победы, открыта мемориальная доска в честь батальона Бельского. У села Требужены Оргеевского района, где в 1944 году стояла часть Бельского, до сих пор у дороги сохранился указатель: «273 стрелковый полк». Местные крестьяне и сегодня чтят память своего освободителя.

Из журнала боевых действий 89-й гвардейской дивизии (рассекречен 8 мая 2007 года) следует, что 273-й полк наступал в первом эшелоне, а штурмовой батальон капитана Бельского шёл в авангарде полка. Преследуя отходящего

противника, батальон, как и вся дивизия, за один день с незначительными боями прошёл около сорока километров.

Вот как лаконично момент боя за освобождение Кишинёва описан в журнале боевых действий 89-й гвардейской стрелковой дивизии: «Вечером 23 августа с 18.00 дивизия вела бой с группой прикрытия на рубеже Петрикань, отм. 141,6 северная окраина села Кишинёвская почта, поддерживаемой артиллерийско-миномётным огнём из района Бююканы, Кишинёв.

В 20.00 овладела высотой 141,6. В 21.00 маневренным ударом с северо – запада – станцией Вистерничены.

В 22.00 273-й гвардейский стрелковый полк вошёл в центр Кишинёва (район оперного театра), после чего дивизия повернула в юго-западном направлении. Дивизия, сбив группы прикрытия, отбив контратаку во фланг справа, освободив западную половину г. Кишинёва, к 24.00 вышла на рубеж Дурлешть, Боюканы, где приведя себя в порядок с 13.00 24.8.44 года, согласно приказу штаба корпуса, продолжала наступление в юго-западном направлении, в общем направлении Бобейка – Стальничень.

По уточнённым данным потери дивизии с момента начала наступательных действий, к 10.00 25.8. 44 года составляют: убитыми – 21, ранеными – 220 человек. Противник потерял более 300 человек убитыми и ранеными, взято в плен 240 солдат и офицеров, взяты трофеи – около 500 повозок с различным военным грузом, 200 лошадей, 36 орудий разного калибра, 4 миномёта, 4 пулемёта, 3 склада с боеприпасами, много инженерного имущества (провода, мины, железные колья), большое количество боеприпасов всех видов, вооружение и снаряжение, разбито более 130 повозок, 7 автомашин, убито 45 лошадей, разбито много военной техники».

Вот как описал день освобождения Кишинёва по горячим следам известный молдавский советский поэт, прозаик и переводчик, участник Великой Отечественной войны Иосиф Балцан в 1944 году в своём известном стихотворении «Двадцать четвёртое августа»:

Нас захватил садов и пепла запах,
Когда вошли мы с боем в Кишинёв.
А он сынам указывал на запад
Руками искалеченных домов.
Мы на пороге увидели снова
Родных людей
В неповторимый час.
И на пороге жизни
Вся Молдова
Встречала нас
И провожала нас.
Молдавский виноград созрел
до срока,
До срока в бочках
он перебродил,
Чтоб угостить бойца,
Что шёл с востока
И что на запад дальше уходил.

Победители

24 августа – день освобождения Кишинёва – вошёл в историю как день освобождения Молдавии от фашистских захватчиков. Хотя окончательно дивизии 6-й немецкой армии, попавшие в «кишинёвский котёл», прекратили сопротивление к исходу 27 августа 1944 года. А уже 31 августа Красная Армия вошла в Бухарест.

Борис ШАПОВАЛОВ – историк, политолог, публицист, доктор философии в области социологии, преподаватель истории и общественных наук высшей дидактической степени, член-корреспондент Международной кадровой академии. Родился в 1958 году в селе Кицканы, Слободзейского района МССР. Окончил Кишинёвский государственный педагогический институт имени И. Крянгэ, Межрегиональную академию управления персоналом. Автор 44 книг – учебников и методических работ по истории, маркетингу, менеджменту, экономике, праву и педагогике; в том числе трёх книг о Великой Отечественной войне: «Кицканский огненный плацдарм», «Лента нашей памяти» и «Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Документы, цифры, факты». Член Национального Координационного комитета «Победа», член руководства Союза офицеров РМ, член Совета Конгресса русских общин Молдовы, заместитель председателя общественного движения «Родина – Евразийский союз».

Живой родник

Нашему доброму товарищу и постоянному автору, члену Союза писателей России и правления Ассоциации русских писателей Молдовы, председателю старейшего в городе Клуба книголюбов «Универсул» Анатолию ЛАБУНСКОМУ этой осенью исполнилось 70 лет. Присоединяемся к многочисленным искренним поздравлениям в адрес юбиляра и желаем Анатолию Константиновичу много радостных лет, здоровья, вдохновенного творчества и любви.

Редколлегия журнала «Русское поле»

АЛЕКСАНДРА ЮНКО

МОЙ ПРЕЗИДЕНТ

В школьные годы я, как и прочие мои сверстники, зачитывалась повестью молодого тогда ленинградского писателя Вильяма Козлова «Президент Каменного острова», которая, прежде чем выйти книгой, печаталась главами в газете «Пионерская правда». И все девочки Советского Союза вместе с героиней Алёнкой грезили о прекрасном и загадочном герое, ведь он, кроме всех мыслимых и немыслимых достоинств, обладал ещё и таким непривычным тогда для отечественных просторов званием. Это вам не какой-нибудь старорежимный король или привычный председатель совета отряда – пре-зи-дент!

Прошло всего несколько лет, и в числе большой группы литераторов, артистов, художников и киношников я присягнула (раз и на всю жизнь) первому известному нам некнижному президенту – Анатолию Лабунскому. Бывший браваый моряк и бывший студент Кишинёвского института искусств возглавил республиканский Клуб творческой молодёжи при ЦК ЛКСМ Молдавии.

Собирались мы в новеньком Молодёжном центре имени Юрия Гагарина (сейчас он, как и многие другие исторические здания, лежит в руинах). К этому «Каменному острову» регулярно причаливали братья Теодоровичи, Штефан Петраке, Валерий Ведрашко, Вячеслав Мадан, Зиночка Чеботарь, Слава Полтавец, Юра Радченко, Светлана Мосова, Иван Таукчи, Саня Бодягин, Миша Бородин,

Светлана Бахрушина (Боля), Юлия Семёнова (тогда ещё школьница, взиравшая на старших с робким восторгом), литературное объединение «Орбита» при газете «Молодёжь Молдавии» в полном составе, в том числе ваша покорная слуга, и многие, многие другие... И любой мэтр и «полумэтр» почитал за честь быть приглашённым в подвальное помещение, облицованное плиткой, обработанной под дикий камень.

Нас никто не развлекал – ни приглашённые знаменитости, ни нанятые масовики-затейники. Да в этом и не было нужды, ведь все названные мной имена уже тогда сами становились звёздами эстрады, театра, кино, выставочных залов, телевидения, газет и журналов.

И уж тем более никто не оплачивал наш наполненный досуг: вскладчину покупали чай, пачки сигареты, сами варили «кофе бочковой», к концу вечера поднимали розничные цены на каждую «палочку здоровья», а вырученные деньги вкладывали в следующую встречу. Каждый час здесь превращался в праздник, каждый разговор – в дискуссию, а кратковременные контакты оборачивались дружбой на долгие годы. И – ах да – фонтаны били голубые, а уж красней роз я ни разу не видела в последующие годы.

На сцене Молодёжного центра Толя Лабунский поставил несколько спектаклей. После школьного драмкружка и университетского народного театра «Факел» именно у него я сыграла свою лучшую роль – скорбящей матери: у меня обнаружилась чёрная шаль и довольно беззащитный, когда снимала очки, взгляд. В таком виде я являлась главному герою, терзая его совесть, а в этой позиции блистал никому пока не известный студент Борис Бекет, в будущем именитый молдавский актёр и режиссёр, заслуженный артист Молдовы. Он с огромным темпераментом произносил коронную фразу: «Пойду сменю колесо на директорской машине», а звучало это как «Пойду сменю кальсоны...», отчего на репетициях все, включая режиссёра, катались от смеха.

Понятно уже, что все мы не только регулярно виделись с нашим президентом, но и общались накоротке, без протокола и прочих церемоний высокой международной политики. А родился он, между прочим, в послевоенной Вене, и на тех меридианах, сами понимаете, в далёком 1947 году витали немного другие флюиды.

Мы в своих 70-х не знали слов «презентация», «опция» и «пиар». Аналоги лазера, мазера, мобильного, ноутбука и большого электронного коллайдера фигурировали лишь в фантастических романах. А термин «харизма» употреблялся учёными мужьями исключительно в словарях и специальных толстых монографиях. Однако какое-то особенное обаяние безошибочно чувствовалось в этом парне, не случайно все девчонки обожали его, несмотря на то, что он, как тогда выражались, в упор никого не замечал, кроме родной жены. Но – эти тёмные глаза, эти романтические кудри, эта родинка на щеке...

Дело, конечно, не только во внешности, хотя и тогда Толя был, и сейчас остаётся Финистом-ясным соколом, Витязем в тигровой шкуре, Давидом работы Микеланджело и Фэт-Фрумсом в одном флаконе.

Фактурного «гарного хлопца» вышестоящие всё норовили передвинуть на административные должности. Он работал заместителем начальника управления Кишинёвского горисполкома, директором Дворца профсоюзов, директором Республиканского русского драматического театра имени А.П.Чехова. И на богатой ниве молдавской культуры не потерялся. Но подлинные его таланты проявились

в другом: Лабунский любил и умел работать руками, увлёкся резьбой по дереву и тиснением по бересте, стал народным мастером, участвовал в международных выставках прикладного искусства в Киеве и Санкт-Петербурге. Гони природу в дверь, она войдёт в окно...

Творческий потенциал, долгие годы копившийся внутри, прорвался наружу и в иной сфере. В литературную колею Анатолий Константинович ступил в том возрасте, когда иные уже заканчивают писательскую карьеру. И за несколько лет совершил, казалось бы, невозможное. Одну за другой издал несколько ярких, талантливых, самобытных книг. Вступил в ряды Ассоциации русских писателей Молдовы. Печатался в антологиях «Русское зарубежье» (Москва) и «Кишинёв в литературе» («Кишинёв»), журналах «Русское поле» (Кишинёв), «Москва», «Московский вестник», в альманахах «Персона» (Кишинёв), «Братина» (Москва), «Проклятый город Кишинёв» (Санкт-Петербург) и международном литературном портале «Подлинник» (Санкт-Петербург)...

Не так давно Анатолий Константинович дебютировал как художник. До сих пор тихо-мирно иллюстрировал собственные книги, а тут взял да и устроил в библиотеке Ломоносова экспозицию своих рисунков и картин. И, представьте себе, выставка пользовалась огромным успехом.

А когда ушёл из жизни незабвенный Евгений Иванович Рожко, Лабунский подхватил выпавшее из рук старшего товарища знамя и принял на себя командование старейшим в Кишинёве клубом книголюбов «Универсул». Не для того, чтобы покрасоваться у всех на виду. Внимания ему и без того хватает. Он за этим вниманием не гонится. К примеру, в театре, где некогда был директором, продолжает служить – рабочим сцены. Он такой, мой президент.

Верно говорят – талантливый человек проявляется во всём. Анатолию Константиновичу, как настоящему Даниле-мастеру, по плечу и спектакль поставить, и сколотить декорации к нему, и любое мероприятие экспромтом провести, и корпеть в тиши над словом или холстом, и ковёр выколотить, и буфет под старину вырезать. А как он готовит!.. Хлебосол, умеет принять гостей и накормить их своими фирменными блюдами вкусно и сытно.

В общем, хорош, саббака. До такой степени, что знакомые с Ботаники, заприметив, как мы с ним минут двадцать постояли и поговорили у входа в библиотеку имени Ломоносова, сначала свернули шеи от любопытства, а потом неделю допытывались, кто был этот эффектный седой красавец.

Настоящая красота, как понимаешь с возрастом, исходит из глубин человеческого существа. И поэтому Толю – Анатолия Константиновича – серебро на висках не портит, но благородно украшает, морщины же выдают пережитое. Без подробностей: брак с любимой женой (длившийся без малого 35 лет) распался. И к попыткам друзей с кем-то познакомить он относится без всякого энтузиазма. Что же это такое делается, товарищи?! Мужчины, как мы все знаем, делятся на две категории: «таких не берут в космонавты» и «такими не бросаются». Так вот, мой президент явно из второй категории.

Не зря на него кокетливо заглядываются все одинокие соседки в диапазоне от восьми до восьмидесяти. Он и улыбнётся в ответ, и не пожалеет доброго слова. Но, девушки, не обнадёживайтесь: сердце этого человека принадлежит любимым женщинам по нисходящей линии. А каждую свободную минуту он отдаёт литературе.

В прозу он вошёл так же непринуждённо, как иной входит в комнату. Начал набрасывать для дочери семейную сагу и так увлёкся, что вскоре хроники переросли в основательное историческое повествование под названием «Эстафета без финиша».

Стал записывать смешные случаи из флотской юности, и в результате получилась книга «Смерть Клеопатры, или Молдавские морские рассказы». Несмотря на эпитафию из Мигеля де ла Серны, это была ещё даже не беллетристика. Просто зафиксированные на бумаге устные байки, которые хорошо исполняются во время дружеских застолий. Но вот парадокс – время от времени перечитываю «Клеопатру» и ловлю себя на том, что хмыкаю, хихикаю и хохочу в голос, а потом плачу, потому что как соль подчёркивает вкус сладкого, так сквозь призму юмора острее режет драматичное и трогает трогательное. Писалось без претензий на литературу с большой буквы «Л». На поверку же вышел портрет эпохи, в которую мы были молоды и счастливы.

Потом Лабунский печатал в газете забавные мемуары о деятелях культуры и окологкультуры и собрал из них сборник «Звездопад» – энциклопедию нравов нашей с вами «провинции у моря» и её окрестностей.

Издав повесть «Побег длиною в жизнь», он многих удивил доскональным знанием отечественной истории, да ещё в местах отдалённых, куда некогда ездили из Молдавии студенческие стройотряды, и туго закрученным детективным сюжетом. В промежутке закончил пьесу «Жив Петрушка», где в списке действующих лиц рядом с актёрами – вечные духи театра, обитающие на колосниках. А затем одну за другой выпустил две книги романа «Перегон», настоящего блокбастера, в котором фантастическая составляющая органично переплетается с реальными историческими событиями.

В этой связи, Толя, давно хотела с тобой поделиться недавно подслушанным парадоксом: «Правда не должна портить хороший сюжет». Имеется в виду, конечно же, внешнее правдоподобие. Оно нередко служит частоколом, за которым леса не видно. Так что смело продолжай в том же духе. А хороших сюжетов тебе не занимать.

Если иные авторы мучаются, не в силах разродиться очередным шедевром, Анатолий Лабунский нехватки творческих идей не испытывает. Они рвутся из него, как сказано у Ильфа и Петрова, стремительным домкратом: успеть бы воплотить хотя бы часть, а от остального отклониться, чтобы не задавило ненароком. Едва закончив одну вещь, он тут же берётся за другую, которая уже нетерпеливо стучится изнутри, желает быть услышанной. И ещё не раз, надеюсь, удивит всех своих читателей и почитателей. Ведь писателю такого, не побоюсь этого слова, эпического дарования по плечу то, что никому и не снилось. И год от года растёт его творческая мощь и оттачивается мастерство.

Да, кстати, у него, как и у героя книжки Вильяма Козлова, есть свой клочок суши, со всех сторон окружённый водой. Задолго до «Петрушки» Анатолий Лабунский написал пьесу «Дикий остров». Примечательное совпадение, не правда ли?

С юбилеем, мой президент! Твоё здоровье!

АНАТОЛИЙ ЛАБУНСКИЙ

ВСПЫШКИ ПАМЯТИ

Они возникают неожиданно... Внезапно и неконтролируемо, яркими зрительными образами они воспроизводятся в сознании и переживаются нами, как письма из прошлого. Иногда в этих посланиях памяти высвечиваются значительные события, иногда телеграфом промелькнёт коротенький сюжет, изредка могут сверкнуть только подписи и даты. Чаще всего содержанием этих писем из прошлого становятся всплывающие из подсознания сведения, полученные когда-то во время неспешных бесед со своими предками, которые оставили неизгладимый след в твоей душе. Вспышки памяти несут в себе крупницы великой и драматической истории XX века; истории, авторами которой были люди близкие тебе по крови; истории, в подлинности которой ты сомневаться не будешь.

Д Е Д

Уже более полутора лет война терзала всю Европу, уже более чем в тридцати странах гудели колокола, отпевая не вернувшихся с войны землеробов и плотников, торговых людей и ремесленников, когда на смену убывающим солдатам в грязных, с обвалившимися после зимы брустверами, сырых окопах под Ковелем появился молодой железнодорожник из Молдовы.

1916 год был кульминацией всей войны. Антанта (Англия, Франция, Россия), противоборствуя странам германского блока (Австро-Венгрия, Италия, Болгария, Румыния, Турция) мобилизовали практически все свои людские и материальные ресурсы. Армии понесли колоссальные потери, однако ни одна из

сторон не добилась сколько-нибудь серьёзных успехов, способных открыть перспективы успешного окончания войны. Это был тяжёлый позиционный тупик.

Парфений Коломейченко попал на фронт именно в это уныло-окопное время. Первое впечатление от увиденного не оставляло его впоследствии долгие годы.

На кожихах пулемётов с добродушным названием «Максим» лежал последний весенний снежок, что свидетельствовало о том, что их уже давненько не использовали по назначению. Изредка ухали гранаты. Состояние войны поддерживалось ленивыми, небрежно неточными артобстрелами.

В задрипанном медсанбате не было никаких условий для оказания помощи раненым. Дверь в сырой блиндаж, кособоко занавешенная рваной, хлопающей

на ветру плащ-палаткой не способствовала проветриванию помещения от запаха карболки и кислой вони, исходящей от груды окровавленных бинтов, марли и ваты, валяющихся в углу.

Двое солдат, даже не прячась от противника, хлопотали над убитой лошастью, лоскутами задрав шкуру на её бочине, пытаясь поаккуратнее срезать с белеющих рёбер кусочки мяса. Рядом в глубокой воронке группа давно не бритых солдат сидела вокруг костерка, на котором в каске, снятой с убитого немецкого солдата, булькала грязная похлёбка, в серой пене которой один из них, меланхолично тыкая штыком, пытался утопить всплывающие куски конского мяса...

Многomesячное содержание в окопах нескольких миллионов солдат и сотен тысяч единиц боевой техники, без надежд на ратный успех, постепенно обескровливало экономику десятков государств, вызывало уныние и ропот войск, а также недовольство мирного населения стран-участниц. Ситуацию могли разрешить только активные действия. С этой целью императором и Ставкой Верховного командования в марте 1916 года главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта был назначен генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов, считавшийся в русской армии одним из наиболее заслуженных военачальников. С приходом Брусилова началось наращивание сил. Армии пополнялись личным составом.

Именно в эти брусиловские призывы и «забрили» молодого Парфения.

Промозглый март и слякотный апрель на севере Волыни прямо на границе с холодной Белоруссией стали для молодого южанина серьёзным испытанием. Перематывая мокрые портянки и выливая из ботинок воду, которой в окопе всегда в избытке, Парфений зло плевался и рассказывал не очень верящим ему солдатам, что у него в Варнице («А где это?») сейчас уже начинают цвести абрикосы («Ну ты и загнул!»), а в подвале ещё вёдер сто прошлогоднего вина («Вёдер!? Да ладно врать-то!»).

Прошло всего пару месяцев его военной карьеры, а Парфений уже перестал кланяться тихому шелесту каждой шальной пули и вздрагивать при редких разрывах гранат.

В тихих солдатских хлопотах незаметно прошёл апрель. Поднялись зелены. Майское солнце подсушило окопы. Лесные опушки закипели сиреневым цветом. Цветочный дурман смущал душу, беспокойные думы и днём, и ночью уносили в далёкую Молдавию. Казалось, что уютная ВАРница называется так только потому, что там живёт его любимая, его единственная и неповторимая жена Варя; жена, из жарких объятий которой его вырвали эти проклятые австрияки, сидящие в траншеях между тем вон бугром и вот этой рощей. Мало того, они же ещё и норовят тебя подстрелить. Но не-е-е-т!

Парфений твёрдо решил, что он домой вернётся живым и здоровым. Варя ничем не заслужила такой несправедливости, и мужа она дождётся!

В конце мая на скучающих позициях начало что-то происходить.

Внешне ничего особенного. Просто так, по мелочам. То в разведроту появились так называемые «пластуны», то есть лазутчики, которые принялись каждую ночь шнырять за линию фронта, то вдруг на самую передовую, разглядывая в бинокли противника, зачастили целые «букеты» штабных с тяжеленными золотыми погонами. Иногда, добравшись с пустым термосом до полевой кухни за обедом для своего отделения, можно было услышать, что артиллеристам привезли кучу боеприпасов.

Поползли слухи: то ли австрияки готовят наступление, то ли наши отцы-командиры вознамерились дать им по башке. Так или иначе надо было написать письмо домой и приготовить чистое нательное бельё. По древней русской традиции помирать воин должен был в чистом исподнем...

Письма с фронта приходили в Варницу редко. Тем радостней было их получать.

Не умеющая читать Варя брала письмо и ходила по магале в поисках какого-нибудь грамотея. Найдя, садилась напротив него, подпирала кулачком подбородок и, промокая передничком срочно увлажняющиеся глаза, слушала как «учёный» сосед из замысловатых закорючек складывал слова, которые сливались в пропитанные тоской и нежностью заверения в любви, приветы и поцелуи...

После прочтения этих писем жизнь становилась радостней, всё вокруг расцветало, и тащить на себе это огромное хозяйство, свалившееся на её хрупкие плечи, Варя становилось значительно легче. Но проходил денёк-другой и снова хотелось услышать слова любимого мужа и приходилось брать письмо и опять идти на поиски.

Желание поговорить с любимым было настолько велико, что иногда по вечерам Варя шла в святой угол, вытерев руки о передник, трижды крестилась и осторожно вынимала из-за иконы Пресвятой Богородицы сложенные треугольничком листочки.

Это было волшебство.

Бережно развёрнутый и аккуратно расстеленный на столе листок начинал звучать голосом Парфения, когда Варя тонким пальчиком проводила по кособоким цепочкам таинственных значков. И пять, и десять раз подряд, повторяя заученное наизусть письмо, приглаживая выцветавшие строчки, Варя стала постепенно узнавать отдельные слова «в лицо». Она уже хорошо знала, как выглядят слова: «Здравствуй, дорогая, незабвенная жена Варвара!» или «С солдатским приветом к тебе твой муж Парфений!». Особенно быстро она запомнила слова «Целую» и «Твой Парфений».

Наговорившись с мужем, Варя складывала треугольнички в стопку, перевязывала их тесёмкой.

– Матерь Божия, Царица небесная, спаси и сохрани мужа моего Парфения Митрофановича, прости ему все прегрешения, отведи от него руку вражью, а я буду тебе благодарна во веки веков. Аминь!

С этими словами она целовала икону и бережно прятала за неё письма мужа.

Прошло всего полтора года со дня первого письма с фронта, а Варя уже умела читать. Настойчивость и неистребимое желание сделали своё дело. Ну что ж, у каждого из нас свои университеты...

Всё началось грандиозной, ни с чем не сравнимой артиллерийской подготовкой.

С трёх часов ночи 3 июня до девяти часов утра 5 июня 1916 года, практически двое суток без перерыва 1938 орудий изрыгали смерть. Первая линия обороны противника была разрушена, частично нейтрализована его артиллерия.

Перешедшие в наступление четыре армии Юго-Западного фронта генерала Брусилова прорвали оборону австро-венгерского фронта, которым командовал эрцгерцог Фридрих. Прорыв был осуществлён сразу на 13 участках и быстро развивался в сторону флангов и в глубину.

Волею судеб Парфений оказался в рядах 8-й армии под командованием генерала Алексея Каледина, добившейся наибольшего успеха. Прорвав фронт, калединцы 25 июня заняли город Луцк, а к 15 июня, разгромив 4-ю австро-венгерскую армию эрцгерцога Иосифа Фердинанда, продвинулись в глубину обороны на 65 километров.

Успех 8-й армии, а также угроза её наступления на Ковель заставили противника перебросить на это направление две германские дивизии с западноевропейского театра, две австрийские дивизии с итальянского фронта и большое количество частей с других участков Восточного фронта.

Сухой язык военных сводок констатирует: «Начатый 16 июня контрудар австрогерманских войск против 8-й армии не достиг успеха». Не достиг... Всего лишь... Сколько жизней стоит за этими словами. Сколько затраченных сил и страданий.

Вышеупомянутый контрудар калединцы нейтрализовали, буквально утопая в болотах. Именно в это критическое время соседний Западный фронт ни с того ни с сего начал перегруппировку сил, и его командующий генерал Эверт перенёс наступление на июль. В результате чего без поддержки с флангов, фактически в отсутствии резервов Юго-Западный фронт генерала Брусилова, только за счёт оперативного военного мастерства, искусного манёвра и беззаветного героизма солдат в течение 70 суток, развивая наступление, закреплял свой успех.

Однако бесконечно так продолжаться не могло. В середине июля, выйдя к реке Стоход, без достаточных резервов 8-я и 9-я армии вынуждены были остановиться. Две недели передышки дали возможность германскому командованию перегруппировать силы и последующие атаки русских дивизий были отбиты.

«Прорыв не терпит перерыва»...

Именно поэтому успешную операцию Юго-западного фронта под командованием генерала Брусилова военные историки назовут «проигранной победой».

В этой фактически забытой потомками военной операции, от которой осталось только хлёсткое название «Брусиловский прорыв», за 70 суток непрерывных боёв потери войск германского блока составили более миллиона человек. Безвозвратные потери войск Юго-Западного фронта России – около полумиллиона человек.

Полтора миллиона...

Кровавая бойня, мясорубка, пушечное мясо... Все эти выражения навязли в зубах и не способны возбудить воображение, чтобы дать возможность хоть как-нибудь представить себе вселенский масштаб трагедии.

Протяжённость Юго-Западного фронта составляла 550 километров. Это немногим больше, чем расстояние от Кишинёва до Бухареста. Так вот – полтора миллионов жертв этой операции хватило бы, чтобы их телами один к одному выложить это расстояние в шесть с половиной рядов.

Парфений Коломейченко, оставаясь верным своему слову вернуться домой живым, прошёл через 70 суток кровавой жатвы невредимым. Трудно сейчас предположить, что помогло ему в этом. Может быть, действительно Дева Мария прислушалась к слёзным просьбам молодой солдатки, а, может, просто бог войны устал косить и вязать в снопы братских могил тысячи людей, виноватых только в том, что они по чужой воле стали солдатами.

Однако война продолжалась, и Марс не мог позволить себе роскоши отпустить солдата домой, не оставив на нём своей чёрной отметины. Через год после Брусиловского прорыва в возобновившейся нудной окопной тягомотине Парфений был серьёзно ранен. Спустя несколько госпитальных месяцев он наконец-то обнял свою истосковавшуюся супругу Варвару Ефимовну. Из-за сложнейшего ранения Парфений был комиссован и на фронт не вернулся.

ОТЕЦ

Везунчиком Костя был патологическим...

Срочную службу он проходил в городе Баку. Это было время беззаботной юности, когда он мог распевать весёлые песни, пародируя азербайджанцев:

Шёл Мамэд, нёс абэд, ваааай, вай.
Упал Мамэд, разлил абэд, ваааай, вай!
Нэ плач, Мамэд, будет абэд, вай, вай, вай.
На том свэти вмэсте будем, вай!

Шёл Кацо, нёс яйцо ваааай, вай.
Упал Кацо, разбыл яйцо ваааай, вай.
Нэ плач, Кацо, будет яйцо, вай, вай, вай.
На том свэти вмэсте будем вай!

В городе Баку всё пропахло нефтью и всё подчинено нефти. Военная часть, расположенная здесь, не была исключением и тоже была вовлечена в проблемы нефтедобычи. Чаще всего солдат привлекали к тушению постоянно возникавших на промыслах пожаров. На всю жизнь запомнил Костя пожар в Биби-Эйбате, в тушении которого он принимал участие. Пожар, полыхавший пять дней и унесший жизни многих пожарных и солдат, забыть невозможно. На фоне привычной для Баку сорокаградусной жары, река горячей нефти, стекающая по склонам и поджигающая всё на своём пути, это не просто яркое зрелище – это ад!

Когда пожар был потушен, измочаленные солдаты вернулись в часть. Для релаксации героев, снятия стресса и поднятия морального духа к ним с концертом приехали синемблужники (так в то время называли агитационно-художественные бригады). Как удалась задумка командования на счёт релаксации, не знаю, но среди синемблужников Костя высмотрел черноглазую красотку со странным двойным именем Аннелли (Анна-Нелли). И высмотрел, как оказалось, совсем

не зря. Дело в том, что буквально через месяц она (в некотором смысле) спасла ему жизнь. Возвращаясь вечером с учений мимо улицы, где жила Нелли, Костя для свидания с ней на ходу выпрыгнул из грузовика, в котором ехали солдаты, то есть ушёл в самоволку. Грузовик через несколько кварталов перевернулся на повороте.

Результатом этой счастливой случайности стало создание новой семьи.

Счастливой случайностью было и то, что однажды в июне в пароходстве «Каптанкер», где Костя работал геодезистом, ему вовремя не выдали отпускные, в результате чего он с Нелли, ставшей к тому времени его женой, не смогли выехать в Белоруссию на празднование шестидесятилетия её отца, которое должно было состояться 22 июня 1941 года. В результате этой незначительной финансовой заминки они остались живы, тогда как отец и четырнадцать кровных родственников Нелли, прибывших на юбилей, были схвачены и расстреляны гитлеровцами.

Призывной пункт – эшелон – фронт. Это маршрут тысяч мобилизованных летом 41-го, среди которых был и Костя.

Впоследствии о первых месяцах войны он не говорил. Просто это было горькое время массовой гибели неподготовленных, плохо вооружённых солдат, время обидных отступлений, когда измотанные войска вперемешку со стадами домашнего скота, телегами, гружёнными домашним скарбом, и толпами перепуганных эвакуируемых толклись на пыльных прифронтовых дорогах, нередко попадая под бомбёжки и в окружение.

Первый военный поход закончился для Кости в июне 1942-го в Керчи. Шли тяжёлые бои. Советские войска были прижаты спиной к Керченскому проливу и, вцепившись в последний клочок суши, яростно сопротивлялись. Чередуя артобстрелы с пехотными атаками, немцы стремились столкнуть оборонявшихся в море. Костя, повидавший многое за год постоянных боёв и отступлений, сидя в траншее в центре этой мясорубки уже не чувствовал себя необстрелянным новичком.

Любые военные действия, в какой бы местности они не проходили, имеют одну общую характерную особенность: солдата надо кормить! Для этого существуют полевые кухни. На этот раз очередь ползти к полевой кухне за обедом выпала Косте. Несложный путь туда и обратно солдат преодолел довольно быстро, но, когда он с двумя буханками хлеба за пазухой и пятилитровым термосом в руке приполз назад, обедать было уже некому. Артиллерийский снаряд прямым попаданием угодил в окоп, из которого пятнадцать минут назад выполз Костя. И снова Фортуна стояла к везунчику лицом и широко улыбалась!

Кровопролитные бои продолжались ещё несколько дней и, в конце концов, немцы выбили защитников из окопов и рассеяли их по берегу пролива. Кто-то пытался отстреливаться, кто-то – использовать лодки, любые другие плавсредства, даже обломки досок, кто-то просто бросался в воду, пытаясь переплыть пролив на краснодарскую сторону. Это было бегство обезумевших...

На фоне всеобщей агонии Костя выглядел хладнокровным солдатом, не потерявшим рассудка. Видимо, за год боёв он научился улавливать тот момент, когда Ника (богиня Победы) бросает лавровую ветвь противнику, а тебе, выражаясь языком русских полководцев екатерининских времён, достаётся «конфузия». Увидев, что кровавый разгром принял необратимый характер, он не кинулся, очертя

голову, в кипящую от снарядов воду, а пошёл вдоль берега на юг, в сторону косы Тузла, и, выйдя из зоны обстрела, а, возможно, и видимости, наткнулся на берегу на рыбацкую лодку и на ней переправился через Керченский пролив.

Керченский полуостров стал последним пристанищем для тысяч советских солдат, героически сражавшихся за этот клочок земли и всё же раздавленных врагом. Несколько сот выживших в буквальном смысле ушли под землю. Спустившись в бесконечные лабиринты Аджимушкайских каменоломен, они более полутора лет не давали покоя оккупантам, ведя партизанскую войну. Фашисты в прямом смысле выкуривали их из-под земли, закачивая в штольни газ и отравляющие вещества.

После освобождения Керчи из каменоломен вышли не более десятка измощённых, совершенно ослепших защитников Аджимушкай.

Выживший в керченском разгроме и благополучно переплывший пролив Костя, плутая по просёлкам вокруг Таманского залива, с трудом добрался до города Темрюк. Без особых сложностей разыскав сборный пункт, представился там и предъявил свою солдатскую книжку. По истечении нескольких часов, ушедших на проверки, Костин алюминиевый котелок, бесполезно болтавшийся на поясе на протяжении двух последних суток, наконец, наполнили горячим супом.

Проторчав на сборном пункте полторы недели, Костя успел написать домой целых три письма. Его надежды вырваться на пару дней в Баку не оправдались. Команда, в которую он попал, отправилась на фронт.

Всё начиналось сначала. Далее было форсирование Днепра под командованием легендарного генерала Ватутина, потом Дунай, кровавый ад трёх будапештских операций «Конрад», а затем контрразведка II-го Украинского фронта.

Но всё в мире конечно. Окончилась и эта, казалось, бесконечная война. Десятки тысяч воинов домой шли, ехали – с фронтов, из госпиталей, из концлагерей, из плена... Опалённое войной поколение ВОЗВРАЩАЛОСЬ...

Об этом времени при полном отсутствии героического пафоса и парадной помпезности, на верхнем пределе искренности, пронзительно тихо, по-солдатски просто сказал учитель русского языка и литературы, фронтовик Булат Шалвович Окуджава:

«С войной покончили мы счёты,
Бери шинель, пойдём домой...».

Константину этой радости не выпало. По окончании войны до самого конца 1949 года он продолжал службу в комендатуре Вены в Австрии, зато получил возможность пригласить к себе свою семью.

Как и положено казаку, капитан Лабунский был не лишённым отваги, бесшабашным весельчаком. Правда, его шутки не отличались английской чопорностью (откуда?) или французским изяществом (ещё бы!). И примеров тому много.

В военном городке изредка появлялся австрияк-фотограф, он обслуживал семьи, проживающие в доме офицерского состава. Однажды после предварительной съёмки детей военнослужащих он пришёл в городок. Жёны офицеров бежались, чтобы получить фотографии своих чад, но австриец заявил, что детей надо переснять, ибо всё ушло в брак, и удачным оказался снимок только одной девочки. Нелли попросила показать удавшийся снимок и угадала. Девочкой на

снимке был её длинноволосый сын Толик, которого не стригли до трёх лет. Чтобы рассчитаться с фотографом, Нелли пригласила его в дом.

В это время Константин разбирался с только что купленными в военторге товарами из последней поставки с Родины. Здесь были, естественно, водка, «Шахтёрские», грузинский чай и прочее.

Уплатив два шиллинга за пять фото, Нелли хотела проводить фотографа, но Константин остановил его и, налив полстакана водки, предложил австрийцу выпить. Несколько смущённый гость отнекивался для порядка, но стакан осушил залпом. Ошибка была в подходе. Вот как раз залпом-то и не надо было! Австрийскую глотку, не подготовленную к встрече с русским зельем, тут же свело спазмом, она с протяжным скрипом стала работать только на вдох, с вывалившегося языка закапало на пол. Достигнутый эффект, по всей вероятности, не был для Константина неожиданностью. Широко улыбаясь, он подождал, пока выпученные, как у рака, глаза

за фотографа не встретятся на переносице, и опустил кулачище между лопаток скорчившейся в конвульсии жертве. От удара весь воздух, в течение минуты засасываемый в лёгкие, взрывом рванул наружу из всех отверстий.

Подождав, пока бедный фотограф вытрет слюни и промокнет слёзы с вернувшихся на место глаз, Константин предложил несчастному папироску. Курни, мол, пройдёт! Сморкаясь и тяжело дыша, наивный австриец взял «шахтёрскую» и, прикурив от любезно поднесённой фронтальной зажигалки-гильзы, в надежде на облегчение, глубоко затянулся...

Всё... Финиш!

В этом месте на биографии задыхающегося в диком кашле австрийского паразити можно было бы поставить жирную точку, если бы подбежавшая Нелли не влила в его хрипящее горло стакан молока. Очень может быть, что именно этим молоком она спасла австрийца от удушья, а мужа – от трибунала.

Наржавшись вволю, капитан выводил шатающегося австрияка со словами: «И с кем мы воевали?..».

По закону жанра впоследствии этого фотографа арестовали по обвинению в шпионаже. Дескать, чего-то там ненужного наснимал.

БРАТ

Возвращение в Союз радости не принесло.

Пройдя войну с первого до последнего дня, Костя изменился до неузнаваемости. Результатом всего пережитого стало полное безразличие, опустошённость, пристрастие к спиртному, а скольжение по служебной лестнице закончилось в затерянном в бескрайних украинских степях селе Тритузное. Пришло время и, взяв троих своих мал мала меньше, Нелли, которую к тому времени уже называли Ильиничной, ушла от мужа.

Шло время. Взрослели дети. Долгие годы она надрывалась, выполняя установку, которую сама перед собой поставила.

– Я не знаю, какой путь вы выберете для себя, но среднее образование я вам дать обязана!

Слово Ильинична сдержала.

В то время большая часть учащихся средних школ по разным причинам по окончании семи классов уходила из школы. Кто-то в поисках профессии поступал на различные курсы и в техникумы, а многие просто шли работать. Лёня и Алик тоже подумывали об этом. Соблазн заработать свои собственные деньги у пятнадцатилетних подростков был велик, да и бесконечная нищета обрыдла, но мама была непреклонна. В результате у всех сыновей – среднее образование и возможность учиться в институте.

Правда, окончив школу, Лёня на выпускной вечер пойти не смог: не было приличной одежды...

Зато к всеобщей радости у семьи появился мужчина-кормилец. Лёня пошёл на работу в колхоз. Не как школьник на каникулах, а по-взрослому, насовсем. Мама купила ему первую пачку папирос «Шахтёрские», что было признанием его как мужчины. Эта покупка носила ритуальный характер, потому что в семье знали, что Лёня и Алик украдкой курят, за что оба были биты нещадно, многократно и безрезультатно.

Лёнины университеты начались через полгода после окончания школы. Осенью в селе Тритузном был объявлен набор на курсы механизаторов, куда его и направил колхоз.

Через три месяца Лёня получил удостоверение тракториста колёсных тракторов и оседлал вожделенный «Универсал»! Это было чудо техники послереволюционного периода, обладавшее здоровенными металлическими задними колёсами, украшенными железными шипами. Некоторое время прицепщиком (помощник тракториста) у Лёни работал Алик. В виду того что семейный экипаж ходил в чёрных промасленных комбинезонах, братьев называли черногузами (по-украински – аисты).

Черногузы работали исправно. Было впечатление, что они, засидевшись у маминой юбки, дорвались до работы и, получив в своё распоряжение хоть и чудовищного, но «железного коня», пытались наверстать упущенное.

В результате трудов праведных Лёне надавали кучу рекомендаций, и он был принят в кандидаты в члены КПСС. Быть принятыми в партию до призыва в армию тогда могли очень немногие. Ильиничну, коммуниста с огромным стажем, просто распирало от гордости за сына-трудягу. Особенно она сияла, когда вдвоём с Леонидом они шли на партийные собрания.

Призыв в армию для Лёни отложили, ибо оставить мать-инвалида и двоих школьников без кормильца не могли. Однако, как только Алик окончил десятилетку, старшего тут же «забрили».

Три года службы промчались незаметно. Демобилизовавшись, некогда худой, оборванный тракторист предстал перед подросшими сельскими девушками во всей строгой солдатской красе, сверкая нагрудными значками, до золота надраенной ременной бляхой и гармошкой начищенных сапог.

Ильинична светилась от счастья! Вырастив в одиночку троих сыновей, она могла себе это позволить, тем более, что старший из них убедительно доказал, что Родина может рассчитывать на её парней. Её совесть коммуниста могла быть спокойна.

Кстати, о делах партийных. Маму очень беспокоило отсутствие учётных документов Лёни, которые, согласно существующим правилам, должны были прибыть по почте с места прохождения службы в местный райком.

Гром грянул через два месяца после демобилизации.

В райком партии прибыли документы на коммуниста Лабунского Л., в учётной карточке которого чёрным по белому написано – «ИСКЛЮЧЁН» ...

Для Ильиничны это было самое большое потрясение в жизни. Над ней закачалось небо, под ней разверзлась земля. Её сын исключен из рядов Коммунистической партии! Её сын! Её надежда и опора! Жизнь потеряла смысл...

Она заболела. Она стеснялась ходить по улице. Ей казалось, что все тычут в неё пальцем и шепчутся за спиной: «Вон идёт мать исключённого...».

Напрасно Лёня пытался успокоить её и объяснить, что ничего страшного не произошло, что десятки тысяч людей живут без партии, и он проживёт.

– Ах без партии?! Не-е-т! Партия это всё, что у меня есть! А ты, ты предал всё, что мне дорого, всё, чему я так преданно служила всю свою сознательную жизнь!

А «предатель всего святого» пытался рассказать братьям героическую историю своего исключения. Дескать, во время смотра жалоб и заявлений (это когда приезжая комиссия выслушивает от каждого солдата в отдельности его жалобы) он как настоящий коммунист, рванув рубаху на груди, рассказал обо всех издевательствах над личным составом и прочих ужасах армейской жизни. Однако приезжее начальство вернулось восвояси, а местное свело с правдборцем счёты, исключив его из рядов авангарда строителей коммунизма.

Вот такая баллада о самопожертвовании, тянущем на медаль «За отвагу».

Но пройдёт много-много лет и шестидесяти шестилетним стариком, узнав, что его младший брат взялся за написание истории семьи, дедушка Лео, тяжело выдохнет:

– Ну, сейчас можно. Мамы уже нет... - и расскажет истинную причину исключения его из партии.

Банальная солдатская история. История – даже слишком сильно сказано. Хрестоматийный случай. И произошло это на полигоне под городом Николаев, куда гаубичный полк прибыл на стрельбы.

Лёня, измочаленный учениями, около четырёх утра уснул на посту...

Дежурный по части, проверяя посты, увидел спящего часового, потихоньку подкрался, вытащил у него из рук автомат и, оставив его досматривать сны, ре-

тировался в дежурку. Усталый солдат, слегка отдохнув, проснулся и, сбившись с ног в поисках автомата, понял, что за утерю оружия ему грозит более серьёзное наказание, чем за сон на посту.

Три дня он просидел на гауптвахте (роль её на полигоне исполняла обычная солдатская палатка), по вечерам вылезал через дыру в ней, чтобы покурить с ребятами. Днём же его под конвоем водили на стрельбы, потому что без буссолиста (буссоль – оптический прибор привязки к местности) батарея не может осуществлять стрельбу.

Гауптвахтой не кончилось. По возвращении в Сарату, где дислоцировалась часть, дело приняло политический оборот. Подленький офицеришка, спёрший у солдата автомат, каким-то образом исчез из поля зрения недреманного ока партийного бюро, а вот нечаянно уснувший коммунист Лёня вызывал справедливую тревогу и озабоченность Коммунистической партии Советского Союза. Революция в опасности!

И собаки были спущены. На бедном солдатике отыгрались всласть! Ведь, будучи единственным из рядовых солдат членом партии, посещая партийные собрания, он становился невольным свидетелем разбора персональных дел проворовавшихся офицеров, офицеров-пьяниц, семейных дебоширов. Было бы значительно лучше, чтобы солдаты ничего подобного не знали. Поэтому нужное решение было принято – исключить!

Решение должно было быть утверждено партийным комитетом штаба армии, находившегося в Кишинёве. Получив на руки проездной билет до Кишинёва и обратно, морально растоптанный солдатик прибыл в штаб армии.

Два с половиной часа, ожидая пока повестка дня парткома будет исчерпана, дрожащий солдатик изнывал под дверью, а представ перед сверкающей здоровенными звёздами на погонах и широкими лампасами на штанах парткомиссией, Лёня выглядел беззащитным Бумбарашем, стоящим под проливным дождём в стоптанных ботинках и грязных обмотках. По истечении трёх минут, ушедших на освобождение коммунистической партии от любителя поспать, бывший её член спустился в столовую и, сидя над тарелкой штабной «похлёбки», обратил внимание на свои руки, в которых он держал ложку и кусочек хлеба. Их било мелкой дрожью...

К счастью, мама не узнала о том, что подумал в этот момент её сын. Её сердце, фанатично преданное партии, просто бы взорвалось от горя.

– И что же мне теперь застрелиться? Да будьте вы прокляты с вашей партией! Проживу... – ложка и хлеб разлетелись в разные стороны, и обретший вдруг силу солдат, громко топая сапогами, вышел из столовой, даже не обратив внимания на удивлённо вытаращенные глаза нескольких обедавших рядом штабных крыс.

Сегодня трудно себе представить глубину потрясения, испытываемого человеком, исключённым из партии. Он сразу же становился изгоем. Предательство, шпионаж в пользу иностранной разведки, совершение тяжкого преступления перенести было бы, наверное, проще. Ну тюрьма, ну расстрел! И всё... Конечно... Здесь же – позор и пожизненное презрение. В японском языке есть слово «НО-КУСАЦУ» означающее – медленно убивать презрением. Казалось бы, ну беспартийный и всё тут. Ан нет! Ты не беспартийный, ты изгнан из наших рядов.

Вот мы, весь советский народ, стройными рядами идём к светлому будущему, а вы (как вас там, ах да, Лабунский) выйдите из строя. Да, да... Вон из строя! И не стойте, как пень на тротуаре! Идите сзади, но только по обочине. Не вздумайте подпевать нашей песне. Смотреть только на носки своих ботинок. Вот так! Кстати, вы уже сдали свой партийный билет?

Исключение из партии лишило Лёню, человека весьма не глупого, всяких перспектив. В результате ко всему, что касалось коммунистической партии, он стал относиться (мягко говоря) скептически.

Через много лет, когда его младший брат, выполняя партийную «нагрузку», стал пропагандистом высшего звена в сети политпросвещения и иногда толковал с ним о политике, Лёня желчно замечал:

– Не могу с тобой спорить. Может, ты и прав... Ведь ты же у нас «пропагандон»!

НЕПРОСТАЯ ЖИЗНЬ ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ

«Невыносимо оставаться
Неоценённым скрипачом».
Виктор Кирюшин

В течение двух последних десятков лет русскому читателю Молдовы пришлось, как говорят, насмотреться. Растрёпанное противоречиями общество, анархическая вольница 90-х не могли не оставить пагубного следа в культурной жизни страны. Щедро сдабриваемый вседозволенностью на литературном поле Молдовы расцвёл чертополох графомании. Заявили о себе самостийные «союзы писателей», на полках книжных магазинов стали появляться самиздатовские сборники «мелкотравчатых» рассказов и стихов, низкопробные литературные журналы.

На этом фоне особняком стояла Ассоциация русских писателей РМ, по крупицам собиравшая ростки истинной художественной литературы Молдовы, формируя её новое лицо. Благодаря этой творческой организации, зазвучали имена талантливой молодёжи, родились новые произведения, принесли республике не одну международную награду. Литературное поле Молдовы, самоочищаясь, стало приносить качественные плоды.

На рубеже двух веков в Кишинёве зазвучало имя прозаика **Анатолія Лабунского**. В литературу он пришёл в зрелом возрасте. За короткий срок в свет вышли сборники его рассказов и стихов, пьесы, повести и роман. Сегодня к печати готовы ещё две его книги.

В своих произведениях он сумел продемонстрировать качества, способные отвечать самым высоким требованиям, предъявляемым к литератору. Его книги, написанные прекрасным русским языком, увлекательно повествующие о непростой жизни простых людей неизменно вызывают живой интерес у читателей. Так что к своему юбилею он подошёл во всеоружии. Не стоит думать, что всё сказанное – лишь традиционные хвалебные словеса в честь юбиляра. Нет! Это самая искренняя оценка труда собрата по перу, а похвалы он более чем достоин.

В мае сего года при поддержке Ассоциации русских писателей Молдовы Анатолия Лабунского приняли в Союз писателей России, что стало высокой оценкой семи его разных по жанру, неожиданных по содержанию, но одинаково талантливых книг.

Сюжеты его произведений рождены богатым жизненным опытом, а активная гражданская позиция даёт автору возможность говорить о проблемах, поднимаемых в произведениях, с точки зрения сформировавшегося человека, свидетеля очень многих знаковых событий, ставших вехами в жизни огромной страны.

Показательным в этом смысле является его роман-диалогия «Перегон».

Служба на флоте, личная причастность к громким событиям второй половины XX века подарили Анатолию Лабунскому собственный угол зрения на происходящие в стране события, а образование, полученное в Институте искусств, позволило творчески их переосмыслить. Пражская весна и события на острове Даманский в его романе обретают живое дыхание и достоверность рассказа очевидца. Угадывается сам автор, чья биография, как в зеркале, отражается в судьбе героя.

Сюжет «Перегона» многоаспектен. Подкупает умение писателя выстроить действие романа. События, казалось бы, не имеющие между собой ничего общего, происходящие не только в разных концах планеты, но и отдалённые друг от друга многими десятками лет, в конечном счёте пересекаются и, образуя главный нерв сюжета, складывают весь материал романа в прочное, монолитное строение.

Редкая особенность, на которую невольно обращает внимание читатель, – эффект присутствия, когда ты перестаёшь чувствовать себя сторонним наблюдателем и подсознательно становишься полноправным участником повествования. Достоверность описываемых событий, будь то кровавое столкновение на острове Даманский или мрачная, человеконенавистническая обстановка в психбольнице, исподволь буквально поработают сознание читателя, заставляя искренне переживать, думать и волноваться. В процессе чтения невольно возникает крамольная мысль: уж не проходил ли сам автор принудительное лечение в психиатрической лечебнице, настолько достоверны действующие лица и их окружение в этом печально известном учреждении. Сцена смертельной схватки повара пограничной заставы с умирающим, но предельно жёстким врагом – это лермонтовская поэма «Мцыри» в прозе. Уровень напряжения, испытываемого читателем, по окончании этой сцены заставляет его ощутить полное истощение сил и опустошающее, безрадостное чувство победы. При чтении книг подобное ощущение посещает читателя очень редко, но если оно возникает, то можешь быть уверен: в руках у тебя книга незаурядного мастера; человека, обладающего даром опытного художника, филигранно владеющего словом.

Роман «Перегон» наполнен событиями, где переплетаются историческая достоверность, художественный вымысел и фантастика, которая носит черты научности, что в целом оставляет глубокое впечатление, благодаря высокому градусу человечности. Говоря о «научности» эпизодов, связанных как с провалами во времени, так и с анализом понятия времени как такового, создаётся ощущение, что писатель для создания подобной коллизии глубоко погрузился в исследуемый материал.

В последнее время в прозе, особенно молодых писателей, стали исчезать любопытные детали, без которых проза не живёт, без которых она превращается в сухой доклад. По мнению великого Пушкина, смысл подробности заключается в том, чтобы ускользающая от нашего внимания мелочь сверкнула бы в глаза всем. С другой стороны, есть писатели, способные утомить читателя скучной наблюдательностью, но у автора «Перегона» деталь случайной не бывает. Каждая из них – тонкий штрих, позволяющий воспроизвести картину чего-то целого; помогает

воссоздать не только подлинную среду обитания героя, но и его состояние, его психику, сам воздух, которым он дышит, вызывая у читателя интуитивное и верное представление об описываемом событии и участвующих в нём персонажах. К примеру, такая деталь:

«...Жирная муха бесцеремонно прогуливалась по краю забытой на столе чашки. В ожидании её прилёта в углу зарешеченного паутиной окна дремал паук. В приоткрытую дверь каморки заглянул любопытный воробей, клюнул что-то на полу у порога и, решив, что место здесь не очень хлебное, упрыгал. Только сейчас Андрей со всей остротой почувствовал, как пусто было в его душе все эти долгие годы. Ему не дано было получить от жизни не только яростного, до полного изнеможения, но даже короткого и тихого, как добро, удовольствия. Его сердце продрогло в одиночестве...».

Автор «Перегона» обладает удивительной способностью создавать яркие, необычные образы. Роман изобилует целой галереей интересных, самобытных персонажей, обладающих выпукло прорисованными характерами. Какое-то непостижимое «живописание словом» позволяет автору несколькими штрихами создавать контрастные, хорошо запоминающиеся, щедро одарённые индивидуальными чертами портреты героев. Это несгибаемый капитан-лейтенант Нелюбов и атаманша банды хунхузов Прасковья, трагически погибшая Людмила и эксперт «Укрспецэкспорта» Любовь Доброход, уголовник «Вовчик» и профессор Бердников, якут Юлек и представитель Министерства обороны России полковник Елисеев...

Каждый персонаж занимает в романе свою нишу, и, не взирая на то, что многие из них по воле автора вынуждены играть свою роль не только в различных географических точках зрения мест, но и в разных эпохах, все они наполняют сквозное действие романа страстью, смыслом, дарят ему пульс, что делает произведение живым и настоящим.

Среда обитания героев романа, будь то маньчжурские степи или сопки Даурии, неугомонный Транссиб или умиротворённый Дунай, выписана в романе с таким воображением и любовью, что, обретая образную силу, становится в один ряд с действующими персонажами. Судите сами: «В пушистых белых сапожках пробегали зимы. В ярких веночках из полевых цветов кружились вёсны. В белом мареве из летящего пуха одуванчиков млели лета. В пёстрые лиственные шали кутались осени... Ничего этого Андрей не видел».

Стиль, свойственный автору романа, завораживает. Юмор, самоирония, искренность и простота выгодно отличают «Перегон» от произведений, написанных зачастую с фальшивой бодростью, которой порой стремятся заменить лёгкость и естественность изложения.

Какими бы средствами выразительности не пользовался литератор, постигший тайны мастерства, каким бы непостижимым образом не демонстрировал бы он силу воздействия своего таланта на ожидающего потрясений читателя, всё равно главным оружием писателя всегда будет его стиль, язык, его личный словарный арсенал. Главный источник богатого, образного языка – язык народа, а из этого источника, где что ни слово, то золото, Анатолий Лабунский попил вдоволь. Ведь в своей богатой и непростой жизни он был водолазом и режиссёром, работал в тайге, в театре, на железной дороге. В степи и за Полярным кругом – везде его окружали люди, каждый из которых обладал своим неповторимым языком, что позволило создать собственный ёмкий и меткий словарь.

На презентациях его книг восторженные поклонники называют язык Лабунского то шукшинским, то шолоховским, но это не совсем так. У автора романа «Перегон» свой просторный, сочный русский язык, легко узнаваемый «на вкус». Татьяна Гуджабидзе, литературный редактор, много лет работающая с ним, как-то сказала: «Если даже на обложке не будет написано «Анатолий Лабунский», я после прочтения двух страниц узнаю, кто автор книги».

Словом, всё вышеизложенное подтверждает слова патриарха русской литературы Молдовы, писателя Константина Шишкана, который в литературных хрониках «Русская проза Молдовы начала XXI века» о произведениях Анатолия Лабунского сказал:

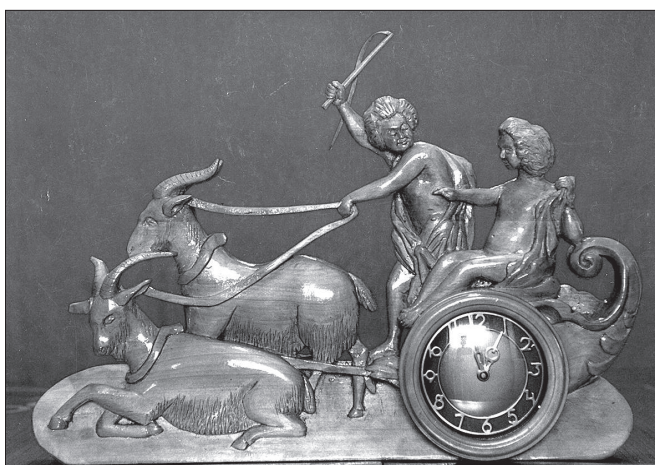
«В русскую литературу Молдовы пришёл талантливый писатель с богатым жизненным и творческим опытом. Зоркий глаз художника, остро видящего цвет и его богатейшие оттенки, постоянно глядит на читателя со страниц его произведений».

Валерий ШВАРЦ,
доктор биологических наук, химик,
философ, член правления Ассоциации русских писателей РМ

Из работ Анатолия ЛАБУНСКОГО

«Зимний вечер».
Масло.

«Часы».
Дерево.

ПРОЗА

Поле притяжения

КОНСТАНТИН ШИШКАН

ГОРОДСКАЯ МОЗАИКА

Я всегда с интересом присматривался к городу, в котором родился и рос, к улицам, где прошло моё детство (до войны и в годы грозы), к умирающей реке Бык, умевшей быть глубокой и грозной; к кладбищу на Армянской с его таинственными склепами, в которых во время войны прятались беженцы. Они спасались от немцев и бомб. Помню осторожное гуденье медных примусов, глухое покашливание, неожиданный вскрик ребёнка...

Я всегда был со своим городом, с ним делил его тяготы, беды и радости. «О Кишинёве я вздохнул...» – писал в своё время Пушкин. Чувство потери, утраты я испытываю всегда, когда хотя бы ненадолго покидаю его пределы. Но может ли быть иначе? Ведь я его люблю как живого друга, со всеми недостатками и достоинствами. Память высветляет эпизоды нашей с ним истории, которые забыть мы не в силах.

КИШИНЁВ. МАСКИ 30-х

После душных стен квартиры на Болгарской, после крошечного неба, заключённого в решетку фонаря в потолке, Северин дышал полной грудью: они едут на дачу! Отец, работавший бухгалтером, возвращался со службы поздно, устало клал на письменный стол свой потрёпанный портфель и широко улыбался сыну. В его руках на что-то жаловалась мандолина. Затем он брал скрипку. Её хрупкое девичье тело доверчиво прижималось к щеке. В комнате долго кружили звуки,

и Северину казалось – он видит густой красный лес, слышит, как шурша, летят хлопья осенних листьев. За окном и в самом деле о чём-то шептались деревья и шелестел под ветром сухой виноградный лист. Отец доставал счёты... Мама, вздыхая, помогала ему. Они разводили руками, стучали костяшками...

Затем Северин с отцом выходили на прогулку, взбирались на холм, с которого бесконечно бежали высокие кусты виноградника. Сизые гроздья свисали почти до самой земли. Он любил этот сорт – корнэ – длинные ягоды, похожие на кизил, которые бессарабцы называли «козьими титьками». На винограднике не разгибали спины крестьяне. Отец махал им рукой, снимал шляпу.

Северин не мог понять: зачем на лицах маски из мешковины? Почему прячут лицо? Неужели от солнца? Маски были какие-то странные: две щёлки для глаз и отверстие для носа. Для рта, наверное, забыли сделать прорезь. Когда мальчик спросил об этом отца, тот лишь грустно махнул рукой... Только много позже он узнает, что помещик заставлял носить эти маски, чтобы крестьяне не ели его виноград...

Они проходили по шаткому мосточку, под которым вздыхала речушка Бык, вконец измученная зноем. Пополудни, как это часто бывает на юге, срывался стремительный ливень, смело разгуливал по холму, плескался в речушке и, словно на ниточке, бойко плясал под окном их дома, куда они успевали забежать. По стеклу катились горошины дождевых капель, но глаза Северина не могли оторваться от туч, которые напоминали ему маски на лицах крестьян. Сверкала молния, и ему казалось – это трещат по швам маски из мешковины.

ДРОЖЬ ЗЕМЛИ

Много страшных минут пережил он в своём старом доме. В сороковом вдруг ночью заколебалась земля, и настойчивые толчки выгнали во двор. Дом его пошатил. Тяжко, глубинно содрогнулось в ту ночь внутриземье, но дом устоял. Стена их квартиры разошлась, но только после того, как он оказался в палисаднике и стоял, обняв клонящееся к земле дерево. А труба, высокая красная труба на их крыше тоже помиловала Северина – она не добросила до него кирпичи...

Но были и радостные дни в сороковом. Масок на лицах крестьян он больше не видел и впервые в своём доме без опаски открыл «Севастопольские рассказы» Толстого.

ЛИХОЛЕТЬЕ. ВОКЗАЛ. УГОНЯЛИ ЗЕМЛЮ В НЕВОЛЮ

...Никто не знал, что вёз тот эшелон: «Пантеры», «Фердинанды»? Дрогнула земля – тяжёлый состав подошёл к перрону. Но что это? Ни пушек в чехлах, ни танков, ни ящиков со снарядами. На широких открытых платформах лежала... земля. Обыкновенная земля. Молдавская. Может, тут какая-нибудь ошибка? Северин глядел во все глаза. Земля! Он смотрел и не мог поверить. Просто земля. Много земли. Курганы. Россыпи чернозёма... Вскоре состав тронулся. А через несколько минут вдали раздались выстрелы. Кто-то пытался остановить состав. По перрону засновали зелёные мундиры с автоматами. Никого не спросил Северин, нужно ли умирать за землю на жадных ладонях платформ. Зачем? Увозили

землю Молдовы. Угоняли в неволю. Боже, каких только племён, каких народов не знала она! Скифы и греки, персы и римляне, готы и гунны, татары и турки, шведы... Да разве всех перечислить? Эту землю топтали дикие орды, сжигали с жестокостью Востока, взрывали по последнему слову военного искусства Запада, но никто не додумался тогда её увезти...

Увозили землю Молдовы... Но разве передвинешь к себе чью-то родину, перетащишь в мешках её холмы, перевезёшь в цистернах её реки, а воздух – в резиновых баллонах? Разве соберёшь по кустам птичий щебет, зелень трав на лугах, лучи солнца с утреннего листа? Земля осталась на земле. Но прежде пролилась кровь...

ГОД СОРОК ШЕСТОЙ. ГОЛОДОМОР

...Сумрак, стужа, зима. За окном – сверкающий снежным холодом крутостей. Комната, покачиваясь, плывёт в стынувшей мгле. Нет сил, чтобы встать и зажечь керосиновую лампу. Всей семьёй – мама, Ангелина и Северин – лежим в ледяных постелях. Клонит ко сну, но спать боязно: очнёшься ли утром? Вчера не проснулись две семьи – Бологана и Каланчи. Во дворе люди съели всё живое – от мышей до собак и кошек. Потом растолкли голые кочаны ошелушенной когда-то кукурузы. И вот тогда...

Северин увидел себя в соседнем дворе, где жил ломовой извозчик. Под забором на снегу лежала с раздутыми боками рыжая кляча. Озираясь, костлявый мужичонка разделывал тушу. Поймав на себе взгляд, поднял голову. Сверкнул алый сапожный нож, по жёлтым губам скользнула влажная улыбка, дёрнулся острый кадык. Северин отшатнулся.

– Куда-куда, куда-куда? – по губам мужичонки скользнула смутная улыбка. – Не бойсь. – Нож, роняя красные капли, сверкал в его руке. – Цып, цып, цып... Не бойсь... Цыпочка ты мой... Не бойсь...

Северин со всех ног кинулся бежать. Костлявый сделал ему подножку, но пошатнулся и едва не упал.

– Мать твою... – ругнулся вяло. – Дотумкал, курёнок... – И склонился над лошадьё.

Северин никому не сказал о том, что случилось. Это останется тайной на всю его жизнь. Позже он узнает, что извозчика увела милиция.

– За что взяли? – спросила соседку мама.

– Ребят ловил, а потом... Чугунок на плите нашли. С курятами, говорит. Но откуда, господи, у нас куры?..

В том же сорок шестом банда «Чёрная кошка» посетила их двор, но дом не оставил в беде. Кочерга, выкованная цыганами, удержала их дверь. А пришьельцев кто-то спугнул. И они ушли.

РАСПРОКЛЯТЫЙ СОРОК ДЕВЯТЫЙ. «ЧЁРНЫЙ ВОРОН»

В одну из непроглядных тёмных июльских ночей сорок девятого года он проснулся от приглушённого рокота машины. Его семья спала чутким сном, и через несколько секунд они с мамой стояли в коридорчике, прислушиваясь. Тётушка

Ангелина даже свесила ноги с кушетки. Каждую ночь они, ни в чём не повинные люди, побывавшие в трёх фашистских концлагерях, ждали этой минуты – недовольного клёкота машины, шелеста шин, скрипа тормозов. И вот эта минута наступила – «чёрный ворон» залетел в их двор. Что будет? Перед чьей дверью он остановится? Чью судьбу затолкают в крытый фургон?

Он на цыпочках прокрался в комнату, припал жарким лбом к ставшему вдруг ледяным стеклу окна.

– Господи, – не выдержала Ангелина, – пощади.

Он оглянулся. Тётя украдкой, из-под одеяла, крестила окно, а мама тянулась к сидору-мешку, куда однажды собрала их нехитрые пожитки. Среди самого необходимого там были сшитые ею ватные бурки – стёганные валенки и суконные шлемы вместо ушанок. Словом, в случае чего семья сразу же шла с вещами на выход...

Говорят, кто богу не грешен, царю не виноват. Но жизнь не хотела считаться с поговорками, она перечёркивала мудрость и здравый смысл и опускала человека в тёмную пучину страха.

Он до боли в глазах всматривался во тьму. «Чёрный ворон», угрожающе урча, двигался мимо их дома.

– Кажется, пронесло...

Мама выпустила из рук мешок. («За кем?»).

Он выскользнул в коридор.

– Куда? – ахнула она, но он уже был за дверьми.

Туча спрятала на груди жёлтый камень луны, и ночь с этим камнем за пазухой подступила к нему вплотную. Потянуло знобким ветерком, пыль, в которую погрузились босые ноги, была враждебно холодной, а рассыпанные в траве светлячки – напротив, казались раскалёнными добела каплями ртути. Таинственная сила – сердца ли, разума? – гнала вслед за машиной. В глубине двора заскрипели тормоза. Раздался стук в окно.

– Немедленно откройте!

На стеклянной веранде синим «замороженным» огнём засветилась керосиновая лампа. Топот ног, сонные голоса, скрип двери, тоненькая фигурка в ночной розовой сорочке, за ней белая мужская рубаха, вскрик, потом всхлип, резко оборванный, словно раздавленный колесом ворчащей машины...

Ещё бы шаг, ещё один, ещё одно усилие... Остановить, помешать... Куда же вы, сапоги, куда?..

...Он лежал на своём топчане с открытыми глазами, но ничего не видел. Стояла кромешная ночь и взгляд не мог проникнуть сквозь толщу сгустившейся тьмы. Через полтора часа в похоронной тишине двора плотоядно заурчал мотор, зашипели шины и грузно, сыто переваливаясь с боку на бок, «чёрный ворон» пополз со двора мимо его ослепшего окна.

ЧЕРЕЗ ПОРОГ ПЯТИДЕСЯТЫХ. «ТАНК ВО ФРАКЕ»

Жил Северин всё на той же улице Бугаз, на Мало-Боюканском спуске, за квартал от учебных классов. А на Садовой, в сотне метров от школы, стоял белоснежный, сложенный из молдавского ракушечника-рафинада особняк. Был он

отделён от дороги каменным забором и зелёным двориком и гордо возносился с небольшого холма в небо вместе с овальным балконом-лоджией, очень похожим на просторную трибуну. У чугунной ажурной калитки день и ночь дежурил милиционер. Здесь жил с семьёй Первый секретарь ЦК Компартии Молдавии Леонид Ильич Брежнев, присланный Москвой «на укрепление республиканских кадров». Иногда, отправляясь в школу, бежал сюда Северин, чтобы увидеть, как выйдет из дому секретарь-«укрепленец», как пройдёт по дорожке мимо каштанов и акаций, спустится к калитке по ступенькам лестницы из кирпичей, уложенных почему-то не плашмя, а торцом, как сядет на улице в машину. И ради этих нескольких минут Северин с независимым видом делового человека без устали прохаживался мимо настороженного милиционера.

– Пройдём, – сквозь зубы бросал постовой. – Не положено.

– Разговаривать на посту, – ехидно отвечал Северин, – тоже не положено. – И отходил.

Но вот, наконец, к воротам подкатывала щедро сверкающая никелем «Чайка». В народе эту длинную, чуть меньше футбольных ворот, машину называли «танком во фраке». Вскоре из особняка выходил плотный, среднего роста человек с крупным лицом, как бы перечеркнутым полосой необыкновенно широких чёрных бровей. Глаза его молодецки светились, но почему-то казалось, что они ничего вокруг себя не видят. Однако Первый секретарь уверенно шёл по каменной вымостке двора в голубовато-сером габардиновом макинтоше и серой фетровой шляпе с просторными полями. Подходя к постовому, подносил к губам указательный палец и, поплевав на него, приглаживал кустистую полоску бровей. Северин называл его про себя «бровеносцем». И всякий раз, подумав так, озирался. Но тут же спохватывался и краснел. Потом он ждал, пока «бровеносец» сядет в машину, телохранитель осторожно закроет за ним дверцу и «танк во фраке» плавно тронется в путь. «Неужели не замечает? – думал Северин. – Близорукий? Но тогда почему не носит очки? Странно. То, что с охраной не здороваются, – понятно: милиция на посту, с ней разговаривать не положено. А со мной? Кто запретит перекинуться словечком?». Но тут же Северин отгонял эти мысли. Руководитель республики, миллион забот, а он лезет со своими обидами!

Однажды, сидя на дереве у особняка и наблюдая за его загадочной жизнью (а точнее – за Галей, дочерью Первого, студенткой-филологиней из университета), Северин стал свидетелем маленькой брежневской тайны... Галя, наклонясь, кормила павлинов. Наблюдателя на дереве она давно заметила, но изменять позу не спешила. Из дому раньше обычного вышел Брежнев. Он остановился у большой раскидистой черешни. Галя, фыркнув, выпрямилась и пошла за дом, и павлины, распуская радужные хвосты, последовали за ней, точно толпа чопорных, знающих себе цену поклонников. Руководитель, оглядевшись, полез в боковой карман и извлёк оттуда плоскую бутылочку, в каких обычно продавали охотничью водку. Сделав два добрых глотка, вытер губы плотной ладонью, зачем-то поднёс к носу рукав макинтоша, спрятал бутылочку в карман и двинулся к калитке...

Северин продолжал вести наблюдение за жизнью особняка. Руководитель, как всегда, не торопясь, но с каждым разом всё медленнее спускался по утрам к машине, которая теперь уже подолгу ждала Хозяина, молча следовал мимо посто-

вого, не обходил более торчащего на пути Северина, а шёл прямо на него, и тому приходилось отскакивать в сторону.

«Танк во фраке»... Таким он останется на всю жизнь. И когда введёт войска в Чехословакию, и когда направит их в Афганистан...

Хозяин укатил, и милиционер, покинув пост, понёс в дом какую-то звонкую коробку. Через несколько минут он вернулся. Во двор выглянула Галина.

– Где мои павы?

– Намёк понят, – и милиционер отправился к соседям. – Наши павочки у вас?

– У нас, у нас, – закивали соседи.

Милиционер ловил павлинов и через высокий забор передавал их Гале. Когда последний коснулся земли, она повернулась к ним спиной и пошла за дом, покачивая бёдрами. Павлины, распутив хвосты, последовали за ней. Северину тут уже делать было нечего, и он пошёл своей дорогой.

ГОРОД СПЕШИЛ ЖИТЬ

Последующие десятилетия напоминали ему нескончаемую дорогу. Мчались машины, они обдавали его горячим ветром, смешанным с выхлопными газами и острым духом тающего асфальта. Дома под мостом словно бы струились в знойном воздухе. Струились алые острова клумб, зелёные облака деревьев, струилась серая, в чёрных пятнах мазута, река шоссе. В зыбком мареве вибрировали в небе провода троллейбусных линий, колебались мощные стебли столбов с белыми бутонами лампочек, плыли, как при замедленной съёмке, люди. Зной стлался по земле. По ней уже бежали свежие трещины, в которые набивались свернувшиеся от жара лепестки роз, когда душный ветер машин срывал их с кустов.

Город спешил жить. Грузовики везли железобетонные блоки. Арматуру, снежные глыбы ракушечника, похожего на рафинад, – так аккуратно он был распилен и так слепил глаза на солнце.

Мой белый город,
Ты цветок из камня,
Омытый добрым
Солнечным дождём, –

нёсся из раскалённых кабин голос Софии Ротару.

Это был его город. Пусть не всегда в жизни сияло солнце, но над городом теперь оно, казалось, не заходило. Он весь светился белым камнем. И потому в Кишинёве, по его твёрдому убеждению, стояли свои «белые» ночи. Его улицы посреди слепого зноя, в своих морозно-серебрящихся платях протягивали руки к зелёным проспектам. И с каждым годом их становилось всё больше...

Многое мы пережили с моим городом, через многое прошли. Но всегда город вставал из пепла, всегда спешил на помощь и предлагал всё, что мог предложить. И это всё – была сама жизнь. И символом её – южный солнечный, утверждающий себя Рынок. Вот он, идущий к нам навстречу во все времена:

Крестьянский рынок Кишинёва!
Плодов земли немая давка.
Здесь слива – глаз коня лиловый –
Косит с зелёного прилавка.
Здесь тучнотелые арбузы,
Здесь баклажаны в тесных рясах,
Здесь пламенеет перец красный
На жёлтых слитках кукурузы.
Лежат в корзинах, словно в чашах,
Расставленных рядами густо,
«Мускат», «алепшо», «рислинг», «чауш»
Меж огурцов в гусиной коже
И запелёнутой капустой.
Седой крестьянин в шапке новой
Сидит у бочки тулбурела.
Земля обрызгана лиловым,
И бородёнка побурела.
А над базаром – воздух синий,
Плыву вдоль зыбких коридоров,
Орехом пахнущих и дыней
И свежим духом помидоров.

Под звон стаканов, кружек, крынок
Здесь кровь земли румянит лица.
Иду к тебе, крестьянский рынок,
Добру и щедрости учиться.
Иду по рынку, словно в праздник:
Мне хлеб да соль выносит небо –
Соль облаков на солнце красном –
На свежем, жарком круге неба.

Константин ШИШКАН родился в 1933 году. Известный писатель и учёный Молдовы, поэт, прозаик, кинодраматург, переводчик, литературовед, доктор искусствоведения. Автор сорока книг стихов, новел, повестей, романов, киносценариев художественных фильмов, монографий. В Москве вышли его книги: сборник стихотворений «Песни чудореза», повести «Колесо над пропастью», «Спасённое имя», рассказы «Зориника». Член Союза писателей России, Молдовы, лауреат премии им. А. Пушкина, лауреат Премии Академии наук Молдовы, обладатель Почётного знака за вклад в культурное сотрудничество с Российской Федерацией. Почётный член правления Ассоциации русских писателей Молдовы.

СВЕТЛАНА МОСОВА

В ПОИСКАХ ПРОШЛОГОДНЕГО СНЕГА

– Допустим, когда снится рыба –
это к болезни. А вот когда снится
родина – это что значит?
– Посмотреть в соннике на «Кишинёв»?
(Из утреннего разговора с маленькой дочкой)

Чужая ностальгия укачивает, как чужая любовь.

К тому же тосковать приличествует лишь по Москве и Питеру, а по Витебску, например, почтенно тосковать только Шагалу.

– Прощайте, – сказал Марк Шагал жителям Витебска. – Оставайтесь со своими селёдками!

И уехал в Париж.

А селёдки – за ним, за ним! Куда он – туда и они.

Он всю жизнь рисовал селёдку. Селёдку и Бэллу. Бэллу и селёдку. И вот уже сто лет мир тарачится на них и глаз оторвать не может.

«Тоска по родине! Давно разоблачённая морока...».

Зося тоже её разоблачила.

– Ностальгия – это понятие физико-химическое, – сообщает мне далёкая и близкая Зося с берегов Байкала. – Мы состоим из воды. Формула у воды одна, а структура везде разная. Наша кровь имеет ту же структуру, что и вода, которую мы пили в детстве. Поэтому мы физически страдаем в отрыве от родины.

Вот оно как...

А вода в Кишинёве жёсткая – много кальция и у всех хорошие зубы: народ улыбается, не боясь своей белозубой улыбкой оскорбить взор.

В Питере вода мягкая... зубов нет.

– Вы приезжая? – обычно спрашивают меня стоматологи.

Живи ещё хоть тыщу лет – ты умрёшь здесь приезжей. Археологи вынут твой череп из могилы, посмотрят на зубы и разочарованно скажут: нет, она приезжая...

Но кто в этом городе коренной?! Разве что лешие и русалки.

ДРУГОЙ

Петербург, новый суженый, был прекрасен – стройный, нарядный, красивый. Но она любила другого.

Другого уже не было, и она была как бы вдова.

Вдова имеет право вновь выйти замуж. Тем более что новый город был действительно хорош – аристократическая небрежность, лёгкая небритость, манеры!.. Сложный, противоречивый, угрюмый – очень, очень интересный (чуть не сказала – мужчина).

Но любить его – это общее место.

Любить его – это как любить мужчину, которого и так все любят.

Любить его – это во всеобщем хоре любви занять в последнем ряду последнее место.

Любить его...

Но кого любит он?

Он любит не нас. Он любит других, предавших его и унёсших отсюда ноги, любящих его издалека, в каком-нибудь заморском саду, и ревнующих его оттуда к нам, пришлым.

Предательство – как приправа, придающая остроту, как витамин, питающий любовь.

И мою любовь – к другому, предавшему меня.

Ну вот зачем, спрашивается, я говорю об этом? Зачем я всё время в мыслях (и в чувствах) возвращаюсь назад – что я там забыла?!

Что-то, значит, забыла. Но уже хочется понять – что именно, чтобы вернуться, забрать и успокоиться.

Но можно ли это забрать? Если не знаешь – что?

Я нахожу Кишинёв, как Исида части тела Осириса, в разных местах – в финском городе Лаппеенранта, в Питере за рекой Смоленкой (через Уральский мост налево) и даже в Греции – везде, где есть кривые линии, ниспадающие и восходящие, где трава, деревья, цветы, где есть весна...

В Петербурге весны нет – одна архитектура.

– А по Среднему проспекту – вниз или вверх?..

Прохожий долго соображает – о чём это я? Что имею в виду? «Вверх, вниз – может, по течению реки?» – думает прохожий.

Потому что – ну какое же это «вверх или вниз» в Петербурге, плоском, как тарелка?!

...А в Кишинёве земля круглая, как на картинах Шагала, – холмы, холмы, а что там, за холмами? Тайна.

А в Питере – дома, дома, а что там, за домами? Дом.

За домом дом.

Кишинёв кругл. Кишинёв сферичен. Кишинёв висит в воздухе, цепляясь за него своими холмами, ветвями, плющом и виноградной лозой... И ему это нравится.

В детстве по зиме можно было сесть на саночки (например, в районе телецентра), оттолкнуться (прямо от телевышки!) и съехать вниз, очутившись в другом

конце города, где-то в районе проспекта Молодёжи – там, рядом, жила Алла и съезжала в это время с Пушкина горки. Пушкина, потому что там есть дом, где когда-то жил Пушкин.

– Здравствуй, племя младое, незнакомое! – говорил Пушкин Алле.

– Здравствуй, – отвечает Алла из сугроба.

...Если город – это люди, то тело его, расчленённое, как тело несчастного Осириса, нужно собирать по всему белу свету.

«Собери Осириса – воскреси Осириса!» – картина-игра: посетитель выставки должен собрать эту расчленёнку, которую художник на манер злодея Сета, затейливо разбросал по всему полотну, – и тем воскресить Осириса. И будет молодец.

Я тоже, как жена Осириса Исида (и как этот молодец), собираю свой Город – в своих снах.

СНЫ

Он снится мне с маниакальной настойчивостью, как незахороненный солдат, требуя предать земле.

— Ну вот, – говорила я кому-то (значит, кто-то был рядом!). – Мне всё так и снилось: я иду по Пушкина вниз, ветер в лицо, листья... Я не говорила тебе, что я люблю ветер?..

И просыпалась.

И вновь собиралась в Кишинёв.

– Зачем? – спрашивал муж. – Этого города нет. Это уже другой город. В одну и ту же реку нельзя вступить дважды, ты в курсе?

Я была в курсе.

– И зачем тебе в Кишинёв? В Кишинёве ты уже была, – резонно говорил муж. – А на свете есть очень много городов, в которых ты ещё не была.

И он был прав, конечно, но...

– Твой Кишинёв от тебя никуда не уйдёт, – уверял муж.

И это было верно, но...

Он уходил. Он всё время куда-то уходил. Он оставался то слева, то справа, то под крылом, внизу, в окне иллюминатора, когда я срочно летела туда, не зная куда... Что-то вечно мешало, не отпускало, что-то очень важное, жаль не вспомнить – что.

«Этого города нет».

Но вот письмо от Аллы на тему «в городе дождь»: «...и реки текут прямо по мостовым по Пушкина вниз...», – сообщает Алла.

По Пушкина вниз!..

Значит, этот город всё-таки есть! (Волнение в крови!). И в нём идут дожди. (Вот, написано!). И реки текут по мостовым по Пушкина вниз... (Такая чудесная подробность!).

А далее Алла писала, что для кого-то путеводной звездой является... Тут шёл позабытый мной какой-то изысканный ряд (как и всё изысканно, что пишет

Алла), и в конце – «а для кого-то это фонарь за окном». Последнее было как бы уничижительно.

Но фонарь оказался мой. Я его сразу признала.

Только он стоит за окном, которое очень далеко от меня и которого, вообще-то говоря, наверное, и нет, но я всё иду к нему – на свет угасшего фонаря, и это, конечно, ошибка.

Зачем же я иду, причём так ошибочно? Почти как Боря, тоже мой далёкий и дорогой друг, который однажды, бросившись искать по закоулкам родного города свой прошлогодний снег, увидел надпись на белой стене – «Боря дурак».

Вот такое откровение прочёл Боря, сильно издержавшись на дорогу.

ДЛИТЕЛЬНОЕ ПРОШЕДШЕЕ

– Прошедшее длительное время в английском языке образуется при помощи глагола «быть» в прошедшем времени и смыслового глагола в инфинитивной форме. Дополнительной характеристикой действия является его незаконченность. Например...

– Да, да, вот приведи пример.

– Ну... «На полу лежала разбитая чашка...»

– И что тут длительного?!

– Ну, а если чашка разбилась год назад!..

– То есть? Год назад разбилась – и всё лежит?! Ну такое может быть только у тебя.

– И у англичан! – ответ дан обиженно.

- Если честно, то и у меня... (Ответ дан печально).

Потому что моё настоящее – это сплошное длительное прошедшее. Которое всё никак не может закончиться. Разбитая сто лет назад чашка, лежащая на полу.

СНЫ

Ночью я опять летала во сне – с помощью ветра и шляпы.

При этом стараясь запомнить весь механизм взлёта. Оказалось, всё просто (я всегда это подозревала!): надо иметь шляпу – чёрную, с широкими полями, это важно! – поднять её двумя руками над головой, дожждаться сильного порыва ветра и...

Нужен ещё холм. Холм – это обязательно. Значит, стоять на холме, держать наготове шляпу (крепко держать!), дожждаться ветра, поймать его в шляпу (шляпа большая, вместительная!) – и!..

Прилететь на улицу Пушкина.

(А куда же ещё лететь?..)

...Опустилась. И сказала кому-то (значит, кто-то опять был рядом!) – ну вот, мне всё так и снилось: я иду по Пушкина, ветер в лицо, листья...

И просыпалась. Долго не веря в очевидность: не было никакого холма, шляпы, не дул ветер, не летели листья – ничего не было.

Но кто же этот непостижимый «кто-то»?! Вечный спутник, поводырь, сопровождающий меня в этих бесконечно повторяющихся снах, обрывающихся в одном и том же месте – «Ну вот, мне всё так и снилось – я иду по Пушкина...».

Междугородний звонок.

– Ты в Питере?! – изумляется Ирка.

– Как видишь.

– Слушай, а мне сказали, что ночью тебя видели здесь, в Кишинёве!

– Как это?

– Ты представляешь?! Я уже обзвонила всех, люди в смятении...

Значит, я и вправду была там. Раз люди видели. Я летала туда. С помощью ветра и шляпы.

– А кто меня видел?

– А пёс его знает!.. Слушай, а ты точно в Питере? Не врешь?.. А, ну да, я ж звоню... Но ты точно не прилетала?..

– Я прилечу.

– Когда?

И тут очень важна интонация: резкая, строгая, требовательная, Иркина: когда?!

Когда найду в этом плоском городе холм, куплю шляпу, дождусь ветра и – механизм взлёта я запомнила! – и прилечу...

ВСТРЕТИМСЯ У ПУШКИНА

Значит, тут было важно правильно выбрать время года.

Чтобы на озере, у Дневного кинотеатра, была осень.

А в парке Пушкина – весна.

Лето пусть будет у Ильинского базара, которого нет (но пусть он будет).

Зимы не надо.

И убрать всё лишнее – новые дома, новые улицы, машины... Людей тоже убрать. Чтобы было пусто – только деревья.

Деревья оставить.

Солнца тоже не надо: солнце, люди – они помешают моей печали, рассеют туман.

Утро, одиночество, город – владей! Прошлым.

Значит, сесть в троллейбус на Пушкина, близ Садовой и...

Но чтобы не было людей, мы договорились.

А если люди, то...

Не-ет, ну, это сложно. Это тогда надо поднять с постели Анечку (а во Флориде три часа ночи!) и доставить её, сонную, на пересечение улиц Пушкина и Пирогова. Туда же вернуть весы из 70-х и посадить рядом вечно недовольного дядю Фиму (вынуть из могилы). А на углу Искры и Пушкина поставить Колю Сундеева (из Сан-Франциско) – и пусть он читает свои стихи про косарей (а кто запретит?!).

А вот на Гоголя и угол... забыла, неважно (важно!), поместить Ваню и Борю (это другой Боря) – и пусть он доскажет свою историю, начатую тридцать лет назад, о том, как тёща предьявила ему ультиматум: или Боря немедленно вставит стекло в форточку, из которой ей дует, или же она закроет её Бориной задницей – и все смотрят на Борину задницу, прикидывая – хватит или нет.

И пусть они все стоят по своим местам и радуются тебе, едущей в троллейбусе по кольцу – вот тогда да! Тогда пусть будут и люди.

Но этого не может быть.

Тогда и ничего не надо.

А если всё-таки надо?..

Ну, тогда иди к Пушкину: верные городу собираются именно там.

Хочешь увидеть всех разом – ступай в парк.

В 90-е годы там спасали памятник – тем и сами спаслись. Они защищали его – теперь он защищает их. Всё по-честному.

Выжили только те, кто прибился к нему.

Для кого-то Пушкин – это классика, а для них – современность, национальная идея, самоидентификация. Пушкин жив! «Встретимся у Пушкина».

И я тоже, конечно, отправлюсь к нему.

...И меня обнимет такое количество друзей, что я до сих пор живу обнятой.

ОЗЕРО

*«В Израиле есть всё,
кроме Комсомольского озера».
(поэт Виктор Голков)*

– А ты знаешь, что Комсомольского озера больше нет?

– Как это нет? А где оно? Голков забрал?

– Высушили.

– Не может быть!.. Не верю. Как же вы это допустили?! Зачем?!

– Стало гнить... Экологическая катастрофа.

Боже мой... Бедный Голков.

Бедные мы.

Ну какой же это Кишинёв без Комсомольского озера?!

Так. Озера нет, Дневного кинотеатра нет... А Дрейзлер есть?

– Дрейзлер на месте. Слушай, а давай спустимся к озеру.

Нет! Ни за что. Я не хочу видеть его труп. И даже не хочу знать, что его нет.

Вы мне ничего не говорили, ясно?

– А может, оно уже есть? Давай посмотрим, – улыбка в усы, которых тоже нет.

– Ткач, а где твои усы?!

– Продал.

– Пропил, что ли? Ладно, так и быть, спустимся до первой аллеи, но дальше ни шагу. Господи... и сколько же в этих аллеях было свиданий и клятв!..

– И эксгибиционистов.

– Ты всё испортила, Алла. Как говорил Полтавец, наплевала на солнце и погасила.

Алла и Ткач – это главные мучители, сладкие мучители, каждой весной посылающие мне в завьюженный Питер благую весть: расцвела сирень (идут невыносимые подробности), вот-вот расцветёт абрикос (ещё невыносимей!)...

Самое красивое дерево на свете – цветущий абрикос.

Сакура – просто распиаренное дерево.

– Ну давай ещё спустимся...

– Нет! Я боюсь. Ну ладно... но только до второй аллеи! Слушай, Ал, я никак не могу вспомнить одно слово – «Пролетела птица – может быть, синица...» – помнишь?..

– Туманно.

– Ну как же?! Это были мои любимые твои стихи:

Пролетела птица –
 Может быть, синица,
 Может быть, ворона
 Или воробей...
 Я не знаю имени –
 Были крылья синими,
 А примет особых –
 Нету, хоть убей.
 Пронеслась – и скрылась!..
 О моя бескрылость,
 О моя *(та-та-та)*,
 Беспечальный труд...
 Но крыла дрожанье,
 Но крыла дрожанье
 В воздухе держалось несколько минут...

– Вот это «*та-та-та*» – какое слово?

– Да не помню я!

– Что значит – не помню?! Вспомни. Твои же стихи!..

– А зачем тебе?

– Надо.

– Ну тогда придумай сама что-нибудь. Раз тебе надо. Слушай, давай ещё спустимся... а вдруг...

– Нет, ну что вы со мною делаете!.. Как на заклятие... Ну вот зачем я за вами иду... Вспомнила!.. «беспечность»!

– Что – беспечность?!

– Слово это! Я вспомнила! «О моя бескрылость, о моя **БЕСПЕЧНОСТЬ**, беспечальный труд...». Немудрено, что я забыла это слово. Я сначала забыла это чувство.

А дальше – как удар в солнечное сплетение.

– Что это?! Господи, что это?!

– Озеро.

– Как?.. это... озеро?!

На месте озера лежало нечто, поросшее травой, как шерстью – зелёное, мохнатое, но живое...

– Да это какое-то чудовище из сказки «Аленький цветочек»!

– Но мы же знаем, что на самом деле это заколдованный принц. И если его поцеловать...

- Нет, Ткач, я его не поцелую.
– И я, – говорит Алла. – Пусть приедет Голков и поцелует его.

ПО ПУШКИНА ВНИЗ

– Ну вот ты и побывала в Кишинёве!..
– Нет, нет, это не считается! Я не видела Дрейслера, я не поцеловала озеро... Я ничего не успела, кроме того, как прочесть на белой стене: «Света дура».
Но я не за тем ехала, чтобы читать эту белую скрижаль.
– Но ты был совершенно прав, конечно, это уже совсем другой город. И я теперь знаю это. *Моего* города нет, и, значит, он перестанет мне сниться.
...И тут снова подул ветер, вспорхнули листья, обласкали моё лицо, и кто-то бережно взял меня за руку и повёл по улице – по Пушкина вниз, по Пушкина вниз...

СТУПАЙТЕ ПРОЧЬ, ДУРАКИ!..

Стефан стоял в центре Города – как и подобает памятнику великому Государю – и в деснице держал крест, осеняя им своих подданных и их неблагодарных потомков.

Позади Стефана начинался парк.
За парком шёл сквер.
За сквером – сад.

Сад культурно переходил в другой парк – Город просто утопал в зелени, изо всех сил пытаясь удержаться на плаву и возвещая о себе дивным колокольным звоном.

Когда-то (очень давно, отсюда не видно) это был сплошной Лес. Лес, в который втеснился Город. И первыми здесь жили даки. (Так говорят, а там кто его знает: темна вода в облацех, и всякие попытки приподнять завесу – чреватые. Но сказано: даки – значит, даки). Потом всё смешалось, конечно: римляне, турки, татары... Но первыми были даки. Это важно.

...А может (а вдруг?!), первым здесь был какой-нибудь угро-финн, неугомонный путник и странник – присел, осел, идти далее не имея мочи, – ну, может такое быть? Или нет? А почему?.. Прилёт среди яблонь и груш – рай! красота! – и пусть я буду проклят, если двинусь дальше!.. Усталый финн, фантазёр и мечтатель, чьё имя потом затерялось в веках, обрекая нас на неточность и ошибки в энциклопедиях... кто знает?..

Но, если по правде, то первыми здесь жили, конечно, динозавры.
А ещё पहले – инфузории.
Но это так, апропо.

Ясно одно: судя по старинным названиям кладбищ – Армянское, Еврейское, Польское – здесь издавна жили армяне, евреи, славяне (ведь если умерли – значит, и жили!).

...Город надвигался на Лес – грубо, неотвратно, сминая его под своим белым камнем. Но стоило зазеваться, и Лес наступал на Город – дико, мощно, не

зная страха, угрожая корнями своих реликтов сокрушить цитадель. Это было древнейшее противоборство Города и Леса.

Но Город побеждал, и взятые в плен деревья, стали со временем равноправными горожанами, постриженными по моде и окольцованными решётками парков; деревья теснили друг друга, наступая на пятки, словно держа про себя заднюю мысль убежать в Лес, к своим вольным собратьям, оставшимся по ту сторону Добра и Зла...

А самый большой парк был с озером.

Говорят, котлован для него рыли всем миром.

Потом в этом озере тонули люди. Но не суть. Везде тонут.

Рыли, значит. Самый большой человек государства лично к лопатке прикладывался, о чём незамедлительно сообщали потомкам, прибывая на всех углах мемориальные доски. Чтобы знали. Помнили. Ценили.

Тщета-а!..

Но озеро было красиво.

По вечерам нарядные горожане спускались к озеру по широкой мраморной лестнице, розовым её ступеням... Может, и серым, но... пусть будет розовым (вам ведь всё равно, а нам это важно). Значит, розовым. По бокам толкались деревья, норovia тоже, как дети, пробежаться по лестнице, но их не пускали: отодвигали, строили в ряд, теснили аллеями, и на одной из них хмурился Маяковский, чего-то не одобряя.

Стреноженные асфальтом деревья, казалось, ставили своей задачей проткнуть небесный свод и посмотреть: а что там? И что-то видели, и шептали друг другу, но что именно – знать нам было не должно, но хотелось.

Вокруг озера жили знаменитости (озеро оведало их зелёной прохладой и вдохновляло на труд): жил сказочник – автор народной сказки, поэт – сочинитель задорных патриотических песен с крепкой гражданской позицией автора. Пушкинист, нарывший одну неизвестную строчку Поэта – и долго был любезен тем народу. Жил учёный, историк, выдающегося ума человек, кончивший, правда, неважно... Но не суть. Каждый несёт свой чемодан. (В переводе с атеистического это значило: каждый несёт свой крест).

А за озером шёл Лес. За Лесом – Лес: деревья царствовали здесь со дня сотворения мира, и царство это было вечно. Правда, то тут, то там вдруг возникали арки и беседки, подточенные лютиком и плющом, а то, откуда ни возьмись, из-за кустов и деревьев, вдруг выскакивал страшный дом – черепа, кости, чудища поганые! – а из него выбегал полоумный художник, подстерёгший зазевавшихся путников, – и зазывал, заманивал в свой разбойничий дом с погребальной живописью и скульптурами – гробы, покойнички, черти – нравится? Очень, где выход, нас ждёт мама, да, да, придём ещё, непременно, а как же.

Там, в глубине Леса, терпеливо дожидаясь художника, одиноко стоял Дом скорби, чьи обитатели, приближённые в своём естестве к цветам и деревьям, тихо прогуливались в сопровождении бдительных санитаров, но ходить туда было не велено.

Вон из Леса. Туда, где колокольный звон – там дом, там Город!.. Город белых домов и белых церквей, белых птиц и белых цветов на деревьях – и всё это было отвоёванное у Леса пространство, тщательно оберегаемые людьми границы, на которые Лес неукоснительно покушался, желая вернуть утраченное, но все атаки его были отбиты.

...Потом этот Город будет приходиться в сны, тревожить, распахивая скрытые доселе потаённые дверки, расширяя проходы, зазывая в свои тайники, о которых ты знал, догадывался – и вот они тебе открылись: входи!.. Как странно, подумаешь ты во сне, ведь всё это мне когда-то уже снилось: улочка, поворот, снова улочка, пожилой одинокий мостик... и что-то все разом они хотели тебе сказать, доверить – очень важное, кстати! – но что?.. Забыли... Может, в следующий раз?..

Вот такой Город. В нём бывал Пётр – турок гонял; молодой граф Толстой по делам военной службы посещал его, страдая лихорадкой и собственным несовершенством (ах, бросьте, граф, вас ждут великие дела!); здесь хандрил ссыльный Пушкин, неся свой чемодан и лирой северной пустыни оглашая...

Кстати, вот интересно: почему-то – «п у с т ы н и!»! Это рай-то, эдем, где на каждом шагу плодоносили вишни и яблони!.. Впрочем, поэтическая вольность, метафора, отражающая, надо думать, душевное состояние Поэта: тоска была смертная – то хандра, то сплин, то сплин, то хандра, и в память о том культурные горожане воздвигли впоследствии памятник – роскошный, кстати сказать, памятник, работы Опекушина (ни в коем случае не путать с Аникушиным!). Напротив – дремали два каменных львёнка, на них во все времена сажали детей: не бойся, малыш, они не кусаются!

А в центре Города стоял, значит, Стефан – строго глядел на горожан, и в деснице его сверкал крест.

Вот этот крест долгое время не давал Отцам Города покойного сна. Голову ломали: что с ним делать? Кругом атеисты – неловко. (Перед атеистами, в смысле). Может, его изъять – крест этот? Дело нехитрое. Но что вставить потом в десницу? Чемодан? Шутки в сторону. Букетик гвоздик? Нелепо. Транспарант? Это слишком.

Долго думали и, ничего не придумав, оставили крест в покое, но памятник передвинули: чтоб не бросался в глаза и выглядел как-то скромнее. Скромность – она украшает.

Говорят, примерно тогда же исчезла и старинная колокольня, чей вездесущий звон не давал заблудиться в Лесу и пропасть в этом непросто устроенном мире...

Колокол был перелит из турецких пушек и являл собой символ мира, победы и нерушимой дружбы народов, отстоявших в борьбе с врагом свои дорогие границы. (Народы клялись дружить, но искренне поклялись – и искренне впоследствии передумали: какая колокольня, какая дружба, вы что?!).

Задвинув Стефана и победив колокольню, материалисты воззрились на Банк, украшавший собой центральную часть Города.

Собственно, в начале прошлого века, это была Биржа. Два каменных льва у входа, скалясь на тех, кто посягнёт, ревниво стерегли её тайны. Здание венчал купол, а на портале стоял юный бог – Меркурий: на нём отдыхали пернатые, и с земли увенчанный птицами он мог показаться кому-то прекрасным птицеловом, если бы не мешочек денег в правой руке.

В последующие времена это был Государственный Банк. И те же львы у входа несли свою безупречную службу, верные любому режиму. И бог Меркурий всё нёс и нёс свой мешочек, тоже вполне лояльный к новым властям (Меркурий, разумеется, не мешочек).

А вот мешочек-то как раз стал сильно смущать новую власть. Тем более что Банк в скором времени обещал превратиться в Органный зал, вопреки мнению горожан и законам физики: с акустикой впоследствии не заладилось – стены Биржи имели собою цель заглушать звуки монет, а не множить сладкоголосые звуки органа под державной рукой Татьяны – одной из дочерей Отца Города, в честь которой, собственно, и происходили такие исторические перемены.

Значит, Органный зал... И причём здесь, скажите на милость, Меркурий, бог торговли, и его кошелёк?! Органный зал всё же. Храм искусства. И никакие намёки здесь не уместны.

В общем, позарились. Но Меркурий, как на грех, свой мешочек сжимал крепко и отдавать не желал – делать нечего, оторвали с рукой. Как разбойники с большой дороги. А взамен приставили руку пухлого пионера, застывшую в пионерском салюте: будь готов! – всегда готов! И вечно сидящая, как пилотка, на голове Меркурия ворона лишь подчёркивала это фатальное сходство небожителя с пионером.

Горожане шутили по этому поводу, зубоскалили, сходились во мнении – дураки сплачивают народ, и этим дураки бывают очень полезны.

А обворованный и увечный Меркурий с пионерским салютом, казалось, глядел теперь вдаль с изумлением, словно пытаясь высмотреть Кого-то там, в небесах, и сказать Ему: «Господи, Твоя воля!..».

Время спустя бывшая Биржа уже оглашалась органными звуками и прозвана была ехидными горожанами «Хижиной тёти Тани».

...Весёлые были горожане. Образ, конечно, общий, собирательный, и собирается он на мраморных ступеньках Оперного театра («О, несравненная мадам Баттерфляй!»), у памятника Стефану («В семь у Стефана!» – здесь свято место любви!), на улицах Пушкина, Толстого и Гоголя (Гоголь здесь никогда не бывал, но какая разница, если мы его любим!).

Наперекор классикам, кстати (или некстати), шла улица Искры – там стоял неказистый домик, оваянный славой, возле него изнемогали туристы, отдавая дань.

А на границе Города и Леса стоял другой памятник – бандиту на коне. История великодушно называла его революционером, но все знали, что бандит. (И Лес его дом!). Учебники увивали от ответа на вопрос о смерти героя, упирая на его бессмертие, но шёпот утверждал, что – смертен, смертен и кончил свою жизнь бесславно, в чужой постели, застреленный ревнивым мужем и соратником в одном лице.

Дотошные были горожане – шутники, пересмешники, театралы, поклонники муз... И где они теперь?... Вот здесь жили Воробьёвы, а там Фильдштейны... Вы помните Фильдштейнов? Милейшие были люди. А там, в сквере, стоял Дядюшка Сэм, вы помните Дядюшку Сэма?

А как же.

Памятник легендарному герою революции Семёну Яновскому стоял в центре сквера и имел прозвище всё у тех же остроумных горожан (ничего святого!) – «Дядюшка Сэм».

Поговаривали, что жене легендарного героя пришлось даже расписаться с покойником.

Дело в том, что брак почтенной вдовы с героем не был зарегистрирован: революция, штурмы, подполья – до того ль, голубчик, было?.. Теперь же вдове полагались земные блага и почести, а для благ – основания, бумажки, то есть. И власти настоятельно рекомендовали вдове как-то оформить, узаконить свои отношения с героем.

Вполне возможно, что поначалу это могло показаться диковатым вдове, но она принадлежала к тому славному поколению благонамеренных граждан, у которых сомнения и прочая ересь начисто отсутствовали в их идейных сердцах, и они даже плохо понимали в связи с этим – про что это «Медный всадник» у Пушкина? Что автор имел в виду, вкладывая в уста Евгения такие фамильярности, как: «Ужо тебе!..»?! Гражданская позиция автора?! Что, собственно, хотел классик этим сказать? Что Евгений безумен? Допустим. Евгения жаль, конечно, но дальше-то что?!

Впрочем, как сказано было выше, вдова не отягощала свою жизнь проклятыми вопросами и, доверившись серьёзным, как глупость, дядям, она в конце концов уступила требованиям властей – надо так надо, всегда готов! – и посетила ЗАГС, где расписалась в положенном месте, приняла поздравления и возложила к Дядюшке Сэму цветы. Всё было красиво. И не надо смеяться.

Вот такие времена. Времена как времена – просто свои приметы.

А потом вдруг грянули новые времена, и в воздухе (изумительном, кстати!) стали витать вопросы, испортившие цвет лица смешливых горожан.

Но... тут придётся приподнять завесу, хотя лучше бы этого не делать, конечно, потому что темна вода в облаках... ну, и так далее, смотри выше.

Значит, даки. Известно, что даки были отчаянными воинами. Но и древние римляне были отчаянными захватчиками – и это тоже все знают. И римляне одолели даков – не сразу, но одолели, а, одолев, романизировали, превратив Дакию в свою провинцию, а даков – в провинциалов.

Кто сегодня осудит римлян? Кровь ушла в землю – и выросла трава забвения, расцветая пышным цветом героических легенд и мифов.

Собственно, территория даков нужна была римлянам чисто в стратегических целях: за ней находились неприятные римлянам варвары, которым тоже, в свою очередь, Дакия нужна была не корысти ради, а для порядку. О судьба. Страна на пути всех бед.

Но с тех пор столько всего произошло, столько всего было и не было, что и вспоминать сегодня, казалось бы, нет резону: другие завоеватели, другие освободители приходили на эту землю, и не ясно было порой, кто из них освободитель, а кто завоеватель (это всегда очень тонко).

Однако время востребовало вновь романтики крови. Римского профиля. И Римской волчицы. И на повестке дня встали ребром вопросы первостепенной важности: чистота расы, форма носов, масть, анализ на процент латинской крови и всё такое прочее – вопросы тонкие, деликатные, правомерность их постановки здесь обсуждаться не будет – таковы приметы времени, такова данность, автор не компетентен судить историю – нет, гражданская позиция у автора есть, но, увы, не такая крепкая, как у поэта-песенника.

В общем, такова объективность. Справедливость и объективность – разные вещи. История вообще несправедлива к маленькому человеку (вспомним, господа, Евгения из «Медного всадника!»), история всегда пренебрегает малым ради великого, она всегда губит маленького человека...

- А какого размера этот маленький человек? Как я?
- Нет, мальчик...
- Меньше?
- Да. То есть... Нет, это в другом смысле. Какой славный малыш!.. Иди к маме.

Продолжим, господа...

Значит, история несправедлива к маленькому человеку, но рано или поздно он предъявляет ей счёт.

Но мы были искренни! – сказали сказочник, пушкинист и историк.

Мы были искренни! – сказал полоумный художник.

Мы были искренни! – подтвердили бежавшие из Дома скорби.

А мы были первыми! – ответили потомки даков.

И всё смешалось: даки, римляне, варвары и какой-то пакт Риббентропа – люди предъявляли счёт Истории. История, в свою очередь, доставая из широких штанин, предъявляла свои счета – с печатями и гербами. Все тыкали друг другу в нос своими счетами, и в чудном воздухе стояло невообразимое.

Настало время разбрасывать камни и плевать в старые лица учителей.

И первым на этом Страшном суде предстал памятник Пушкину. Работы Опекушина.

Но тут опять надо приподнять завесу.

...Двадцатые годы, девятнадцатый век, ссылка на юг. Здесь лирой северной пустыни (метафора!) оглашая, скитался Пушкин и на чём свет стоит клял этот Город: осень, сырость, слякоть, извозчик – подлец (завёз чёрт знает куда!), прерванный ссылкой роман с Воронцовой, а может, с Собаньской (пусть пушкинист поправит), настроение скверное. «Проклятый город! – в сердцах воскликнул Александр Сергеевич. – Тебя бранить язык устанет!». И сие проклятие вошло во все полные и неполные собрания сочинений Поэта и имело самые что ни на есть роковые последствия для потомков. Ибо, как верно сказано, нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся.

В общем, проклял.

Но сегодня проклял, а завтра Земфиру написал – солнце выглянуло, извозчик потрафил, осенний узор обласкал взор, молодая цыганка приглянулась, да мало ли...

Но потомки даков помнили: проклял! Их Город!.. «Ужо тебе!..» – сказали потомки. Ответишь!

И в один прекрасный день (ужасный, в смысле!) бурный рост национального самосознания и культурное возрождение масс вылилось в такую культурную акцию, как испражнение на памятник Поэту.

Кто тот Евгений, занёсший, так сказать, руку – история стыдливо умалчивает. Но факт имел место быть.

Звонить, звонить во все колокола! – кричали оскорблённые пушкинисты, встав на защиту памятника, но... это было образно, конечно, потому что колокольню-то давно снесли (смотри выше), пополнив несметные запасы родины медью, а на месте её давно уже мок фонтанчик, исправно льющий водичку на историю.

С памятниками и людьми стало твориться худое. Очередь дошла и до Стефана.

...Всем был хорош государь, много славных дел свершил он на благо народа, стопроцентная голубая латинская кровь текла в его жилах – одна беда: женат был на княжне неадакских кровей. И дело, как вы понимаете, было непоправимо...

Оказалось, что поправимо.

И в один прекрасный день (такой же поганый), на фоне всеобщего ликования масс, нарядный торжественный поп взял да и... развенчал памятник с его недакской женой. И тут же обвенчал (без всякого волеизъявления со стороны памятника) с лидершей восставших потомков даков – ныне, присно и во веки веков.

Стефан глядел на попа, сжимая крест, и в державном его взгляде читалось: «Изыди!...».

Кому рассказать – не поверят! – глядя на этот сюр, думали оккупанты и манкурты.

Оккупанты – это бывшие освободители (История, дама вульгарная, любит такие шутки), ну и, конечно, Пушкин.

– О! – в экстазе кричали оккупанты. – Какое счастье разделить судьбу Поэта хотя бы в этом!..

Хуже всех было манкуртам (термин взят у классика – вот уж, воистину, нам не дано предугадать). К манкуртам относились лица, хоть и коренной национальности, но запятнавшие себя браком, как Стефан Великий, с оккупантами, а также их дети-бастарды и просто сочувствующие, не желавшие, например, идти и испражняться на памятники (да, да, были и такие, воздадим им сегодня должное).

Город бурлил в эйфории, строились грандиозные планы.

Памятник оккупанту Яновскому снести! Ничего, что тяжело, отдать последние силы.

Воздвигнуть памятник Римской волчице!

Воздвигли. (И даки на небе смотрели на дело сие с большим изумлением!..).

Руку пионера у Меркурия оторвать. Приставить родную руку, с кошельком.

Барельеф с Барбюсом содрать, разумеется, невзирая на хорошую латинскую кровь писателя, – на нём историческая вина: сто лет назад он приветствовал восстание народа, но не то восстание, которое надо было приветствовать, и это явилось той чёртовой искрой... Кстати, и Дом-типографию «Искра» поджечь – гори она синим пламенем!

И всё горело.

– Такую жизнь и потерять не жаль, – сказал учёный историк и умер: он думал, что это конец.

Но это был не конец. А лишь начало конца.

История лихо зазывала всех в свой балаган, не скупясь на зрелища и размах («прощай, нежнейшая мадам Баттерфляй, не до тебя!»), и в первом же акте вдова Дядюшки Сэма, жена памятника, овдовела вторично. Таков был её чемодан. Потому что первыми здесь жили даки.

– А динозавры здесь жили?

– Что значит – жили, малыш... Они и сейчас здесь живут.

А Лес не дремал – забытый людьми, он лазутчиком пробирался к жилищам, пересекая границы, – сюда, сюда, мы здесь! – звали зелёные карлы и карлицы, круша и калеча ветвями чугунные решётки парков.

И Лес вторгался в пределы Города, где шло полным ходом действие и где среди главных героев на сцене мелькали безумные тени обитателей Дома скорби, казня памятники и держа речи:

– Братья по разуму!.. – кричали они, мотаясь с пухлой рукой пионера, но всё заглашал вой голодной волчицы и её голодных волчат.

Действо со сцены давно уже перекинулось в зрительный зал, и история свиным клином (или – свиным?) врезалась в судьбы людей, калеча и не щадя маленького человека... И грозная тень генерала – с нежной фамилией, тяжёлым взглядом и голосом тигра – уже маячила у баррикад, не одобряя темперамента разбушевавшихся масс.

...Всех разметёт и смоеет кого куда – весёлых милых горожан не станет... Вот здесь жили Соловьёвы, а там Краевские... милейшие были люди. Вы помните Краевских?.. У них ещё была огромная собака. А Курочкиных помните?.. А Акопянов?.. И где они теперь?!

Где, где... Чикаго окучивают.

И Город вдруг опомнится, придёт в себя, воззрится на плоды безумия и поспешит в сны тех, кто уцелел... И позовёт обратно.

Но – куда?!

...Лес штурмовал Город, наваливаясь на него всей тяжестью своей зелёной пехоты и отвоёвывая за пядью пядь свою когда-то утраченную территорию. Мы были первыми! – грозно возвещал Лес. И шелестел на латыни, чтобы было доходчивей: “Profani, prokul ite!..” И сие означало для непосвящённых: ступайте прочь, дураки, здесь свято место любви!

Силы были неравные. И Город отступал, неся тяжёлые потери...

С очередной весной Лес полностью захватил Город, и природа, словно стараясь исправить все человеческие ошибки разом, погребла его под зеленью своих дубрав, сиреневых чащ, диких яблонь, вишен, ореха... И только высоко в небе ещё виднелся безрукий Меркурий, покидающий, как истый воин, поле брани последним и уходящий за облака – к своим небожителям, надо думать...

Светлана МОСОВА родилась в Кишинёве. Окончила Молдавский государственный университет, по образованию филолог. Работала редактором Гостелерадио МССР.

С 1991 года живёт в Санкт-Петербурге. Член Союза журналистов России, член Союза российских писателей. Редактор телеканала «Санкт-Петербург». Рассказы публиковались в альманахах, «Литературной газете», журналах -«Кодры» (Кишинёв), «Нева», «Звезда» (Санкт-Петербург), были переведены на немецкий и датский языки. Автор четырёх книг: «Дождь из кошек и собак», «Тридцать четвёртый сюжет», «Один мужчина, одна женщина», «Умора, кукла Баранова и 6 «б».

В «РУССКОМ ПОЛЕ» – «ЮНОСТЬ»

В прошлом веке, в далёком уже 1955-м появился на свет журнал, ставший на долгое время флагманом отечественной литературы. Знаменитый советский, затем российский литературно-художественный иллюстрированный журнал для молодёжи родился по инициативе писателя, поэта, драматурга Валентина Катаева. Он и стал его первым главным редактором.

«Катаев – классик. Вот он сидит вполоборота к вам – в державном кресле своём, в серо-чёрной кофте крупной вязки, как в тяжёлой кольчуге, а то и в ризе, чёлочка его сдвинута на лоб – так сдвигали на брови с затылка кепочку-малокозырку опасные обитатели послевоенных подворотен. Он колюче впивается в вас из-под чёлочки-козырька, стрелчатые уши его прижаты, нос, ноздри, губы и подбородок, приплюсываясь, сведены друг к другу, как плывут книзу лица на старинных японских акварельных портретах. Так и сидит он – мэтр, парнасец, патриарх, вездесущий затворник, академик – Валюн Великий, Катаич, Monsieur Kataev, Валюн птица вещая...». Так писал о нём Андрей Вознесенский.

Катаев-редактор был мастером компромисса. Благодаря этому бесценному тогда его качеству, в литературу вошла целая плеяда молодых даровитых поэтов и прозаиков: Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Роберт Рождественский, Булат Окуджава, Новелла Матвеева, Василий Аксёнов, Анатолий Гладилин, Борис Васильев.

Но появление на литературном небосклоне такого яркого явления, каким был журнал «Юность», сопровождалось яростной критикой. Особенно усердствовала «Литературка». И она добилась своего. Первого редактора «Юности» сняли с должности в 1961 году. Валентин Петрович был опытный царедворец, но всё же не удержался в кресле. Скорее всего, Катаеву не простили духа вольнодумства, который царил в редакции.

На смену ему пришёл Борис Полевой, писатель, бывший военный корреспондент, руководивший «Юностью» двадцать лет. Несмотря на продолжавшиеся нападки на журнал, свободолобивая политика имела место и при нём.

Свой отличительный знак, логотип, у «Юности» появился не сразу. Был объявлен всесоюзный конкурс на лучшую эмблему журнала. Победила одноимённая линогравюра литовского художника-графика Стасиса Красаускаса! И с тех пор на все времена эмблемой «Юности» стало тонкое девичье лицо со стилизованными ветками дерева вместо волос, девушка с листиком на губах. Она заняла своё место на обложке в 1966 году. Существует легенда, что Красаускас, который был

дружен со многими художниками, просто подсмотрел, заимствовал мотив или романтический образ у репортёра Александра Соколова, с которым не раз пересекался. У Соколова есть карандашный набросок Марины Влади. Не исключено, что прототипом знаменитой эмблемы стала известная французская актриса.

К слову, Высоцкому с публикацией в журнале не везло. Подборка его стихотворений появилась на страницах «Юности» уже после смерти барда. Хотя известно, что он не раз предлагал журналу свои стихи. Одна из баек гласит, что Владимиру Семёновичу отказали в публикации, мотивировав отказ тем, что он – не член партии. Его известность, количество записей, превосходили все мыслимые пределы, но стихи ни разу нигде в СССР при жизни актёра, поэта не публиковались.

Появлению на страницах журнала поэмы «Моя родословная» Беллы Ахмадулиной предшествовала забавная история, похожая на анекдот. Маститый поэт и переводчик Павел Антокольский назовёт это произведение «путёвкой в жизнь, в советскую и современную поэзию». Но Белла была в то время недостаточно публицистична. Чтобы пройти ей Сциллу и Хариду цензуры, чуть ли не вся «Юность» в полном составе сочиняла предисловие к поэме. Однако даже после этого советская критика изрядно потрепала «Родословную» Ахмадулиной. Ей вменили в вину, что в поэме «в человеке больше акцентируются биологические приметы, нежели социально-исторические». Отмечали «отсутствие темы», «ощущения героя», «ложность» концепции.

В своё время публикация Николая Рубцова состоялась при весьма неожиданных обстоятельствах. Рубцов, почти бомж, никогда не интересовавшийся политикой, прислал подборку, в которой не было ни слова о руководящей и направляющей роли партии, комсомола или хотя бы о реакционной политике американской военщины.

Вот строки стихотворения «Русский огонёк»:

*Спасибо, скромный русский огонёк,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далёк,
За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле, и нет тебе покоя...*

О публикации не могло быть и речи. Тогда силами отдела поэзии сочинили строки: *Огромный мир*

По-прежнему не тих.

Они грозят.

Мы сдерживаем их...

Какое отношение **они** имели к этому лирическому и такому задушевному слову? Не ясно. Но публикация состоялась. Рубцов получил приличный по тем временам гонорар и тут же его прогулял.

Третий главный редактор «Юности» Андрей Дементьев вышел из лона ВЛКСМ. Прodelал успешную карьеру от литературного сотрудника отдела

сельского хозяйства «Калининской правды» до инструктора отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ. Дементьев руководил отделом поэзии в издательстве «Молодая гвардия» и сам стал писать стихи. И дорос до «Юности». Но после перестройки, когда финансирование журнала прекратилось, потому что и самого комсомола больше не стало, редакция раскололась, некоторые поэты, прозаики, сатирики и публицисты ушли в свободное плавание. Андрей Дементьев покинул редакцию сам, никто его с должности не снимал.

«Юность» всегда отличалась от остальных литературных журналов большим интересом к общественной жизни и окружающему миру. Одним из первых журнал осветил явление бардовской песни, а в восьмидесятые годы – «митьков». В «Юности» готовились цветные вкладки живописи, где выступали такие художники, как Алексей Леонов, Илья Глазунов, Михаил Шемякин, Вагрич Бахчанян.

В 1987 году дебютировал постоянный публицистический молодёжный дискуссионный раздел «20-я комната», полюбившийся читателям.

С нетерпением ждали и «Испытательный стенд» студии вашего талантливого земляка Кирилла Ковальджи, где публиковались поэты «новой волны» 80-х.

В легендарном журнале печатались Анна Ахматова, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Ион Друцэ, Виктор Пеленягрэ, Олжас Сулейменов, Виктор Розов, Юрий Левитанский, Василий Белов, Анатолий Алексин, Римма Казакова, Валерий Золотухин, Михаил Задорнов, Дина Рубина и многие другие известные авторы.

Молдавская рапсодия «Юности» - под таким заголовком в рубрике «Лицом к лицу» вышли в журнале в 2014 году произведения самых заметных молдавских авторов XXI века. «Юность» порекомендовала своим читателям произведения Олега Краснова, Олеси Рудягиной, Валентины Костишар, Михаила Поторака, Натальи Новохатней, Сергея Пагына, Татьяны Орловой-Волошиной, Олега Панфила, Леонида Поторака, Николая Костыркина, Яны Казаченко.

Да, давно уже нет знаменитых разделов: «Наука и техника», «Спорт», «Факты и поиски». Нет целого сонма писателей, некогда составлявших гордость журнала: Марк Розовский, Аркадий Арканов и Григорий Горин, Виктор Славкин Алла Гербер.

Но жив «Зелёный портфель», где вновь и вновь появляются юмористические публикации. Мы возвращаем уже новой молодой публике такие имена, как Осип Дымов, Тэффи, Бухов, Азов.

С 2007 года «Юность» возглавляет известный русский поэт Валерий Дударев. Пять лет назад он стал лауреатом премии «Новый век. 2012» Международного форума «Диалог цивилизаций и культур» – как главный редактор журнала «Юность» за лучший медийный проект начала XXI столетия.

Знакомим читателей «Русского поля» с авторами «Юности».

ДМИТРИЙ РОМАНОВ

ДЕВУШКА ПЕЛА

Тем особым чутьём, что приходит к человеку незадолго до смерти, его жена знала, что последний день её близок. И знание это было таким ясным, чистым, ни с каким опытом не сравнимым, что не было придумано даже и слов на земле, чтобы объяснить его. И она молчала, и только уже совсем теряя язык, попросила соборовать её по православному канону. Куда-то вдруг делся весь её книжный атеизм и усмешка лёгкой небрежности при разговорах о церкви.

А он даже не удивился такой перемене в супруге – эмоции, подобные удивлению, давно рассеялись по больничным коридорам, где он проводил рядом с ней второй месяц.

Здесь он распрощался не только с праздной впечатлительностью, но и со связями, с работой в модном журнале, теннисом по пятницам и баром по субботам – со всем тем, что составляло его жизнь и молодость. Им обоим не исполнилось ещё и тридцати. Детей у них не было, зато светской жизни – взхлёб.

Теперь выброшенный в пустыню человек возопил, и на одинокий глас его явился священник. Молодой батюшка из сельской церкви переступил порог её палаты утром, застав её – за очередным переливанием, его, уже привыкшего к стонам и виду чужой крови в капельнице, – за чтением. Он читал Умберто Эко, с удовольствием путая воспалённый разум лабиринтами истории.

И вот свежее миро высластило больничный воздух, тяжёлый серебряный крест лёг на место градусника, и высокий голос возвестил триипостасную «Славу». После причастия батюшка отвёл его в сторону и путано, с горячим нервом наставлял. На полке с пелёнками заметил его книгу.

– И как вам она? – спросил батюшка, – я что-то об авторе слышал... Средневековье?

– Да так, – ответил он. – Помогает отвлекаться.

– А вы читайте Евангелие. Вслух. Себе и ей. И отвлекаться не надо будет.

– Ясно.

– И не унывайте, не вините себя. А главное, всегда помните – она вас спасает.

– От чего? – хотел спросить он, но не спросил.

Тем же вечером до врачебного обхода, он прочёл ей несколько глав «От Матфея». Она терпеливо слушала, затем поморщилась и вдруг улыбнулась.

– Не мучь себя, – шепнула.

– Я и не мучаю, – ответил он, не поднимая глаз.

И три дня, приходя к ней, упорно читал, не сходя со стула, как часовой с поста. Даже когда ничто уже не шевелило мышц её лица, прозрачные глаза мерили потолок, а слабое частое дыхание еле трепетало на запавших треснувших губах, он всё же верил, что она слышит и понимает.

Он, как и она в эти дни, перестал есть, ни с кем не общался и никуда не ходил, и решил воспользоваться этим, как своеобразным говением. А за говением, решил он, должно исповедаться. Тридцать лет – неплохой возраст для повторного просмотра этого странного и страстного спектакля под названием «Жизнь», решил он. И утром поехал в ту самую церковь, где служил батюшка.

Село было в двух часах езды. Каширское шоссе на рассвете заволочло морозным туманом. За МКАДом дома по обочинам начинали таять – всё меньше этажей, всё больше двускатных крыш, сосны под белым гнётом. Поворот, и – скромная церквушка в строительных лесах.

Он волновался и зашёл не сразу, но сделал долгий круг. На церковных службах он не был с детства. Экскурсии, репортаж для журнала, поездка в Иерусалим – всё это было или праздно, или с усмешечкой. Они с супругой считали себя людьми рационального склада, а двадцать первый век – эрой науки, хотя и в последнюю-то не особо верили. Медицина – та же наука, да только вот не помогла.

Внутри былолюдно, и он ощутил кипение жизни. Словно общее тело взяло всех этих соборян в надёжную длань и защиту от снежной пустыни. И даже Предтеча, чей глас в этой пустыне вопиял, здесь, в жарком мареве свечей, смотрел с иконы спокойно и уверенно, и власяница на его иссохшем теле походила на серафимовы крылья.

Он поклонился иконе и добавил к её огню малую медовую свечу.

Прямо перед ним стоял юноша, младше его, ещё при первых усах, мешковатый, угловатый – и юноша плакал, не силясь держаться. От этого и ему стало легко, когда потекли слёзы, и свечи, и сусальное золото, и роспись – слились в мокрые пятна.

Вскоре он перестал замечать взгляды, шепотки и кашель прихожан. Остались только тихие лучи через душистый дым и в полосах света – лица и лики, что обтекали свечные острова, и дрейфующее кадило сыпало бубенцом.

И грянул с клироса мощный хор:

«Величаем, величаем Тя, Пресвятая Дево!».

Всё совпало, – решил он, – материнство, она, великая тайна, женская доля. Она меня спасает через эту жертву! И потому я здесь, в ковчеге.

А голоса проливали неспешный канон:

«Богоизбранная Отроковице, и чтим образ Твой...».

Прозрачные неподвижные глаза её, которые так часто пылали в горячих ночах, эти исхудавшие до костей руки, когда-то дарившие объятья и ласки. И большие чувственные губы в сизых трещинах...

«Имже точиши исцеление всем с верою притекающим».

Всё это словно готовилось для принесения.

И женскому хору вторил мужской разнойбой:

«Величаем, величаем!».

При этом он всё же мог мыслить, и даже вспомнил, как она рассказывала ему про Августина Блаженного. Тот, будучи столп и рыцарь веры, каялся в слабости к пению. Что слёзы его были обильны от взволнованных чистых голосов, а не от того смысла, который эти голоса несли. Что наслаждался он формой более, чем содержанием.

Но это уже было неважно. Ещё чуть, и он сам бы оторвался грязными подошвами от мрамора, и был бы в невидимом, вместе с духом, в дыму, за стеной из огня. И там не будет ни людей, ни мужей, ни жён, никакой грязи и боли.

Как вдруг всё смолкло, и с клироса сошла девушка в нефритовом платье.

Она взмахнула рукой, и все запели «Символ веры». Рубленные жесты дирижёра подавала она тонкой ладошкой. Губы напряжённо сложены буквой «О», выжженные солнцем брови с простым деревенским бугорком. Тоненькая, как соломка, и насквозь пробитая светом, она, тем не менее, пела густым оперным сопрано, и держала под командой весь приход. Потом спряталась обратно.

Теперь он уже не хотел отрываться подошвами от мрамора. И тягучий, горючий тропарь, и светлый акафист, и прочее, слов чего он не разбирал – всё было нежно и переливчато, пробито лучом, дышало мёдом. Казалось, что все эти голоса – это она, та девушка с соломенными бровями. Она вышла ещё раз, дирижировать «Отче наш», и он уже не слушал, а только смотрел на неё.

И после службы она прошла мимо, быстрым шагом возмутив воздух. У дверей куталась в шарф, проверяла телефон.

Ему стало стыдно за невозможность остановить глаза – он разглядывал её, запоминал линии бровей, маленького рта, изгиб шейки, и дальше, и ниже, что можно было видеть за строгим платьем. Высокие сапожки застучали к воротам, и она вышла из храма. Он захотел выйти следом, но не за ней, а только чтобы не засорять внезапной похотью чистого места. Её силуэт отразился теперь во всём, что он видел.

Люди принялись расходиться, а к нему подошёл батюшка.

– Вы не уходите, – сказал, – пойдёте с нами в трапезную. Подкрепитесь, а то на пустой живот вы не борец. А борьба-то у вас сейчас самая тяжёлая.

Аппетит его и впрямь разгулялся. Может быть, от послевкусия хлеба, смоченного вином.

К трапезной он шёл через снежный двор и жадно дышал. Холод успокаивал его, холод возвращал к привычной мысли об увядании. Скоро, совсем скоро он вернётся к жене, сядет у койки, поцелует её невидящие глаза и расскажет что-нибудь бодрое, подмигнёт ей. Он не сойдёт с поста.

А у самых дверей трапезной увидел девушку из хора. Она придержала для него дверь, быстро взглянула и улыбнулась. Он долго мыл руки, умывался, и уже знал, что прежде, чем уехать, нужно поговорить с ней. Всего-то пару слов, и она возьмёт его голову в ладони, приложит к груди и скажет:

– Всё будет. Ты сильный, смелый мальчик. Я – жизнь, я продолжаюсь.

В трапезной было шумно и весело. Звенел фарфор, батюшка рассказывал что-то про Ромео и Джульетту, бегали дети, у фортепьяно стояли девочки и непрерывно кольцевали начало «Лунной сонаты». А его уже кто-то сажал на скамью и ставил миску горячих постных щей.

Девушка из хора села напротив, перекинув жёлтую косу через плечо на колени. Она перекрестилась и приступила к трапезе, не подымая глаз. На скамью рядом с ней сел чернобровый упитанный и румяный с мороза молодец.

Вдруг ему всё стало ясно – их руки синхронно поднимали ложки, и на пальцах он заметил обручальные кольца.

Чернобровый склонялся к её уху, и она застенчиво улыбалась.

Муж и жена, – решил он, – а я раскатал губу...

И всё одухотворённое, всё очарование ангелической женственностью, умильное алкание тихой гавани на неё груди, – всё разом ухнуло в бездну, как кровь, отлившая от лица его. Батюшка заметил эту бледность и поспешил утешить. Но слова уже были не важны.

Он глядел на чернобрового, и его возмущало, как тот был язычески спокоен, доволен своими ролью и местом. Что-то земляное и надменное было в его резких уверенных движениях. При этом чернобровый выглядел вполне надёжно и душевно, и наверняка мастерил дома какую-нибудь мебель на верстаке, а работал прорабом на рыночной стройке. Носил там безразмерные засаленные комбезы – с таким-то животом, – и вязанные носки, которые она ему штопала...

Он не понимал, почему, но уже начинал ненавидеть его масляные губы, пухлые с тёмным волосом пальцы, один из которых стягивало роковое кольцо. А девушка из хора, напротив, стала ещё желаннее, засияла аурой невинности, которую грубо душили житейским нахрапом.

Вскоре чернобровый сказал, что ему пора на смену, и покинул трапезную. Девушка из хора осталась помогать на кухне. Всё было потеряно.

Выруливая на Каширку, он вспоминал чернобрового, девушку, тёмный лик Предтечи, лицо жены, врачей, бессильных помочь ей. И чем больше образов давило на его сердце, тем сильнее он давил на педаль газа. На серой шоссейной каше кричали красные фонари миллионов машин. Он злился и давил сильнее, и поршневым хором ревел громче.

А на обочинах, на полях разгорался звонкий ясный день. За тучами горел пожар солнца. Словно облачный войлок обернул жерло вулкана, и синие ели дымились полевой метелью. Выше к зениту всё окрасилось в лимонную зелень – мороз крепчал.

Стоило глянуть в боковое окно, и уже невозможно было отвлечься. Как прекрасен мир, – подумал он, – и как жесток... Но всё же как прекрасен!

Крик гудка заставил его вновь поглядеть вперёд. Но было уже поздно – жестяной короб грузовика – последнее, что он увидел перед тем, как свет померк. И ещё – беспомощный визг тормозов.

Когда свет зажётся вновь, он увидел крепкий оскал улыбки. И широкое окно с выцветом грязных занавесок. Он лежал на белом и вокруг было так много этого цвета, что стало ясно – это палата.

На него смотрел сосед по койке – огромный армянин с сильно заросшим лицом. Позже выяснилось, что тому удачно заштопали четыре пулевых дыры в брюшине, он приходил в себя и снова любил жизнь. Но говорил тихо, чтобы швы на животе не разъехались.

– А ты счастливчик. Говорят, вмазался на полном ходу в грузовик, но ни одного тебе перелома.

– Что со мной было? – спросил он и тут же сморщился. В грудь словно шило вошло.

– Осколком лёгкое пробило. Врач говорит, ещё миллиметр – и в аорту. Но Бог миловал. Да и врач молодец. С того света достал.

Действительно, грудь была плотно стянута бинтами с ватной шишкой на правом боку. Он узнал, что после аварии его доставили в ближайшую больницу, где-

то у Ленинских Горок, и сразу бросили хирургу на стол. Приезжали родственники, но он был без сознания, и только матушка всё ждала в коридоре. Он услышал её голос за дверь, и другой голос – мужской, утешавший её.

– Это врач наш, – заметил армянин, – обход делает. О, я бы на вашем месте поставил ему памятник!

Он подумал о жене, и о том, как же он посмел так бросить свой пост. Защемило, выступили слёзы, мысли каскадом заглушали одна другую. Девушка пела в церковном хоре, муж её... стало горько и смешно. Неужто можно было так размениваться? Неужто он такой мелочный? О, слабый, слабый человек! Ревнитель пустоты.

– Добрый день, – раздалось у двери. – Как наши дела?

Он повернул голову на подушке и замер в немоте. Перед ним в белом халате с планшетом в руках стоял чернобровый. Всё такой же спокойный и уверенный в себе, с лёгкой улыбкой. Всё хорошо – отвечал сам себе этот человек.

– Всё хорошо? Очнулись? Мда... какой русский не любит быстрой езды.

Сначала ему захотелось ущипнуть себя, проснуться. Он не мог поверить, и даже страшная мысль о том, что всё это – посмертные видения, закралась в его голову. Наконец пришла тихая убеждённость, что иначе и быть не могло.

– Вы кремень. И наверняка...

Чернобровый говорил и говорил, а он слушал его ровный глубокий голос и успокаивался. Он был уверен, что всё страшное миновало, что он в надёжных руках, и всё будет хорошо. Я – жизнь, я – продолжаюсь...

Как славно, – думал он, – что есть люди непоколебимо уверенные, что всё будет хорошо. Чья в этом заслуга? Они рождаются такими или становятся? Их закаляет жизнь или укрепляет любовь чистых дев, поющих в хоре?

– Доктор, простите, – сказал он.

Чернобровый отмахнулся.

– Да за что же? Работа у меня такая.

– Я думал всякое...

– Бог простит. Не берите в голову... а мы ведь с вами уже виделись?

Он закрыл глаза и отвернулся.

– Наверное, он был не мной.

Чернобровый только почесал лоб.

– Ну ладно, отдохайте. Тут к вам ещё мама, – но у порога обернулся и тихо добавил, – да, и ещё вот... Примите мои соболезнования.

К РОЗАНОВУ

(Из цикла «Записки велосипедиста»)

Всегда интересно – совпадения случайны или это действие мирового магнита? Как бы попадая в поле одного события, начинаешь подмечать в мире всё схожее с ним. И чем больше подмечаешь, тем больше шансы, что скоро ничего в мире не останется, кроме этого события – повсюду.

В моём рюкзаке помещались: два блокнота, ручка, пакетик с бельём, рубашка, плащ от дождя, спальник на плюс десять, палатка на одного, коврик, котелок, горелка и пара корейских баллонов с пропаном. И ещё – электронная книга.

Нынче читаю «Тёмный лик» Розанова. К Василь Василичу нельзя быть равнодушным. Мир делится на тех, кто его любит, и кто не любит. Последние, скорее всего, не читали. А середины нет. То есть не скажешь «ну что-то нравится, что-то слабовато». Только *да* или *нет*.

А совпадение было в том, что лишь на подъездах к Костроме узнал я, что Розанов тут учился, а родился неподалёку, в городке Ветлуга. Это что ещё за диво – Ветлуга? Население меньше десяти тысяч. Отписался в мою газету, ответили: поезжай, только дорога за твой счёт. P.S.: Не дашь хорошей статьи на этой неделе, со следующей можешь нам больше не писать.

Пришлось, живя в палатке, быстро варганить что-то про костромской лён. Статью завернули – надо больше боли!

Приехал на льнокомбинат, дождался конца рабочего дня, пристал к работницам – где болит? Те как раз шли на остановку. Вспугнутые поначалу барышни, увидев мой корреспондентский именной бейджик и блокнот, успокоились. А на отсутствие кольца на безымянном пальце начали улыбаться, вздыхать. Одна даже достала зеркальце – оправить кудри. «Ой, Дима-Дима, жаниться тебе пора», – читалось по глазам.

– А чего хотим – известно, чего... А чего поправить на производстве – мужиков побольше.

И смеётся, давя большую грудь.

– Ну ладно, чего юношу смущаешь? Всё у нас хорошо, не жалуемся.

– Лён – дело нежное, бабье. Мы тут на месте.

– Иногда только пыли много, особенно у трепальщиц. Лёгкие ест.

От оно! Пыль. Так и напишу в «Другую Русь» – чего не терпят дома, одолевает на работе.

В конце концов, Кострома город трогательный и самый русский, но всё же – город. Большой, со своей областью, не тот, что нужен «Другой Руси». Да и моё переменчивое настроение отказалось видеть в нём древность языческого имени, а уют золотого века здесь фрагментами – в этих уездных двориках и пёстрой архитектурной мешанине. В этой Волге, что течёт и, дивя варяжским парадоксом грека Гераклита, никогда не меняется.

А дом Розанова, где жил он гимназистом, давно сгорел.

Возможно, это Сусанин увёл меня прочь из города. Той ночью памятник его сошёл с постамента, прошёл мимо торговых рядов, по двум тёмным проулкам и постучался ко мне: «Пошли, пора».

И вот я уже в автобусе. Велосипед в багаж, а сам – к окну.

В газетке нашей люди заботливые. За сущее копьё отыскали мне для съёма домик в Ветлуге. Вроде всё путём, но всегда найдётся в нашей жизни неучтённый элемент, и почти всегда бывает он экстремальным. Вот этот-то элемент и спровоцировал меня на сей скромный очерк.

Дом Павла Павловича Лугина находился рядом с вокзалом. Я вышел и оглядел пасмурную жижель остановки. Под крышей её сидел худой дед в шляпе и чесал ухо. Древние считали, что худой, значит с той дырочкой, через которую всё добро утекает, и остаётся кожа да кости. Это и был Пал Палыч Лугин.

– А я сразу понял, – говорит, – что это вы. Вид у вас шиллеровский.

Неужели Пал Палыч «свой»? Шиллера знает. Так и оказалось – характером он был вовсе не худой. Высшее лингвистическое и тридцать лет сварщиком.

Дом его уже шестое поколение стоял в двух минутах ходьбы от вокзала. Мы шли впритирку меж ветхим забором и живой изгородью полыни в человеческий рост.

Август пах костром – жгли останки лета. Входя в сад, окрапился. Здесь воздух сразу химически отяжелел от палых яблок. Всё было повалено и с готическим пафосом гнило – от сырых стен сарая до вынесенных в сад зеркал. Их стёкла словно съедала чёрная пена, и затягивала паутина в сухих листьях рябины.

Веранда тучного дома отражала хвою и темень своими мелко застеклёнными окнами. Вся в струпях белой краски, она покосилась, и лестница коварно скользила под ногой.

Внутри веранды стоял клейкий запах старого дома и сильного перегара. Это на койке у стены спал человек. Пал Палыч сказал, что это Шаня, его сын. Он живёт во второй половине дома с женой и двумя сыновьями. А мне предстояло заселиться в половину Пал Палыча и его старухи, где они располагали двумя комнатухами и вторым этажом – моим полностью.

Шаня спал крепко, и я чуть задержался на веранде. Стены её были увешаны лаковыми картинами, перистым офортом по металлу и ксилографией по дереву. О существовании этих техник я узнал только теперь. На них, помимо лесного колограда, угадывались лики Ивана Грозного, Блока, Джоконды, каких-то иноков и девы с оленями. Видимо, я попал в место культуры. А Пал Палыч заметил, что это всё Шаня когда-то мастерил своими руками.

– Он у вас художник?

– Он у нас сложный человек, – и голова старика затряслась, когда он спешно вошёл в дом, и уже оттуда позвал меня.

Расположившись на чердаке среди веников и стружки, я спустился к обеду. Хозяйка, Анна Карповна Лугина, хотела скорей познакомиться. Это была милая пухлая женщина лет семидесяти в пузатых очках и с белой умильной бородёнкой.

То, что я поначалу принял за румяные пироги, оказалось шляпками белых грибов, сваленных на кухонный стол. Кушали суп с грибочком. Вот он во всей красе – крепкий, настоящий август в лесу и совсем уже осенний чай.

Я уже, было, разомлел, макая губу в терпкий омут, как услышал хриплый мат и скрип половиц за стеной. Оно приближалось. Пал Палыч с супругой замерли на миг, переглянулись и поутихли.

– Не беспокойтесь, – прошептал Пал Палыч, накрыв мою ладонь своей, – вы живёте на нашей половине, а деньги за проживание мы делим с сыном. Так что он должен быть вам рад.

В комнату вошёл Шаня. Он пригнулся, чтобы не удариться о косяк. Шаня был мужик лет пятидесяти. Брит и гол по пояс, могучий, золотой крест с ладонь, однако, на дряблой бечёвочке, что тёртыми своими волокнами оставляла раздражение на шее.

– О, – красноглазо хмурясь, – гости. Ну приятного аппетита, чё.

Затем повернулся, чуть не сломав дверь, и ушёл прочь. Старики по его уходу заметно приободрились.

Вечером я со второго этажа слышал бас Шани. Крепкий рубленый дом, забитый утеплителем и сотней слоёв краски, газет и обоев, пропускал в свои материи голос хозяйского сына. Он всё спорил о грибах, которые давеча добыл в лесу. Спорил, как казалось, сам с собой – ибо весь дом в ответ ему молчал. Шаня, как воин, ждущий вызова, стоял посреди веранды так, чтобы видеть оба входа в дом

– свою половину и родительскую, и басил. Домашние мышами копошились по своим делам. Я решил не провоцировать великана и оставался наверху. Да уж, повезло – нечего сказать...

Здрав ноги, я читал Розанова.

«Что такое жизнь? – Плач и рыдание и ничего более».

Это он разбирает слова Евангелия, но всё ему интересен перенос их с души иудейской на русскую душу. Шаня громко захлопнул дверь, я слышу, как он хрустит по яблокам через сад.

«Нужно ли трудиться? – Да, сколько птицам небесным: сегодня сыты, завтра сыты, а послезавтра – умрём...».

Печально, но разве не так?

«...как птицы и цветы-подёнки, так что нечего и «печься на утре», а не то чтобы там «попорхать» и «расцвести». Ничего подобного. Плакучая ива – вот подобие и образец для человека. Опустит ветви свои в воду и – плачь, плачь...».

Позвали к ужину.

Веранда дома Лугиных была нейтральной территорией, местом, где только и возможен был семейный диалог. Тут и стол стоял накрытый.

Впервые я увидел жену Шани – Алёну. Женщину лет сорока с бледным вытянутым лицом. Двое её сыновей – Алёша лет семи и подросток Матвей. Самого Шани не было. Пал Палыч, не дожидаясь всех, беззубо налегал на пюре и тайком от супруги, гремевшей на кухне, подливал в рюмку какой-то багровой жидкости.

– О, а вот и наш корреспондент.

Он представил меня членам семьи. Алёна посыпала вопросами про Москву, и зачем нужно ехать оттуда в такую дыру. Она вообще показалась мне довольно робкой, но не скромной. Покорной, но глуповатой. Интересно, подумал я, Шаня бьёт её? Потом как-то Пал Палыч поделился, что один раз только ударил – когда та предложила взять кредит.

Шаня вошёл, когда мы уже приступали к чаю. Он нёс на жерди кровавую тушку с железной стрелой, торчащей из меха.

– Ещё одного завалил? – крикнул Матвей.

Отец молча зыркнул на стол, и Анна Карповна выбежала на кухню – нести запоздалому ужин. Шаня долго звенел рукоюйником, и я заметил, как все вновь притихли.

Включили телевизор. Алёна показывала маленькому Алёше на экран, экзаменующая сына на знание эстрадных лиц, и весело подпевала вместе с ним рекламным слоганам.

– Это он бобрами промышляет, – Пал Палыч налил мне и Шане по рюмке бордовой. – Ходит на канаву за город. О, что ты, там этой твари на целую фабрику.

Шаня сел за стол и перекрестился. Вены на желваках вздулись, он опасно покосился на рюмку.

– Повод что ли?

– Ну да, Бог велел, – отозвался Пал Палыч, уже не разлепляя глаз. – За охоту.

– Ты посмотри на него, – вмешалась Анна Карповна, оправляя толстые очки, – накидался. За гостя уж давайте.

– Ну давайте, – Шаня звякнул рюмкой, рыкнул и зацепил квашни на вилку.

Он ел много, но аккуратно, выпивал смущённо, но с охоткой. Такие если робеют поначалу, то звереют под конец.

Алёна снова принялась подпевать рекламе, научая младшего сына. Шаня недовольно глянул, но не дал ни слова. Велел отцу наливать. Пал Палыч наливал, капал мимо и натужно сопел. Шаня межзубно поругал отца, чтоб не лил на стол, однако, сам за это дело не взялся. Вид бутылки возбуждал его, и, мне показалось, Шаня боялся её, но от страха ещё больше хотел выпить. Так, наверное, рабы боялись, ненавидели и тайно любили своих господ. Лучше владейте нами, только не выбрасывайте на свободу!

Узловатые корни стариковских пальцев слушались плохо. Он вдруг выронил бутылку, и багрянец залил скатерть. Шаня болезненно засмеялся, Анна Карповна кричала, дети таращили глаза на растущее пятно. Мать с невесткой кинулись на кухню за тряпками. Ужин был окончен.

Я сидел в замешательстве. Шаня обратился ко мне.

- А ты, значит, из газеты?
- Ага, – получилось виновато.
- О чём пишешь?
- О Розанове.
- Это кто? Местная знаменитость?
- Да, писатель. Родился тут.

Шаня пристально посмотрел на меня, как цепной пёс. Потом вытряс из рюмки две капли на язык.

– Всю жизнь тут живу, ни разу не слышал, – с подозрением заключил он.

Наутро я гулял по городу в поисках дома, где Розанов родился. В «Опавших листьях» он писал: «Весь дом был какой-то-у! у! у! – тёмный и злой. И мы все были несчастны. Но что были несчастны – я понял потом».

Должен ли мужик любить свой дом – или это бабье дело? А мужик только через неё дом любит?

Местные не могут указать, где он. Кто говорит, сгорел давно – с конца девятнадцатого века пожаров тьма было; иные, что снесли и на том месте магазин, а всё больше – «не знаем такого».

Не знают люди своего философа. Да уж и тогда, в голодном девятнадцатом году, умирая (и умерев-таки) от голода, Розанов взывал к незнающему своему народу:

«За помощь – великая благодарность. И слёзы не раз увлажняли глаза и душу. Кто-то помнит, кто-то думает, кто-то догадался... Устал. Не могу. Две-три горсти муки, две-три горсти крупы, пять круто испечённых яиц может часто спасти день мой... Сохрани, читатель, своего писателя...».

Сохранили?

Не нашёл дома. Брёл по пряному саду к себе на чердак, отражаясь в чёрных зеркалах. Всё же мрачное торжество и красота были в этом отражении уставшего сада в стёртой амальгаме.

Шаня сидел у сарая – что-то строгал. Поздоровался – он не ответил. Я успел только заметить резную статуэтку под нажимом стамески. И когда вечером сарай был пуст, я тайком заглянул туда.

С виду сырое и хлипкое, как из войлока, строение внутри разительно менялось. В идеальном порядке на самодельном чистом верстачке лежали резакки всех размеров и форм, стамески, рашпили – с педантичностью королевского сервиза. В уголке на столе в ряд красовались фигурки: медведи, журавушки, зайцы, церк-

ви с чешуйчатыми куполами, терема и избы на курьих ногах. Всё из цельного бруска, гладкое и белое. Я вспомнил, что видел такие в сувенирной лавке у вокзала. Значит, Шаня поставщик.

Мрачный и чёрный, как буханка хлеба, сидел он на веранде, точил стрелы. Матвей прислуживал ему, но без недовольства. У него был свой самострел, и отец брал сына на бобровую охоту. Ходили они в сумерках, с оглядкой и присядкой – дело подсудное. Браконьерство.

Пал Пальч, старенький и обиженный всеми, нашёл в эти дни отраду в госте. Вздохнёт, как мимо пройду, а стоит задержаться – разговорится так, что, если и слиняешь, не заметит, будет заливать. Про Шаню очень любил величать. Странно мне было – Шаня отца поругивал, покрикивал и, бывало, даже с матерком. А тот о сыне – с гордостью. А ты видал, какие оклады режет? А картины его? На турнике двадцатку жмёт в свои пятьдесят и ничего, что курит и на винцо слаб. Зато сам собою не слаб. Бывало, ходил за склады – драться.

– Зачем – драться? – удивился я.

– Как зачем? Не всё ж работать. Развлекаться тоже душа просит. Ну мужики, когда есть возможность собраться, когда по вечеру без дела – мутузятся. Бывало, на ящик водки, на утварь какую. Шаня бензопилу выдрал как-то. Валит только в путь. Хоть ты чемпиона ему поставь – добренько с говном смешает.

Три вопроса осели в голове моей. Почему дом в разрухе, когда в нём такой мастер живёт? Откуда в этом мужике-медведе искра к прекрасному? И почему на углой бечёвочке на его шее висит золотой крест с ладонь?

– Это вы его художеству научили? – спросил я у Пал Пальча.

– Эх, Шиллер вы мой. Думаете, раз лингвист, так и научил? Он меня клеймит, что я ему жизнь сломал, – голова старика нервно заходила вверх-вниз, – что не дал в художественное пойти учиться. А мы жили при партии – какой художник? Иди строй, иди сей, знай себе село... А как постарел, выяснилось, что жизнь сломал. Мы детям всегда хотим, как лучше. Только для кого оно лучше? Выходит, что не для них, а для нас. У вас дети есть? Нет? Ну вот знайте – они не обязаны ваши цели за вас достигать. У них – своё.

Было душно, на чердак ко мне заползал чад с кухни, и я работал на веранде. От статьи отвлекала мелькавшая в окне Алёна. Она стояла на стремянке и собирала сливу. Глухо позвякивало ведро под ударами плодов. За окном её бугристые колени были на уровне моих глаз. Она тянулась к верхним веткам, подол сарафана уползал наверх. Иногда это зрелище увлекало все мои мысли. Ничего не поделаешь – животное любопытство. Я уже хотел пересесть на диван – тот самый, где в первый день спал Шаня. Но вот сам Шаня появился на веранде.

Он заметил меня, вид в окне и бросил:

– Пиши-пиши, не отвлекайся.

С ним вошли Алёша и Матвей. Младший сын нёс перед носом машинку и гудел, тогда Матвей сказал ему вести себя тихо и не мешать мне работать. Шаня заметил:

– Хороший писатель, как танкист, – ничего кроме танка не слышит.

Со вздутыми венами он кивнул мне на окно, где оголялись женские бёдра, и грохотала в ведро слива. Его улыбка была наглой и стыдливой одновременно. Матвей и Алёша сели на скамейке красить деревянные фигурки, а Шаня ушёл.

– Мама уже целых два ведра набрала, – заявил Алёша, болтая ножками.

Я снова погрузился в статью. Вскоре грохот слив стих, а в окне что-то закачалось. Я увидел, как Шаня вырос у стремянки и запустил руки под сарафан жене. Лица её не было видно, и только её пальцы, вяло отгонявшие Шанины руки. Мне стоило бы отвернуться, но почему-то я смотрел. Шаня стащил её на землю, отвернул лицом от дома, закинул подол и навалился сзади, как козёл на козу. Даже на веранде было слышно её хриплое дыхание. Это продолжалось минут десять, во время которых я отошёл налить воды, а дети примкнули к окну. Маленький Алёша хихикал.

Тем субботним вечером я устроил велосипедную прогулку по округе, чтобы развеять послекусие сцены. А когда вернулся, застал Шаню в саду. Он провожал меня глазами, на земле лежала початая бутылка. Теперь я был уверен, что он ищет повода сцепиться со мной.

Да быть не может, – рассуждал я, поднимаясь на чердак, – что на мне мир сошёлся, что ли? Завтра воскресенье и я уеду, и забуду этого мужика, как и он меня забудет. Но я всё расхаживал от стены до стены и не мог унять странный позыв.

Я всё же спустился и вышел в сад. Нужно было поговорить с ним, сработать на опережение. Но он уже ушёл, и его широкая спина таяла в луговой долине.

Анна Карповна сообщила, что завтра утром они идут в церковь.

– Каждое воскресенье ходим. Сын велит, – добавила она.

Вот так, оказывается, религиозный. От того и крест с аршин на груди в сажень.

К ужину пришёл еле-еле, пьяноглазый, пыхтящий. Уселся напротив меня и сверлил глазами.

– Шань, покушай. Огурчик мочёный, ты любишь, рыбка вот, – Анна Карповна обхаживала его боязливо.

– Пап, а я самострел починил – завтра на бобра пойдём? – спросил Матвей, тоже понимая.

– Папа завтра работает, – заметила Алёна.

Пьяные рыжие глаза буровили мой череп, с каждым куском во рту нарастала тревога. Включили телевизор, Алёша запел в унисон рекламе прокладок. Пал Палыч клевал носом.

– Живот болит, – покачал я головой, – наверное, пойду... Спасибо большое. Доброй ночи.

Я встал под причитания хозяйки, вымученно ей улыбнулся и поскорей ушёл. Хотелось по дороге дёрнуть спиной о дверной косяк – стесать прилипший рыжий взгляд Шани. Так смотрят, когда хотят драться, а драться с ним я не хотел. А потому ретировался к себе наверх и закрыл люк.

Вскоре внизу зашумели – бас Шани и курлыкание старухи матери. Уговаривает, успокаивает – решил я. Но не помогло – и вот кто-то застучал в деревянный люк. Началось...

– Можно? – раздался его голос в темноте провала.

– Почему нет, – вздохнул я.

Он тяжело выбирался из люка, при этом об пол цокнуло стекло. Вошёл в комнату, согнувшись – веники и гирлянды грибов мешали. Сел на стул у пыльного окна. Лампа осветила бутылку в его руках. Он всё так же буровил взглядом, и я напрягся.

– Да я это... ты всё бродишь где-то... Хотел тебя угостить вон, – он ткнул бутылкой вверх, – сам гоню.

– А-а, – заявил я.

– Мать с отцом не любят, когда я за столом. А мне, короче, тут и посидеть не с кем. Братки мои разъехались кто куда, вот в одиночку и глушу уже который год. Ты-то хоть теперь... Всё не поговорим никак. Надолго к нам?

Отлегло. Лицо его краснело не от ярости бычьей крови, а – догадался я, – от мужицкой и настоящей русской застенчивости. Такую и теперь, и раньше принимали за чёрт-те что, и тем она играла дурные шутки с русским мужиком. Загадочная эта черта – застенчивость, медвежья какая-то, и в то же время иноческая, умом необъяснимая, как таинство. Кто плохо чувствует – может её за хитринку принять.

Из приличного сочувствия я выпил с ним одну рюмку, а дальше сидел и слушал спутанную историю его комсомольской юности, послеармейской удали, лишого матерства девяностых и вот, наконец, мирного плена судьбы дней нынешних. Было три семьи, три жены в трёх городах. И только вот в родной Ветлуге осел и растит в чине и почтении двух сыновей. А от тех трёх отомолиться пытается.

– Грех и ошибка. Не хочу... а как хвост отрезать?

Покряхтел про художество, но осёкся, махнув рукой.

– А ну его. Денег три копейки. А тут – семья. Это вам в Москве хорошо ничего не делать, вот и рисуете, пишете... А тут – где? Да мог бы, всё бы я мог. Только вот батю слушался слепо, а он же у нас агеист, партиец, образование имел. Да уж чего о нём – грех родителей осуждать. Себя лучше.

Бутыль опустела, он заснул на стуле в позе грифа.

Под лампой лежал блокнот с начатками статейки. Я снова вошёл в ступор, подумав о далёкой Москве, о начальстве, понятия не имеющем, что тут творится в глубинке – какая такая боль народная нужна «Другой Руси»? Какие чаяния маленького человека хотят в газетку завернуть?

Как объяснял Нестор – летописец отказ князя Владимира от мусульманства при выборе религии? «Руси есть веселие пити – не можем без этого быти», – сказал князь исламскому послу. Вот вам и беда, и чаяние. Да чего о том писать после Нестора?

Утром было воскресенье, я проснулся рано, но Шани уже не было. Думалось свежо и ясно под далёкие крики петухов. А думал я о таком странном понятии, как «народ». Что это – «народ»? Единое соборное тело без духа или дух нации без тела? Почему Шаня, балагур и выпивоха, имеющий жену свою на глазах детей своих, не проспал в своём страшном похмелье идти к заутрене в церковь (Боже, сейчас шесть утра!), и более того – всю семью туда поведёт? Вот уж явно не фарисей и не книжник, долго молящийся напоказ.

И этот-то Шаня, которого образ мне в жизнь не понять, который и туман, и огонь, и омут... этот Шаня – всего лишь частичка народного тела. Всего одно мизерное дыхание в его духе. Так каково же дыхание всего народа? Можно ли народ вместить в единый лик, как бы икону с него написать? Или дать единое правило всем людям – будь, мол, таким-то точь-в-точь, и не смей ни шагу в сторону. Постись, молись, трезвись. Хорошо явление соборности, одухотворяющей тело народа. Единение без смешения, слияние без поглощения.

Розанов пишет:

«Догмат есть мысль, знание, ведение: а религия, во всяком случае, – не ведение, а биение сердца, скорбящего, умиленного или переживающего ещё тысячи чувств! Всякий человек, почти всякий, есть центр крошечной религии, особенной, таинственной, *своей*: и только от того, что вообще люди не несходны, что они сцепляются в массы, – эти крошечные религии сливаются в одну, большую. Нет, собственно, двух людей с абсолютно тождественной религией, «вера» коих походила бы, как «а» и «а» в алгебре».

Вот – все разные. Как всё же вовремя попалась мне эта его книга! Не мы выбираем книги, а они нас. Я поглядел на лоскутное одеяло, которым Анна Карповна снабдила меня, и улыбнулся. Все разные лоскутки, а одеяло тёплое.

Поехал в церковь с Лугиными. В машине оказалось место – не поехала Алёна, заступившая на смену в магазин. Каково было моё удивление, когда из деревянного гаражика выкатился внедорожный «Мерседес», на котором и разъезжал Шаня по ветлужным колдыбарям. Стёкла его тут же запотели.

Службу я понимал мало, стоял далеко, и ноющая спина алкала земных удобств, отвлекая от помыслов горних. Шаня же читал наизусть и пел громко вместе с батюшкой. Но камень его лица омылся слезами, когда он исповедался, с похмелья втрое отягощённый чувством вины. Алёша и Матвей всю службу низко кланялись и под конец пошли на причастие.

А после он довёз меня до вокзала и посадил на автобус. Спросил, куда нынче поеду, я сказал, что надо бы домой – разбирать записи.

– Про меня писать будешь? Ну давай, чё, благословляю.

На прощание сказал:

– И передай своим московским, что батьку чтить надо – он какой-никакой, а наш. Понял?

Что он имел в виду? Бог знает.

Хлеба и сосны Ветлуги оставались позади, брызнул на стекло дождь, и книга, выбравшая меня, продолжила прерванный разговор.

«Может быть, народ наш и плох, – говорила мне книга, – но он – наш народ, и это решает всё... «Лучше есть краюшку хлеба у себя дома, чем пироги – из чужих рук».

Спасибо, Василь Василевич.

Дмитрий РОМАНОВ родился в 1986 году в Люберецком районе Московской области.

Окончил Московский институт тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова.

В 2016-м – Литературный институт им. А.М. Горького (проза, семинар С.Толкачёва).

Участник ряда экспедиций в Тибет и Индийские Гималаи. Публиковался в журналах: «Юность», «Сибирские огни», «Наш современник», а также в альманахах: «Лёд и пламень», «Мир Паустовского», «Радуга», «Прозанк».

Сценарист исторических комиксов (для музея «Бородинской панорамы» и по биографиям российских писателей). Лауреат Чеховского конкурса «Краткость – сестра таланта», Лауреат премии Валентина Катаева, стипендиат Союза писателей России в 2014-м году. Участник театральных лабораторий – Московский губернский театр, Московский «Театр на Покровке» с пьесой «Отречение. 1917».

ВАЛЕРИЙ ДУДАРЕВ**«ИСУСЕ, СПАСИ!»**

* * *

Когда от молний ночь светла –
 В окошках вздрагивают лица,
 Но наша старая ветла
 От молний вряд ли загорится.

Возможно, лес сгорит дотла.
 Возможно, сгинут звери, птицы.
 Но старая ветла
 От молнии не загорится.

Мы можем бросить все дела,
 Мы можем спянуть, можем спиться...
 Ветла
 Не загорится!

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Есть высшая доля:
 однажды,
 Всю жизнь отложив на потом,
 Пойти одиноким, миражным,
 Просёлочным, диким путём.

Но в той навалившейся доле,
 Когда опускается мгла,
 Есть счастье добраться до поля,
 Увидеть, как дремлет ветла,
 Печальную кликнуть старуху
 В глухом, в незнакомом селе,
 Свою разделить с ней краюху
 На этой вечерней земле,
 А там уж, совсем по старинке,
 Как будто столетья назад,
 Испить из предложенной крынки
 Под долгий, внимательный взгляд,
 А после скупого прощанья
 Услышать:

«Исусе, спаси!»*,
 Сдержав вековые рыдания
 И дальше пойти по Руси.

---

* Так именуют Иисуса Христа староверы.

В ДЕРЕВНЕ

Окно открыто.
Жаркая погода.
И мотыльки влетают по прямой.
Эвтерпа виждь!
И греческая ода
Напишется за ночь сама собой.
Скамейка, сад –
простое и родное.
Цвета даны
размашисто и щедро.
Восторжествуй, безмолвие земное! –
В нём нету звуков
для дождя и ветра.
Но не хочу далёкую античность.
При чём тут
ода,
грек
и наши игры?!
Печальный скиф почал бутылку водки
И движется
то прямо,
то вперёд.
Скиф упадёт у дальнего порога,
И станет скифа месяц освещать.
Как было жить загадочно на свете,
Пока не появился этот скиф.

* * *

Так странно увидеть рябину без ягод!
Печальные ветви темны.
Но ветер примчится –
напорист и сладок –
С какой – не понять стороны.
В последней надежде душа
встрепенётся
И вспомнит...
Не знаю о ком.
И что-то простится,
и кто-то вернётся,
А кто-то помашет платком.
И ливень начнётся,
а в лужах качнётся
Томительный, бронзовый свет.

И голос родимый
душе отзовется –
Кого на земле больше нет!
Но как же он сможет избавить от тягот,
Когда,
никого не щадя,
На месте батистовых,
пламенных ягод
Тяжёлые капли дождя?

ВОРОН

Ты сегодня полюбишь другого,
Снова станешь бодра и одна.
Во вселенной метельева гона
Ненасытная зреет луна!

Ты полюбишь его в одночасье,
Задыхаясь в пророчьем бреду, –
Так чужое, надменное счастье
Подбирают себе на беду.

Будешь ждать, украшенья срывая,
Что тебя он своей назовёт,
И не слышать за лязгом трамвая,
Как по Угличу ворон идёт!

Ты теперь не полюбишь, как птицу,
Одинокую, чёрную Русь –
Безмужичьи, калёные лица
Уцелевших в эпоху бабусь.

Не отведаешь горклого слова
Возле райских кремлёвских ворот.
Виждь – на Вологде плачет корова,
А по Угличу – ворон идёт!

Виждь – на лунном костре беспредела
В хороводе язычьей тоски
Золотое коровино тело
Раздирает страна на куски.

Разлетаются пенные краски,
И невольничьи манят торги
В непролазные, жаркие ласки
Вековой пугачёвой пурги!

Провожая рябин озаренье,
В недогляд,
    в недомол,
        в недород
Сквозь смятенье,
        смиренье,
                прозренье,
Сквозь поэтом недожитый год,
Как царевича мука и зренье,
Вифлеемское помня мгновенье,
К нам по Угличу ворон идёт!

НА РАСКОПАХ

На раскопах тревожит птица
Потускневшие письма.
Но не в силах с землёй проститься
Улетающая страна.
От обыденности прогорклой
Напрягаются желваки.
Посмотри же!

Над тем пригорком
В предосенье дожди легки!
Посмотри же!
Под той ракитой,
Где степной завершился бой,
Наши пращурь позабыты.
Позабыты и мы с тобой!
Дождь!
Под вётлами,
под ракитой
Вековечная тишина.
Но какой-то страной забытой
Наша чудо-страна полна.

РУЗА

Не все окошки занавешены –
 И занавесятся при мне.
 Враз опустевшие скворешены
 В моём качаются окне.
 За лесом кладбища просрочены.
 И не воскреснут никогда!
 В метель старухи у обочины
 Замрут,
 застынут
 навсегда.
 Задрезбит литая денежка,
 Добавив чёрного руке.
 Заговорит простая девушка
 На нефламандском языке.
 Её сухие междометия,
 Как вековые образа,

Добавят
 ветра и бессмертия
 В мои печальные глаза.
 Как зреет в ночь
 грешно и матово
 В дожде предчувствие снегов!
 За ивой вроде бы Ахматова?
 За мхом лесным – Мариенгоф?
 За лесом
 затемно и замертво
 Печаль вселенская.
 Окна
 У
 ни терцины,
 ни гекзаметра –
 Силлабо-тоника одна!

БЫЛО

Была чиста дорога!
 И солнышко сияло!
 И счастья было много,
 А денег было мало.
 И было так занятно
 Пить воду из колодца!
 И было так приятно,
 Что Русь не продаётся!

Валерий ДУДАРЕВ – поэт, филолог. Родился в Москве. Окончил филфак Московского педагогического государственного университета. Преподавал в школе и университете. Много скитался по стране, прошёл пешком, проехал на попутных машинах всю Колымскую трассу, но остался верен поэтическому делу. Стихи публиковались в журналах – «Нева», «Волга», «Наш современник», «Юность», «East-West Review» (Великобритания), «Знаци» (Болгария), в альманахе «День поэзии». Автор поэтических сборников: «На склоне двадцатого века», «Где растут забытые цветы», «Глаголица», «Интонации», «Ветла» (первое издание вышло в 2001 году, второе дополненное – в 2016). Лауреат литературных премий – имени Александра Невского, Сергея Есенина. Стихи переводились на английский, болгарский, польский языки. Главный редактор журнала «Юность». Женат, живёт в Москве.

МАРИАННА ДУДАРЕВА

ОТКУДА РАСТЁТ ВЕТЛА?

О книге стихотворений Валерия Дударева «Ветла»

Обращение писателей к образу дерева обычно не случайно. Исходя из мировой мифологической и фольклорной традиции, архетип дерева ассоциируется с Мировой осью. Дерево участвует и во многих ритуалах, включено в обрядовый комплекс в славянском фольклоре, подменяя часто человека. О древесной символике в художественном мире разных писателей русской литературы писали многие.

Лингвисты рассматривают дерево как особый концепт, включенный в большой контекст *национальной аксиологии*. Литературоведы за образом дерева усматривают также архетипическую структуру. Однако стоит уточнить вид дерева – к каким именно деревьям обращается русская поэзия. Конечно, чаще всего мы обнаружим символизацию берёзы, дуба и вербы. На это указывают и фольклористы, и языковеды, занимающиеся вопросами лексики, фразеологии в контексте национальной культуры. Если с берёзой и дубом с точки зрения номинации ещё не возникает особых вопросов, то на вербу стоит обратить внимание, потому что это дерево встречается в разных вариациях: ива, ветла. Перечисленные названия не есть одно, но художественная действительность всегда *преломляет* реальную и размывает границы восприятия. Но ветла, на наш взгляд, всё же занимает особое место в лексике, в эстетике русской литературы.

Итак, ветла. Она *прорастает* в русской литературе XIX века сквозь вольный перевод из Гёте – «Лесной царь» Василия Жуковского, который перерос мифологического «Ольхового короля». Об этом ещё тонко и точно написала Марина Цветаева в эссе «Два "Лесных царя"», обратив внимание на большую разность между королём и царём. Последний весь русский, он и помещён в *национальный контекст*, в котором ветла – один из символов. Посмотрим на следующие строчки:

«Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из тёмных ветвей». –
«О нет, всё спокойно в ночной глубине:
То вётлы седые стоят в стороне»¹.

В ответе отца, с одной стороны, проявляется *профанное сознание* – не видит и не хочет отец *чуда*, отрекается от метафизического. С другой стороны, здесь

¹ Жуковский В.А. Лесной царь // Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: в 20 т. М.: Язык русской культуры, 2008. Т. 3.

вѣтлы замещают фигуры «дочерей», что неслучайно, так как женщина вполне совместима, по законам *ритуальной логики*, с древесным началом. Особенно полно из поэтов начала XX века, обращавшихся также неоднократно к образу ветлы, это выразил и теоретически обосновал Сергей Есенин в трактате «Ключи Марии». Хотя, конечно, тонкая серебристая ветла напоминает ещё и привидение в темноте, но речь не об этом. В данном контексте ветла несёт именно мифо-фольклорную нагрузку.

Метафизически заряжен образ ветлы и в прозе Ивана Бунина, в романе «Жизнь Арсеньева»: «Её прежние колеи зарастали травой, старые вѣтлы, местами ещё стоявшие слева и справа вдоль её просторного и пустынного полотнища, вид имели одинокий и грустный»². Вѣтлы как бы сопровождают путь и раздумья Арсеньева (к этому фрагменту мы ещё вернёмся). Обращаясь в данном контексте и к прозе, мы можем показать, как значима именно *ветла* для русской аксиологии.

Что же с ветлой Валерия Дударева, которая проросла через всю книгу, даже уже две? Сохранились ли в современной поэзии эта семантическая напряжённость, значимость данного образа? Его ветла открывает книгу и тут же ошеломляет читателя:

Мы можем бросить все дела,
Мы можем спятить, можем спиться...
Ветла
Не загорится!³

Делай, что хочешь, иди «базарь» жизнь («можем спятить, можем спиться»), но ветла *будет* стоять на месте. В этом есть нечто *архетипическое* и метафизическое – неслучайно стихотворение открывается грозой, при которой даже лица видны:

Когда от молний ночь светла –
В окошках вздрагивают лица,
Но наша старая ветла
От молний вряд ли загорится.

Гроза – пограничное время, *оньй* час для человека. У Дударева – так и есть, от того и лица «вздрагивают». А ещё ветла старая, но не умаление её в этом, а возвышение. Она *перевидала* многое, бунинская – такая же. Критики, анализируя книгу «Ветла», уже обращались, аккуратно подступали к имени Бунина, проводя параллели с его поэзией. Однако связь с творчеством классика нам кажется более тонкой, и носит она латентный характер. Так, в другом стихотворении поэта («Провинция») вновь возникает ветла, но уже не монументом, не Мировым древом, а мимолётно:

Пусть побеждают миражи!
В них канет каждая из вѣсен,
Но ты, прощаясь, расскажи:
О, сколько в мире вѣрст и вѣтел!⁴

² Бунин И.А. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Воскресенье, 2005. Т. 5. С. 49.

³ Дударев В.Ф. Ветла и другие стихотворения. М.: Художественная литература, 2016. С. 14.

⁴ Там же. С. 132.

Действие стихотворения начинается в «космическом пространстве», на что указывает образ *вселенных ковшей*:

Пока вселенны ковши
Над нами счастье проливают –
Ты целый мир любить спеши,
Куда б ни вывела кривая!⁵

Такая космогоническая парадигматика продолжается в символической паре «вёрст и вётел». И в этом не только ритмическая находка автора, но и *семантическая сторона* крайне важна здесь. Молодой Арсеньев, путешествуя с отцом, смотрит на разбитые дороги и видит старые вётелы, которые как бы провожают его и терзают воображение преданьями старины глубокой: «<...> Помню одну особенно, её дуплистый и разбитый грозой остов. На ней сидел, чёрной головней чернел большой ворон, и отец сказал, очень поразив этим моё воображение, что вороны живут по несколько сот лет и что, может быть, этот ворон жил ещё при татарах...»⁶.

Соблазнительно этот отрывок соотнести с первым стихотворением (к тому же Дударев очень ценит Бунина и хорошо знает роман «Жизнь Арсеньева»), но его ветла грозой не разбита, её-то как раз она не тронула. Семантическая напряжённость совсем в другом. Ветла представлена в архетипическом свете, как Мировая ось, как нечто метафизическое и живое, повидавшее многое – «от татарских времён» до наших дней. И именно эти впечатления и должен донести потомкам лирический герой.

Вёрсты и вётелы слились воедино – это напоминает мифо-ритуальный путь культурного героя, который должен дойти до Мировой горы или Мирового древа. В фольклоре это чётко выражено в поэтике заговоров. Да и сам текст Дударева по интонации напоминает заклинание, заговаривание человека и его судьбы:

Пока часовни на Руси
Ещё остались у обочин,
Ты клятву в ночь произнеси
Неутолимей и короче!⁷

Но есть у этого автора и другие вётелы, связанные уже не только с судьбой, но и с любовью:

Неутолимо хванчкары
Глоток упряма, родим и светел,
И серебрят меж вётел ветер
Сонеты солнечной игры.
Напитан звуками клавир,
Форель бурна, овечка блеет –
И в этом жизнь.
Так любит мир.
Но лишь поэт любить умеет.

⁵ Там же. С. 132.

⁶ Бунин И.А. Указ. соч. С. 49.

⁷ Дударев В.Ф. Указ. соч. С. 133.

Когда судьбу свою итожа,
 Он различает –
                                 час настал!
 Любовь и смерть –
                                 одно и то же!
 И возникает мадригал⁸.

Конечно, речь идет о высоком модусе Любви. Образный строй обманчиво прост в этом стихотворении: ветер, форель, рыбка. Импрессионизм какой-то! Но этот *огляд* жизни заставляет думать и сводить концы с концами – «любовь и смерть – одно и то же!». *Ветер и вѣтел*, как и *вѣрсты вѣтлы* тоже не просто удачная интонация и рифма, а особая парадигма – соединение воз-Духа, ветра, уже серебряного, с ветлой, мировым деревом. И, наконец, все три лексемы объединяются в стихотворении «Богиня», образуя стройный звучащий и метафизический судьбоносный ряд.

Какое пространство
 молчало!
 Какие сбывались мечты!
 Светило то жарко, то ало,
 Стеснялось своей наготы.
 То вѣрсты,
 то вѣтлы,
 то ветры,
 /О, даже при мысли о Ней! / –
 То самые тёмные ветви
 Тотчас становились темней.
 То золы каминные пели
 В трубе, словно в царстве
 теней.
 В лесах погребальные пеплы
 Кострищ становились темней.
 Лучам Её не было ниши!
 Надтреснута завязь в узле!
 Слабея,
 темнее и тише
 Мы ждали Её на земле⁹.

Здесь выражены концепты и «судьба», и «любовь». Только ветла уже не серебряная, а тёмная, вдумчивая, ожидающая. Так можно проследить *трансформацию образа ветлы* в поэзии Дударева (хоть последнее стихотворение и не включено в книгу, написано годом позже). Вечная монументальная непоколебимая

⁸ Дударев В.Ф. Указ. соч. С. 161.

⁹ Дударев В. Яти, Еры, Ери // Независимая газета, 2017, 16 марта.

ветла – ветла провидица, совсем бунинская – ветла серебристая нежная, воздушная – ветла тёмная судьбоносная.

Думал ли поэт над трансформацией этого образа в своих стихах, играл ли с «ветлой»? Не знаю, но точно не заигрывал, потому что для него это дерево, думается, знаковое. Об этом свидетельствует и обложка книги, точно подобранная – с одной стороны изображена кора, с другой – картина И. Босха «Слышащий лес и зрячее поле». Лес, дерево слышит и видит. Натурфилософия, даже язычество пробиваются через книгу поэта и выступают в разных проявлениях. Но тема языческого, варварского – отдельная в поэтике Дударева. Моей скромной задачей было показать, откуда же и, видимо, куда растёт ветла у поэта, явно тяготеющего к традициям классической поэзии и даже прозы. И речь идёт не о *присяге на верность* кому-то или чему-то, а о скрытом существовании национальной глубинной традиции в творчестве, выражающейся хотя бы, на первый *пригляд*, в образе ветлы.

Марианна ДУДАРЕВА – литературовед, фольклорист, кандидат филологических наук. Окончила Ивановский государственный университет, филологическое отделение (выпускница кафедры русской словесности и культурологии, ученица фольклориста В. Смирнова), а также – аспирантуру филологического факультета МГУ. В настоящее время преподаёт на кафедре русского языка.

Автор более ста научных статей о русской литературе и фольклоре. Её перу принадлежит монография «В один голос: фольклорная традиция в поэтике С. А. Есенина и В. В. Маяковского».

НАТАЛИЯ ЕЛИЗАРОВА

«КАК БУДТО НЕ СВОЁ ЛИСТАЛА ПРОЖИТОЕ...»

* * *

Словно тысячу лет простоявши в гнилой воде,
Отплываешь на волю, но точно не помнишь, где
Север-юг, и без компаса – не у дел.

А борга пробиты, вода затопляет дно,
Ни ведра, ни ложки *радеющим* не дано,
Что в болоте, что в озере – всё утонуть одно.

Позволяешь течь предательскому ручью
Слёз солёных, просить у судьбы «ничью»,
И счастливой быть этой го-речь-ю.

* * *

Не проехать, не перейти: широка река,
Ибо имя ей «долг», и вода её глубока.
А в ветвях деревьев, что по берегам её,
Откричало смердящее воронье:
«Вон отсюда, враже, не замути реки,
Ибо воды её чисты и волны легки,
Ибо то, что чужое – ведомо, не твоё,
Ибо песня умрёт во реке, на волнах её.
Что ты хочешь – прихоть, а то, что ты любишь, – ложь,
Будет тяжким игом то, что так долго ждёшь,
Будет тяжкой долей выбор, пойдёт отсчёт».
А река играет, но мимо она течёт...

* * *

Черта проведена, её лишь пересечь
И, кажется, вперёд помчишься лёгкой ланью,
Прозрачна и чиста твоя польётся речь.
Сомнения? Они остались там, за гранью.
Рассветная роса, черемуховый цвет –
Всё вспомнилось в одно мгновенье налитое,
Как будто не жила в тумане столько лет,
Как будто не своё листала прожитое.

* * *

Чтобы кто-нибудь где-нибудь ждал и смотрел в окно,
И курил, и в озябших пальцах терзал карандаш.
Если ты – половина моя, то мы – одно,
Этот берег и луг, этот дом, этот мир – наш.
Если взгляд ускользает, а руки опять холодны,
Только холод уже не вне, он давно внутри,
Быть не целым, а просто осколками мы вольны,
От войны остались развалины – посмотри.

* * *

Пережив боль земную трижды, понимаешь, как ты слаба.
Что тебя, словно ветку, можно согнуть дождём.
И предательски дрогнет губа и слетит мольба:
«Господи, дай немножечко поживём!».
Отклеотало лето, осень – уже не в счёт,
Гордо входишь в зиму со связкой своих ключей
Без вещей и денег – лёгкая, а ещё
Жить как – не знаешь точно, но знаешь – чем.
И ты можешь отдать, что имеешь почти без слёз.
Слово живое плещется через край,
Словно идёт на нерест – не хватит блёсн,
Господи, не наказывай, не карай!

* * *

Эта жизнь за окном, эта осень, и кухня, и свет –
Бутафория быта, в котором обоих нас нет.
Ни имён, ни историй, ни планов, ни даже теней.
Обними меня, если ты здесь, защити, обогрей.
Паутина словес приникает и душит, звеня.
Этот новый рассвет отнимает тебя у меня.
Территория света болезненна и широка.
Я пройду по мосту, если только удержит рука.
Этот радужный мост – мой лесной, подвесной, расписной.
Отчего же желание жить умирает весной?
Но и осенью целы, собираем в копилку тепло.
Не смотри за окно, там светает и в лужах стекло.

* * *

«Ты не умрёшь никогда»

И.Ермакова

Я без тебя не умру,
Ты без меня не умрёшь.

Сорную – режусь – срываю траву,
Вот ещё эту и эту сорву.
Ты моих слёз ждёшь?

Это не берег, не берег реки,
Это нелепый обрубок руки,
Тянущийся и зовущий.

Мой ледяной полноценный кошмар
Бью по лицу себя, – точно, комар,
Кровь безвозмездно сосущий.

Перевяжи мои раны травой,
Сделай, ну что тебе – только живой
Чтобы осталась я ныне.

В этом овраге, на лютой косе
Я научусь уже скоро «как все»
Жалости нет и в помине.

Нет никого, я веду лишь с собой-
Непримиримый упорный конвой –
Сумрачные разговоры.

А на ладонях порезы-следы,
Мне бы дойти, дотянуть до воды,
Рядом, закончится, скоро.

СТАНСЫ...

1.
Как просыпаться утром,
Зная, что в этом дне
Нет тебя, и минуты
Стынут в календаре.
День разгоняет сумрак,
Вешает груз забот.
Длятся сплошные сумерки
Весь високосный год.

2.
Руки помнят на ощупь
Линии глаз и губ.
Это за что мне, Отче?
Что равнодушна – лгу.
Память – такая свалка:
Выбросить всё и сжечь!
Прикосновений жалко,
Нежности не сберечь.

3.
Был мне дороже света,
Застил восход светил.
В струи степного ветра
Ты меня отпусти.
Буду лететь кречёткой,
Кликать себе беду,
Не отдавать отчёта,
Где мой сундук и дуб.

4.
Будет уже! Не кличут
Прошлого – полный труд.
Холод и безразличие
В свой очерёд придут.
Станут, расставят сети,
Не избежать пустот.
Холодно. Сыро. Ветер.
Скоро уже восход.

Наталья ЕЛИЗАРОВА окончила Литературный институт имени А.М. Горького.

Автор поэтических сборников «Осколок сна» и «Черта», книги для детей «Мой ангел» и публикаций в периодике. Участница российских и зарубежных поэтических фестивалей. Лауреат премии имени Анны Ахматовой журнала «Юность». Победитель конкурса «Поэзия в парках». Стихи переведены на английский, сербский, немецкий, польский, румынский, турецкий, даргинский, болгарский, венгерский языки.

ИГОРЬ МИХАЙЛОВ

ЛАКОВАЯ МИНИАТЮРА

*Ты был еси яко река, непрестанно текущая щедрыми милостями
и всех жаждущих обильно напаяющая.*

(Из молитвы Иоанну Милостивому)

Мстёра –
козырная масть.
Мстить, мостить, мести!
Как будто взяли веничек и вымели всё лишнее:
годы, жизнь.

А что в сухом остатке?
Зеленя, холмы, влага речная, небо, замоченное
в синьке!

Но, кажется, не профукала своё славное прошлое Мстёра. Не только небо да гладь речную, Мстёрку, а ещё – имя своё. Только вот – убежала стремглав, как будто девица-красавица, а за нею кто гонится по пятам, тяжело дыша в холку – гласная. Но и после очень даже ничего получилось: самондравно!

А была, похоже, девушка-беглянка, послушавшаяся родителей. И нагуляла живот. И вернулась. Или не вернулась.

Кто знает?

Кто тебя выдумал, Мстёра?

На самом краю Владимирской области, в заповедном краю тишины, речных излучин, выгибающих по-кошачьи спину; лугов, обрамляющих всю эту нехитрую картину русского простора, мелколесья, изумрудной зелени, жизнь застывшая, как на лаковой миниатюре.

И воля тут простая, домотканая, грубого покроя, но с кружевами.

Девки плотные и осанистые. Облако, что ваты клоч!

А возле площади Ленина живёт Бог!

Потому как до революции были здесь мастерские по иконописи, делали церковные оклады люди с обветренными лицами и бородами, что мочалка. Иконописцами их никто не называл, а называли не иначе как старинщиками.

Старинщики мастерили иконы под старину. Возможно, подделки под старину, которыми славилась Мстёра, навлекли на своих владельцев быструю расправу. Но добираться сюда непросто. Да спасало смежное ремесло – реставрация.

Да что там говорить, и по сию пору таких мастеров – состарить доску, для пущей достоверности даже трещину пустить, – немало. Знал я батюшку в храме Владимирской Божьей матери, что в Быково, знаменитая Баженовская церковь. Ох, батюшка тот ещё богомаз!

Не обманешь – не проживёшь!

Русская жизнь всегда вот так: каким боком сподобит тебя Всевышний к миру повернуться, таким и покажешься. Либо ушкуйник, мошенник и вор со шрамом во всю щеку, либо мастер. Либо и то, и другое.

Вполне совместимое!

Мастерила Мстёра дску (именно так, тут уж с пропуском гласной), покуда не наступил на грабли Октябрь.

Бога отменили, почернели доски, стёрлись лики, опустели храмы. Ветер, словно отменённый городской, зло высвистывал в окнах сквозняком.

Но Мстёра, словно запутавшись в узорах своей вышивки, украшениях, лаковых миниатюрах, лубках, старинных окладах, долго ещё мастерила по инерции старый быт. Дырявила шилом кожу, старалась наживить на суровую нитку, просмоленной дратвой, пришивала, но надолго не хватило. В 1931 году артель «Древнерусская народная живопись» превратилась в «Пролетарское искусство».

Пролетарские мадонны стали ткачихами, ангелы и демоны переквалифицировались в фениксов или пролетарскую силу. Апостолы разошлись по домам, Павел опять стал налоговым инспектором, Пётр привратником, словно и не рождался Христос, словно опять всё заново, в который раз.

Старый завет, советская власть, волхвы, Египет, Моисей...

А церкви приспособили под складские помещения.

Так и прижились, несмотря на все хитросплетения судьбы: Богоявленский монастырь и церковь Иоанна Милостивого и площадь Ленина. На одном пятакке судьбы!

Иоанн Милостивый смилоствивился. Тот самый Александрийский патриарх, что, не будучи ни монахом, ни клириком, был выбран на престол благодаря гласу народному.

Вече, демократия, туды её!

У Тициана «Святой Иоанн Милостивый» – благообразный и седобородый старик в пурпурном облачении, в одной руке – крест, в другой милостыня. Имя своё получил, опекая нищих и обездоленных.

Века пронеслись, как миг, и вот всё вдруг сошлось в одной точке: Александрия, Тициан, церковь совершенно в палладианском стиле о четырёх литых колоннах и Мстёра.

И – площадь Ленина!

А на пыльной развилке летом солнце наводит лаковый глянец на купола. И купола сияют самоварной чистотой и блеском.

Ну а то как же?

Ведь ювелирных дел мастер не позволит себе такую роскошь: купола медные. А вот наше время может себе это позволить. Пятиглавый купол Богоявленской церкви тёмно-зелёный, словно траченный медным купоросом.

Быль древняя, забытая, словно забитое досками окно в избе, окаянная, быт деревенский, с оканьем:

– Ты мне розмер мой привезла?

– В следующий раз, на складе не зовезли...

Девочка, мигая белёсыми ресницами, смотрится в своё отражение в витрине с кружевами, бисером вперемешку с китайским барахлом: шило, мыло, модные тряпки от кутюр в блёстках, как конфитюр, ширпортреб-пап-дуб-шуба-дуба!

Мстёра – матёрая древность, бобыли, непашенные, безземельные крестьяне, раскольники, но это в том прошлом, когда Бога ещё не отменили, а нынче – магазин хозтоваров «Заря». И всё это разбежалось по сторонам. А соединяет их деревянное крылечко Магазина тканей, переброшенное с бывшего монастырского подворья на улицу, где стоит, блаженно щурясь на солнце, нищий местный дурачок. Тот самый, что на холсте у Тициана, которому Иоанн протягивает милостыньку.

Народ, прибарахлившийся в лавке нужным ассортиментом и размером, под вечер вываливает на площадь Ленина, куда к библиотеке, под сень акации, привозят артистов. Публика со своими стульями и видами на жизнь.

Артисты из Иваново и Вязников, взобравшись на холм с палисадником, памятником герою-освободителю и барской усадьбой вдалеке, поют песни под минусовку, малыши танцуют, сдобные барышни в розовых лосинах томно вздыхают, бабульки хлопают в ладоши.

В дверях библиотеки лениво лужают семечки. Солнце закатывается за горизонт, как монетка Иоанна Милостивого. Закатывается в прореху временную, словно в карман.

Завтра продавщица Нинка, разведёнка в ситце, завезёт в магазин какого-нибудь рожна. По размеру и на счастье. И лаковый петушок вспорет рассвет радостным «ку-ка-ре-ку!».

Облака выткнут на лазурной шкатулке новый узор!

А Бог-то словно и не уходил никуда.

Вона дидо седобородый, сторож в треухе. На завалинке у Иоанна Милостивого сидит, глаза голубые, самокрутку мастерит.

Он смотрит на всех, как и дитя, жуёт беззубым ртом и улыбается:

– Тебе чё?

– Ничё. Так просто...

Редколлегия «Русского поля» сердечно благодарит Игоря МИХАЙЛОВА, заместителя главного редактора журнала «Юность», за подготовленную подборку.

Игорь МИХАЙЛОВ родился в 1963 году в Санкт-Петербурге. Служил в ГСВГ (Группа советских войск в Германии). В 1989 окончил филфак МГПИ имени Ленина. Работал сторожем, дворником, социальным работником, грузчиком. Журналистом – в газете «Современник», подмосковной газете «Домашнее чтение», «Московской правде», в журнале «Литературная учёба». Ныне – заместитель редактора и заведующий отделом «Проза» журнала «Юность». Ведущий колонки «Стиль жизни» в «Независимой газете». Публиковался в газетах: «Комсомольская правда», «Общая газета», «Алфавит», «Московская правда», «Книжное обозрение»; в журналах: «Московский журнал», «ОМ», «Четыре сезона», «Golf style», «Юность», «Нева», «Москва», «Дон». Автор книг: «ЗаО Вражье», «Письма из недалёка». Литературный редактор книги Коррадо Ауджиаса «Модильяни» (серия ЖЗЛ). Лауреат премии журнала «Литературная учёба» в номинации «Проза» за 2002 год. Лауреат премии имени Валентина Катаева в номинации «Проза» за 2006 год.

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

ИНФО - поле АРП РМ

ИРКУТСК, Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ИЛИ МЕСТО, ГДЕ ДУША ОБРЕТАЕТ БОГА

Из официального пресс-релиза:

«На протяжении 16 лет Форумы молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья при поддержке Роспечати проходили в Подмоскowie – в Липках и Звенигороде. Они нацелены на открытие новых имён в художественной литературе, поддержку молодых авторов, пишущих на русском языке. Через форумы прошли около полутора тысяч молодых писателей. Многие из них впоследствии достигли серьёзных творческих успехов: издали книги в библиотечке «Молодые писатели» и в других издательствах, отмечены литературными премиями, снискали признание читающей публики.

*В 2017 году в России празднуется 80-летие со дня рождения выдающегося русского писателя, публициста, общественного деятеля **Валентина Григорьевича Распутина**. В этой связи, в соответствии с предложением советника Президента РФ В. Толстого, семнадцатый Форум молодых писателей решено было провести на родине Распутина в Иркутской области при поддержке губернатора области С. Левченко. В Программе форума, как обычно, мастер-классы (всех видов жанров – проза, поэзия, литературная критика, детская литература, драматургия), творческие встречи, круглые столы, посещение Иркутского драматического театра (спектакль по повести писателя), поездка на Байкал, конференция, посвящённая жизни и творчеству Валентина Распутина».*

Когда я отправляла свою пьесу на конкурсный отбор, честно признаюсь, не надеялась, что пройду. Конкурс был жесточайший и уровень работ очень высоким. Но всё же нам троим удалось его выдержать. Анна Летягина прошла на мастер-класс прозы, Тантьяна Орлова-Волошина – на семинар детской литературы, я – на драматургию.

На Байкал я хотела всегда. Когда на уроке географии рассказывали про самое большое в мире пресноводное озеро, моя душа замирала. Я всё пыталась представить, какое оно. Когда Байкал показывали по телевизору, во мне что-то переворачивалось. Мне нужно там побывать! Обязательно нужно когда-нибудь поехать...

И вот получено заветное приглашение. А это значит, что мы прошли и едем!

Вылет в Шереметьево. Впереди три часа лёта до Москвы, а на следующий день – шесть часов лёта до Иркутска. Девять часов в небе и пять часов разницы

во времени. Когда мы подлетали к месту назначения, прямо из иллюминатора можно было наблюдать за тем, как ночь встречается с днём. А потом, когда мы начали снижаться, ещё долго летели над пустынной гористой местностью. Какая тоска, подумалось мне, не поехала бы я за своим декабристом, как моя героиня Маша Волконская, которую я играла на дипломке. Как я тогда ошибалась. Ещё как поехала бы!

“Тальцы”. Деревянное зодчество

По прилёту в аэропорт, сразу стало понятно, что ты в Сибири. Рекламные баннеры с женщинами в мехах и алмазах и мягкие игрушки: нерпы, белые медведи, тюлени и хаски. Привычных зайчиков, котиков и собачек не было и в помине.

Знакомство с Иркутском прошло странно. Не знаю, что это было. Первое впечатление – суеверный ужас: «Я здесь уже была». Мне всё показалось знакомым, но абсолютно чужим. У Тани Орловой было совершенно противоположное впечатление. Деревянные дома и улочки города казались ей уютными и тёплыми. А я пыталась побороть наступающую паническую атаку.

Что такое пять часов разницы во времени? Это пытка. Единственное, чего хотелось в первый день, прислониться к чему-то устойчивому и заснуть. Но планы организаторов были другими: экскурсия по городу, открытие форума в библиотеке имени И.И. Молчанова-Сибирского и поход в театр.

Иркутская библиотека впечатляет своим размахом. Чтобы представить, как она выглядит, достаточно визуализировать крупный торговый центр. Каждый этаж отведён под определённый литературный этап. От античности и до наших дней. К слову, в библиотеке в штате пять пиар-менеджеров, что в реалиях нашей республики похоже на сказку.

Сотрудникам библиотеки хотелось бы выразить отдельную благодарность. Выступая в качестве принимающей стороны, им удалось создать комфортные условия для форумцев, начиная с зала прилёта – и заканчивая залом вылета. Встреча, размещение, транспортировка и решение возникающих нештатных ситуаций – всё взяли на себя эти прекрасные люди.

Открывали форум основатель фонда СЭИП Сергей Александрович Филатов и губернатор Иркутска – Сергей Георгиевич Левченко. Благодаря этим двум людям стало возможным проведение форума на Байкале. На открытии Сергей Александрович торжественно объявил, что с этого года форум называется не иначе как «Липки». Вот так, наше кулуарное название переросло в официальное. Вот такие Липки на

Ангара. Счастье

Байкал-батюшка

Вечер первого дня и прекраснейший Иркутский академический драматический театр имени Н.П. Охлопкова. Мы отправились смотреть спектакль «Последний срок» по Валентину Распутину. Несмотря на жуткую акклиматизацию, ведь у нас в сентябре было 30, а в Иркутске – 0 градусов, и на желание уснуть и видеть сны, поход в театр я решила не пропускать. Правда, стремление моего организма отключиться во что бы то ни стало, взяло верх над моим воспитанием. И я заснула прямо в фойе. Разбудил меня третий звонок и обрывки фраз драматургов-заговорщиков, которые намеревались меня испугать.

Как же потрясающе играют артисты в театре имени Охлопкова! Я получила море удовольствия от качества актёрской школы, потрясающей сценографии и неповторимого запаха дерева, которым был наполнен зрительный зал. В этот театр стоит ходить даже тогда, когда ты едва держишься на ногах. И спектакль стоит смотреть!

Поселили нас в двух гостиницах. Окна наших номеров выходили на Ангару. До чего же прекрасна утренняя, дневная и вечерняя Ангара! Сама по себе сибирская природа производит неизгладимое впечатление, а вкупе с замечательными людьми – и подавно. Возникает желание вернуться, ещё находясь там. То есть ты начинаешь скучать по этому всему, ещё наслаждаясь моментом пребывания в этой гостеприимной атмосфере.

*Драматурги: Николай Ермохин,
Игорь Витренко, Александра Гончарова,
Екатерина Гузёма, Валерия Чеботарёва.
Мастер – Александр Анатольевич Коровкин*

Байкале и в Ульяновске. В следующем году встреча молодых писателей и поэтов пройдёт именно там. На протяжении всего форума имена Александра Вампилова и Валентина Распутина не сходили с уст. Что не удивительно. Земля, на которой родились эти великие писатели, пропитана их энергией. И память о них, их творческом наследии бережно сохраняется потомками. Были экскурсии по распутинским местам и к месту гибели Вампилова.

На следующий день мы переезжали на место основного проживания – турбазу «Прибайкальская». А по пути нас повезли на экскурсию в архитектурно-этнографический музей «Тальцы». Потрясающей красоты исторический комплекс, построенный из дерева.

В Тальцах воссоздана в подробностях сибирская деревня, приезжая туда на экскурсию, ты соприкасаешься с историей края, с самобытностью культуры народностей Сибири.

Говорить и писать можно бесконечно. И очень жаль, что ни одно описание, даже самое подробное, не передаёт ощущений, когда ты непосредственно находишься там.

Мы спустились к берегу Ангары. И всех драматургов настиг только один вопрос: какой же тогда сам Байкал, если это ещё только Ангара. Впереди нас ждал ответ.

«С батюшкой Байкалом нужно здороваться! Подойти к нему, до воды дотронуться, сказать: здравствуй, батюшка. А уж потом просить», – так напутствовал нас мастер нашего семинара драматург и актёр Александр Коровкин.

К Байкалу мы отправились на второй день после переезда. Тайком. Времени на прогулку выделено не было и мы, как нерадивые студенты, сбежали с творческой встречи с писателем N.

Пешком идти было далековато. Мы отправились на маршрутке. И вот, спустя каких-то двадцать минут – долгожданная встреча.

Мы стояли и молчали. Я и мои коллеги по драматургическому семинару смотрели на озеро, и никакие мысли и слова в голову не шли.

«Я, конечно, думал, что это красиво, но не представлял, что настолько», – произнёс один из нашей компании. «Ага» – кивнули мы в ответ. На этом слова закончились и продолжилось знакомство с батюшкой Байкалом.

Мы пили воду, трогали воду, собирали камни, некоторые даже купались. Но самое главное ждало впереди: в очередной побег к Байкалу мы отправились на прогулку на катере. И 20 минут была стоянка в бухте «Любви и Радости», как её объявил член экипажа.

Если нужно поговорить с Богом – вам сюда. Если нужно Его увидеть, почувствовать – вам сюда. Когда сидишь на берегу бухты, Бог становился практически осязаемым.

О чём хочется просить Бога? Именно о настоящей любви и о большой радости. Ну и, конечно же, благодарить, благодарить, благодарить...

По возвращению в «Прибайкальскую» ощущение было такое, будто душу из тебя вынули, простирали и бережно вернули. На место ощущения пустоты, пришло ощущение обнуления. Тотальной перезагрузки.

Что же такое сам форум писателей? Это семь дней без сна. График был загружен с утра до вечера бесконечными творческими встречами и мастер-классами. А после начиналась неофициальная часть с открытым микрофоном, плавно перетекающим в закрытый. Общение на форуме – отдельная тема. Семь дней и ночей разговоров о душе и творчестве. Новые друзья, становившиеся близкими людьми почти сразу, с момента первого понимания души друг друга. Мастера, которые делали полный разбор наших произведений, и умудрялись даже в самом безнадежном случае находить плюсы. Всё это – форум.

В моей жизни это пятый форум подобного рода и третий выездной. Могу сказать точно: за три года мы стали одной семьёй. Форумчане – это отдельная категория людей, которых связывает одно большое таинство. Таинство сотворчества.

Семинар у нас был превосходный – нам безумно повезло, как с мастером, так и друг с другом. Давно не было такой сплочённости и взаимоподдержки, какую я нашла среди драматургов. Отдельно выделю имена трёх восходящих звёзд российской драматургии и моих хороших товарищей: Николай Ермохин, Игорь Витренко и Катя Гузёма. Ребята ставятся в российских театрах и пишут каче-

ственную драматургию. Мы до сих пор поддерживаем общение и обмениваемся мнениями по поводу работ друг друга. Общение, в принципе, поддерживается до сих пор со всеми. Не утихает общий чат форума, в котором мы собрались перед поездкой практически все, и в котором до сих пор идёт живое общение с ребятами из других семинаров. К слову, когда все вернулись домой, первый месяц никто не мог «приехать» из Иркутска окончательно. Все писали только о том, что после форума жизнь прежней не будет. И кидали друг другу фотографии нерп, Байкала и друг друга. Кстати, нерпы чудесные существа! И отдельное спасибо организаторам, которые бережно вложили нам каждому в сумку с блокнотами и программой на память по маленькой плюшевой нерпочке. Мы их обнимаем и бережём.

В последний день пребывания в Сибири мы вновь вернулись в Иркутск. Ночной Иркутск прекрасен тем, что история города становится осязаемой. Запах деревянных домов, рыбы и пресной воды в сочетании с травами – вот так пахнет морозный ночной Иркутск. «Улица Декабрьских событий» и много чего ещё... «А где у вас каторга?» – вопрошают то ли всерьёз, то ли с иронией некоторые гости. В ответ местные жители улыбаются и объясняют, что её давно уже нет.

Вообще восприятие Сибири достаточно искажено. Судить о ней как о каторге – это всё равно, что вспоминать, как в Бессарабию ссылали неугодных царю бунтарей. В таком случае билет из Кишинёва в Иркутск можно назвать не иначе, как «привет каторжанам от ссыльных».

В последний день пребывания в Иркутске ощущение узнавания не проходило. Дежавю. Или что-то другое, что заставило в первый день пережить непонятный страх. Но в последний день было уже не страшно. Было тоскливо. Как если бы ты видел прекрасный сон и вдруг, находясь в этом сне, осознал, что ты скоро проснёшься.

Туристы, уезжая из города, бросают в воду монету, чтобы вернуться обратно. Или оставляют что-то. Я же оставила там частичку своего сердца. И она теперь всегда будет храниться на дне Байкала. В ожидании, что однажды вернусь туда, где я была по-настоящему счастлива.

Участники Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья

Взлётная полоса

ЗДРАВСТВУЙ, ПЛЕМЯ НЕЗНАКОМОЕ!

Не секрет, что каждый из нас стремится к гармонии между внутренним ощущением собственного «Я» и окружающим миром. Равновесие этих двух доминант – залог душевного комфорта. Проще говоря, что снаружи, то внутри. Молодые люди, пребывающие в активной фазе роста физического и духовного, особенно остро это чувствуют. Возможно, первые поэтические опыты и есть результат таких переживаний.

Наблюдая за детьми, я поняла, что этап «инфицирования» поэзией ОБЯЗАТЕЛЕН для духовного развития человека. Ребёнок, рифмующий по принципу «что вижу, то пою», таким образом проявляет бурлящую в нём радость или грусть. Он честен пред собой, что дорогого стоит! С возрастом желание записывать сочинённое, то есть воплощать гармонию звуков и слов, проявляется у многих. Один возвращается к написанным строчкам, кропотливо работает над ними, другой не видит в том необходимости, третий просто печатает свои опусы на каком-нибудь поэтическом сайте под вымышленным именем. Но каждый, кто прикоснулся к стихотворчеству, уже шагнул на путь духовного развития.

Бесспорно, поэт – не просто человек, умеющий безупречно строить рифмованные фразы. Это высокое понятие вмещает в себя гораздо больше. Это художник, рисующий словом. А по убеждению Владимира Высоцкого: «Поэты ходят пятками по лезвию ножа и ранят в кровь свои босые души».

На этот раз молодёжная рубрика журнала «Русское поле» представляет молодых поэтов Левобережья – Андрея ПАВЛЕНКО, Петра ЕГОРОВА, Виктора ГРАБКО.

Они настойчиво ищут свой стиль, свою тональность. Много и охотно работают – над строкой, над словом, пока ещё только обретая свой почерк. Они настойчиво ищут себя в этом сложном мире. И в нелёгком творческом поиске стараются не изменять себе, во всём стремясь к гармонии. Все трое сотрудничают с Международным молодёжным творческим объединением «Студия «Автор», участвуют в ежегодных литературных фестивалях, куда их приглашают Союз писателей Приднестровья, литобъединения из Тирасполя, Кишинёва и Одессы. Инициатор сотрудничества – лауреат международных и всероссийских литературных конкурсов, представитель Молодёжного творческого объединения «Студия «Автор» России в Приднестровье, куратор Международного фестиваля «Авторские мосты “Мэрцишора” Павел Сушко.

АНДРЕЙ ПАВЛЕНКО

Родился в 1993 году в Тирасполе. В 2015 году окончил филологический факультет ПГУ им. Т. Г. Шевченко. Учитель английского языка, журналист. В 2014-2016 годах был автором местных литературных проектов «Коза», «Борц», «ОР». Участник международных фестивалей «Авторские мосты “Мэрициора” (Молдова – Россия – Украина – Приднестровье) и “Время больших ожиданий” (Россия – Украина – Республика Беларусь – Молдова). Интересы: экзистенциализм, магический реализм, СССР 60-70-х годов, Юрий Мамлеев, Джеймс Джойс, вкусная еда.

«ВЕТЕР ДАРУЕТ ТАНЕЦ»

ОСТРОВА ПАМЯТИ

I

на островах памяти живут
не умеют плавать
не знают солёной пищи и слёз
машут друг другу в подзорную трубу
застряли в капканах радости

на первом – сонные дети
валеры лёхи пети
танцующие вокруг матери
ткуют восьмеричную хохлому
и им нельзя доверять

на втором – волосы кругом
седые рыжие чёрные даже зелёные
ведь она лично не рубила свой внутрирастущий лес
волосы волосы волосы синий синий синий благовест
раннее облысение ранняя старость нечего терять

на третьем острове –
апостолы
позабывшие лёт птиц вкус яиц звуки лиц
люди-апострофы
спрятались в раковинах раки в буераках
почитают светлое прошлое
в светлых бараках
немые немые
не мы не ты
е-е

II

крепкий сон
невинным утром виноватого мая
припоминаю – я тону
т о н у
водовороты прошлого
там, где река становится морем
море – океаном
суши не существует будущее без изъянов
лавра на дальнем острове
памяти опустела
монахини двигаясь по спирали
переходят лунное море вброд
туман-океан как здорово как просто
подрезали рясы отпустили косы
молчаливый поток
ни шагу на месте только вперёд
тишина журчание
мягкие ступни
с говорящей собакой
прогулки по берегу в застоялой воде
я вспоминаю своё первое имя
иаков

III

встань и иди
мимо не сданных в эксплуатацию домов
от 12.01.2003
мимо необжитых квартир
пока проводка коротит
пока ещё не появились в песочницах дети
вместо тысячи слов
вместо заболевшего менингитом напарника

встань и иди
много ли до остановки?
магазин и новые кроссовки
я как нохчо сильный
всё успеваю везде бываю
Weihnachten девятого “А” класса
помните ли, а?

встань и иди
когда уже и поменяли замки
когда затопили третий этаж и сыплется штукатурка

когда не ждут и выкинули паспорт
и красная майка тоже куда-то делась
где я?

IV

когда идёшь через частный сектор,
н а р а б о т у, –
заборы:
зелёный, выцветший, зелёный, выцветший,
расписной, ветхий, расписной, ветхий,
скамейка, хозяин, скамейка, хозяин.
суровые мужи, вышедшие из своих домов, –
хозяева:
высокий, низенький, высокий, низенький,
лоб морщинистый, лоб морщинистый,
с лопатой, усатые, с лопатой, усатые.
лают на меня поверх заборов
собаки:
овчарки поджарые, овчарки поджарые,
бурбули безхвостые, бурбули безхвостые,
дворняги чернявые, дворняги чернявые.
снег перемешан с грязью, и долог ещё путь
через частный сектор.
а собаки лают на тех, кто зол,
кто может обмануть
их суровую секту.

БАШНЯ

сторожить запах цветочного утра
без возможности обонять
беспокойная башня
что степенно возвышается
над сереющим минором промрайона
никогда не устанет
деревьям можно всё
ветер дарует танец
благословляет на бесчинство
камень дарует ношу
грачи прилетели
на башне зачали
на деревьях оставили
слишком много семян
слишком мало выживших

НЕЖНАЯ ВЛАГА

на пути в школу, весел и юн,
гляжу на старый паром.
я ощущал две тысячи лун,
как снег посыпают песком.
я ощущал подъёмный кран
и нёс прошлогодний портфель.
жадно топтал солёный туман –
влажный асфальт
прожитых дней.

на пути в школу – царствие мух,
история – первый урок.
я не готов, спросонья и глух,
не слышу последний звонок.
после обеда – шествие вдаль,
туда, где поёт коростель.
хладные руки, дорога в февраль –
влажные лица
прожитых дней.

это не песни праведных жен –
это заупокой.
рано темнеет; вечера звон,
улицы пёсий вой.
я ощущал отсутствие тьмы,
сочувственный свет фонарей.
редкие капли шепчут псалмы –
нежную влагу
прожитых дней.

ПЁТР ЕГОРОВ

Родился 14 августа 1986 года.

По профессии графический дизайнер, программист с неоконченным высшим образованием. В 2014-2016 годах был соавтором тираспольских литературных проектов «Коза», «Борщ», «ОР». Стихи Петра ЕГОРОВА вошли в Антологию русской поэзии Молдовы (начало XXI века) “Неулетающие птицы” (Кишинёв, 2017). Лауреат конкурса «Взлётная полоса» – 2017 (первое место в номинации «Поэзия»).

Интересы: Ричард Докинз, постмодернизм, Кандинский, Линор Горалик, Фёдор Сваровский, психоанализ.

«БОСИКОМ ЧЕРЕЗ ПАЛИСАДНИК»

***

когда я иногда медитирую
ко мне прибегает кошка
усаживается на правом бедре
вибрирует и это мне нравится
или я этому нравлюсь

и да

я понимаю

тонкое тело

в эфире

а толстое тело в сансаре

но теперь его можно
отложить как карандаш
и тихо сбегать в окно
босиком через палисадник

останется только она

сознание

как семена

как будто скульптура вей вей

огромной горой фарфора

устроилась на крыше моего дома

в котором окошко и кошка

***

есть у меня одна мечта

досчитать до ста

ну не мечта прям мечта а так – желание

ну не желание – пожелание

работа не пыльная вроде переписи населения только со зданиями

где что стоит как называется или может вообще снесли перестроили

но наш дивный новый крым

духом наполнен святым

все возошли в небесе

в пахлаве кукурузе самсе

с рынком недвижимости

***

фортификации возводили
в небо смотрели
ждали знак
лосось уходил на запад восток юг
ось соблюдала наклон, багрец уходил в белизну
снова потом звонили: праздники лес шашлык

чего-то там ждали и вот пожалуйста нате вам
курилы аляску крым (всю пирамиду то есть)
а там в-восьмых

так из любви к человечеству
излюбить неизлечимо больных
изнелечимой любовью к человечеству

***

вот так они умирают
умирают значит
потом говорят
забирает лучших
так их от этого забирает
потом значит пишут
такой был хороший
иной раз заранее пишут
ну это за деньги
то тоже за деньги
зачем же бесплатно
бесплатно на фуршетах покушать
это да
а если за деньги бесплатно покушать
это дАда

***

кошка жизни пробежала
зыркая глазами
кошка смерти пробежала
зыркая глазами

кошка жизни
кошка смерти
колесо
сплошное о

не смешное

ВИКТОР ГРАБКО

Родился в 1994 году в Тирасполе. Изучал туризм в ПГУ им. Т.Г. Шевченко, после получения высшего образования был призван на срочную службу. Участник фестивалей «Бессарабская осень», «Пушкинская горка», «Авторские мосты «Мэрцишора», а также литературных проектов, проводимых в Тирасполе.

«СЛОВА – СОВСЕМ НЕ ПУСТОЕ»

***

Ко мне всё возвращается с неустойкой,
 Тонким лезвием входит в бок.
 Сознание теряется среди новостроек,
 Маленький моторчик заглох,
 И в груди стало тише.
 В голове теперь не тараканы, а мыши.
 Шуршат по разным концам площади,
 Что называется черепной коробкой.
 Всегда оставаться сволочью
 Это истинный талант,
 так не замечают, насколько ты робкий.
 С каждым разом похмелье лишь тяжелее,
 А скурвиться в 21 величайшее достижение
 всей твоей жизни...
 Никто не становится умнее,
 мы катимся вниз по пути деградации
 вплоть до забвения.
 От этих американских горок срываются крыши.
 И просто до жути обидно,
 что лучшие становятся бывшими.

***

Растекайся по спинке стула,
 Весь мир разорвав на части.
 Почувствуй – ни к чьим простудам
 Ты более не причастен.
 За двоих дыми сигаретой.
 За троих разливай по бокалам.
 Это будет последним летом,
 Что с тобою ещё не бывало.
 Это будет новой зимою,
 Что ещё не случилась с тобою.

Слова – совсем не пустое,
Если в них вкладывать смысл.
Если из ряда чисел
Ты что-то нужное высек,
Если при свете LED'а
Не в пустую под нос бормотал,
То при разделении мира
Тебе отойдёт Гевал,
Тебе отойдёт Атлантида,
Нагасаки и Хиросима,
Но сделай правильный выбор,
Чтобы совесть потом не душила.
Спи прямо в одежде,
Готовь пожитки с собою.
Ничего не будет как прежде,
Но мы даже лучше построим.
В тебя не кидаю камень
И сам совсем не безгрешен,
Но не говори Amen
Пока новый Иуда не взвешен.
Пока поперёк океана
Ещё не проходит граница,
Тебе ещё может присниться
С грудью пробитой кинжалом,
Заветный покой сея,
Язычница с именем Фрейя.

***

и что же такого тебе рассказать?
я вроде в порядке, стараюсь не пить.
стараюсь хотя бы не в слух называть
имя твоё. пытаюсь с ним жить.
Продолжая как можно сильнее вжимать
между рёбер в грудную клетку,
каждую букву и каждый звук.
в темноту погружаясь на несколько метров.
я сказал бы, что всё хорошо,
выпуская из лёгких смог.
если б только не мог молчать.
если бы только не мог.

***

Неважно
какой твой дом –
жёлтый или публичный.
Мы одинаково смертны,
одинаково не приличны.
За плечами обоих
ничего,
кроме грабель и шишек.
Ты Пятница,
а я на тонущем корабле
единственный выживший.
Суть нашего века
повод найти
в отсутствии повода.
Возраст
уже не равняется
нажитому опыту.
Так нигилист нигилиста
погоняет Тургенева сборником.
Так
о покойниках певший
однажды станет покойником.
Так кто во всём виноват?
Звёзды?
Или мы сами?
Ответ найдётся
если взглянуть на всё
другими глазами.
Когда две полусферы
окрасятся
красными полосами
И мы,
Вцепившись друг в друга,
зависнем
под небесами.

НАДО ЛИ?

Это просто ветер навеял мрачные мысли
И на баканы ложатся талого снега брызги.
Просто ещё одна ночь потеряна,
Потрачена на время не с теми.
Это просто –
мне не бывает здорово.

Зато меланхолия поселилась навечно.
Это просто сознания покровы
Хранят воспоминания беспечные.
Просто юность останется надписью
На чёрной поношенной футболке,
А твой микромирок
Разлетится со звуком стекла.
Слишком звонко.
Звон до скрежета в глубине ушных раковин.
До неменяемого состояния падали.
До очередного приступа.
А надо ли
Это всё?
Или Кобейн поступил правильно,
что взялся за ствол?
Или валидол
Это просто способ
Сказать на том свете,
С укором:
«Я к вам со свежим дыханием».
Надо ли?
Возможно любой инфоповод,
Так старательно
Выисканный
Во всех этих пабликах, имеджбордах и форумах,
Или выскобленный из того, что приснилось,
Пора бы скомкать
и скинуть в корзину
Операционной системы виндоус?
Постирать контакты из записной,
Забуть адреса и почтовый индекс,
Но надо ли
Всё начинать с основ?
С очередных единицы и нуля.
На наших страницах в социальных сетях
Наши портреты останутся навсегда.
Как надгробие.
Надо ли
Всё проживать с начала,
Ещё не дойдя до конца?

***

Я не выйду отсюда.
Даже не просите.
Это мой мир внутри бетонной коробки.
Объективность реальности неосвязаема.

Уясните,
Что мы не причина поломки
Жизнедеятельности этой системы.
Она ограничена лишь нашим взглядом.
В горячих головах заключены все проблемы.
Я снова лечусь отваром
Из непонятных трав
И неизвестных примесей.
Просто отстав
От тенденции жизни,
Ты замыкаешься в принципе.
На улице слишком все озадачены.
Поэтому я остаюсь в своей комнате.
Там апокалипсис.
Не иначе,
Как Мать Природа сегодня не в тонусе.

***

Моя любовь попутала берега.
Вместо холодной Невы – Днестр.
Вместо пресной – морская вода
И бороться уже бесполезно
С осточертевшим холодом.
По сути ничего нового
В прожиточных двадцати трёх
Метрах квадратных.
За подвохом – подвох
И вот – как итог
Мы гадаем на картах
Кто, где и когда,
С кем и под чем, что творит;
Но
на берегах
Уже появился разлив.
И близлежащие халупы,
как и всегда
в это время,
укрыты водой.
Моя любовь попутала берега
И накроет нас всех собой.

(Пунктуация и стилистика – авторские).

Подборку подготовила **Марина СЫЧЁВА**,
член Международного литературного фонда
и Союза писателей Приднестровья

ВРЕМЯ, СОБЫТИЯ, МЕЧТЫ

БУДУЩЕЕ – ЭТО МЫ!

Осень 2017 года стала для молодёжи всего мира поистине особенной. Молодые люди со всех концов планеты получили возможность познакомиться, рассказать о себе и своих достижениях, а главное – поднять на глобальном уровне вопросы, интересующие их, современных юношей и девушек.

Самой масштабной и грандиозной площадкой, объединившей более 25 тысяч участников, стал *Всемирный фестиваль молодёжи и студентов*, проходивший в октябре в городе Сочи. Республику Молдова представляла большая делегация из 300 молодых людей, отобранных на основании заявок и резюме Национальным подготовительным комитетом. Полсотни человек из нас получили возможность участвовать в региональной программе фестиваля, проходившей в 12 регионах Российской Федерации, от Владивостока до Калининграда. Автору этих строк довелось побывать в самой западной точке России – в янтарной столице мира, городе Калининграде. В течение трёх дней мы успели увидеть достопримечательности города и области, побывать в высших и средних учебных заведениях, пообщаться со своими российскими сверстниками. К сожалению, участникам региональной программы пришлось пожертвовать радостью присутствия на торжественной церемонии открытия фестиваля в Сочи, но впечатления, полученные во время посещения городов России, с лихвой восполнили этот пробел.

Программа фестиваля непосредственно в Сочи оказалась настолько богатой, что участникам его приходилось взывать к своим волевым качествам и навыкам тайм-менеджмента, чтобы успеть попасть на интересные площадки. К счастью, олимпийская инфраструктура, внушительный и доброжелательный штаб волонтеров и заранее продуманные схемы передвижения предоставляли возможность посетить многочисленные мероприятия. Уровень статуса гостей и спикеров

Участники Всемирного молодёжного форума российских соотечественников (Болгария, София)

На фоне Балтийского моря. Наши на региональной программе Всемирного фестиваля молодёжи и студентов (Калининград)

Сергей Безруков и Фёдор Бондарчук, австралийский мотивационный оратор, меценат и писатель Ник Вуйчич и многие другие. Многообразие культур, языков, национальных костюмов и флагов – всё слилось в одно незабываемое, удивительное приключение, память о котором делегаты сохраняют на всю жизнь.

В рамках фестиваля Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом и по международному гуманитарному сотрудничеству, в партнёрстве с Федеральным агентством по делам молодёжи провели сессию, посвящённую молодым российским соотечественникам. Дискуссия стала продолжением разговора, начатого несколькими неделями ранее в столице Болгарии – Софии, где в сентябре проходил III-й Всемирный молодёжный форум российских соотечественников «Судьба России: вчера, сегодня, завтра». Организаторы форума предложили активистам молодёжного крыла движения российских соотечественников за рубежом напрямую высказать своё видение работы по сохранению русского языка, традиций и истории непосредственно ответственным лицам государственного аппарата. В этом важном мероприятии участвовали представители Совета Федерации, Государственной Думы, профильных российских фондов и организаций. Живой диалог, обмен мнениями, совместная работа над резолюцией позволили участникам сформировать ряд предложений для улучшения взаимодействия России с её зарубежной диаспорой в лице молодых соотечественников.

Молдавская делегация на Всемирном фестивале молодёжи и студентов в Сочи

фестиваля говорит сам за себя: трижды молодёжный форум посетил Президент России Владимир Путин, с молодыми с удовольствием пообщались министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Лавров, российские государственные и политические деятели Герман Греф, Сергей Кириенко, Владимир Жириновский, актёры и режиссёры

Подчёркивая особое внимание, которое Россия сегодня уделяет этому вопросу, глава Международного молодёжного центра Алексей Любцов анонсировал проведение в Москве V-go Слёта молодых соотечественников, проживающих за рубежом.

Встреча в Москве для многих делегатов, успеш-

V Слёт молодых соотечественников, проживающих за рубежом (Москва)

ших побывать в Софии и Сочи, стала итоговой. Обозначив и обсудив проблемы движения на форуме в Болгарии, получив мощный импульс к дальнейшей работе, на московском форуме участникам предстояло принять серьёзные решения по дальнейшему развитию той многогранной работы, которую ведут соотечественники за рубежом. Так, одним из предложений, озвученных в ходе форума, стало закрепление в официальных документах статуса молодого российского соотечественника; прозвучал призыв больше внимания уделять обучающим программам для молодых людей, живущих за рубежом, с обязательной аттестацией по итогам обучения. Участники выразили поддержку инициативе, предложенной в Сочи и озвученной Сергеем Лавровым о необходимости создания молодёжной сети соотечественников, проживающих за рубежом. Параллельно различным дискуссиям слёта представители Федерального агентства по делам молодёжи (Росмолодёжь) собирали предложения по организации форумной кампании будущего года, желая сделать её максимально эффективной для тех, кому посчастливится в ней участвовать.

Русский публицист и литературный критик XIX века Николай Шелгунов говорил, что молодость с её благородным энтузиазмом, с её стремлениями к чистому, справедливому, к общественной правде есть одна из величайших сил прогресса. Прошло более полутора веков, а истина эта продолжает оставаться актуальной. Голос молодёжи сегодня слышен, важен и, самое главное, необходим. Современная Россия особое внимание уделяет работе с молодыми людьми, в том числе и с соотечественниками, проживающими за рубежом, отчётливо понимая, что за молодёжью – будущее.

Алексей ПЕТРОВИЧ,
руководитель общественной организации
“Русский историко-патриотический клуб” (Кишинёв)

Бессарабские перекрестки

ОЛЬГА ГАРУСОВА

«ДУШОЙ ОН БЫЛ ОТДАН МЕЧТАТЕЛЬНОМУ МИРУ РОМАНТИКИ»

(К 130-летию со дня рождения Леонида Добронравова-Донича)

Имя и творчество Леонида Добронравова-Донича многие десятилетия оставалось в неизвестности. Подборка его рассказов в 1988 году в эмигрантском «Новом журнале»¹ стала первой попыткой вывести из забвения «забытого и замолчанного писателя Серебряного века». Вскоре происходит литературная реабилитация именитого уроженца Бессарабии на его родине. С начала 1990 годов публикации о Добронравове появляются в кишинёвской периодической печати, затем в разного рода научных изданиях. О его творчестве пишут диссертации и монографии молдавские филологи.

В румыноязычное литературное пространство Леонид Добронравов вошёл под псевдонимом «Леон Донич»². Благодаря подвижнической работе румынско-

¹ «Новый журнал» был основан в 1942 году русскими эмигрантами в Нью-Йорке.

² Псевдонимом «Л. Донич» писатель подписывал не только публикации своих произведений на румынском языке; он его использовал в петроградских и парижских изданиях.

го литературоведа и переводчика Анны-Марии Брезуляну, в 1997 году в Бухаресте выходит сборник «Leon Donici. Marele Archimedes», а на его основе в 2015 году в Кишинёве – двухтомник «Leon Donici. Scrieri», включивший прозу, эссеистику, публицистику писателя, отзывы и статьи о его произведениях, воспоминания современников.

К сожалению, подобного издания нет на русском языке. Обширное литературное наследие Добронравова русскоязычному читателю практически неизвестно. Его имя упомянуто лишь в немногих российских литературных энциклопедиях. Между тем, творчество этого писателя трудно понять и оценить вне русской культуры 1910-х годов, ушедшей в эмиграцию. Достаточно сказать, что Леонид Добронравов числился среди наиболее известных русских писателей, покинувших страну после революции 1917 года. Его всероссийской известностью особенно гордились бессарабцы. К 10-летию ухода Добронравова из жизни газета «Бессарабское слово» писала: «Бессарабия в его лице потеряла единственного своего представителя, который твёрдой ногой стал в ряды «настоящих» писателей и был признанным равноправным членом семьи русских литераторов начала XX века».

Леонид Михайлович Добронравов родился в 1887 году в Кишинёве, в семье со многими поколениями священнослужителей. Его отец, Михаил Матвеевич Добронравов, уроженец Казанской губернии, приехал в Бессарабию в качестве секретаря архиепископа Сергия; служил секретарём местной консистории, преподавал русский язык в Епархиальном женском училище. Мать, Домника Петровна, была дочерью выдающегося, по словам современников, бессарабского священника Петра Донича. Отец умер, когда Леониду было 10 лет. Мать вторым браком была за А. П. Ростовским, секретарём кишинёвской консистории, с назначением которого чиновником Синода, семья переезжает в Петербург.

Леонид учился в духовной семинарии³, затем на юридическом факультете Юрьевского и Петербургского университетов. Однако ни духовное поприще, ни адвокатская карьера его не увлекли. Его призвание было иным. «От поколений духовных писцов Леонид Михайлович унаследовал литературный талант, а от отца – совершенно изумительное знание русского языка», – отмечал бессарабский историк Георгий Безвиконный. «Был настоящий писатель... не оторвать от бумаги, возьмёт перо, и так оно у него, как само, ходит», – поражался добронравовской «склонности писать» его литературный наставник Алексей Ремизов. Сам Добронравов признавал влияние на него творчества Чехова, Бунина и, особенно, Ремизова и Леонида Андреева.

С 1909 года он начинает печататься в петербургских журналах, а громкая известность приходит в 1914-м с публикацией – сначала в журнале «Заветы» – романа «Новая бурса», выдержавшего семь изданий, переведённого на французский и немецкий языки. «Не было семинариста в Петербурге, да и не только в Петербурге, все читали Новую бурсу». В том же году выходит сборник его рассказов «Горький цвет». Он сотрудничает во многих периодических изданиях,

³ Семейную традицию продолжил брат Добронравова, Викторин Михайлович, исполнявший свой пастырский долг в самые страшные годы репрессий против церкви. Расстрелянный в 1937 году, он был причислен РПЦ в 2004 году к лику святых.

публикуя рассказы, очерки, статьи. В 1918 году в журнале «Нива» напечатана монография «Ф.И. Шаляпин. Творчество» – первое и долгое время единственное исследование о великом певце, с которым Леонид Михайлович дружил.

Добронравов входит в литературно-театральный круг Петербурга, является членом Литературного фонда, Религиозно-философского общества. В 1917 году был избран вице-председателем Союза русских писателей. Благодаря членству в Театрально-репертуарном комитете государственных театров, Добронравов получил нужный документ для выезда в 1918 году с матерью и сёстрами в Бессарабию.

Оставаться в Петрограде писателю, не принявшему и публично осудившему большевистский режим, было опасно. Издаваемая им оппозиционная газета «Вечерняя почта» властями закрывалась девять раз. За революционными событиями Добронравов видит «страшную трагедию, которая потрясла и народ и отдельных людей». В очерках «Из Петрограда в Бессарабию» он с радищевской жёсткостью передаёт агонию любимого города. «Петроград умирал медленно, неуклонно, безостановно умирал, без стога, без вздоха, без жалобы, умирал, зная, что пришёл час погибели и неоткуда ждать спасения. \...\' над Петроградом стояли два призрака: Голод и Холера, и тень от них падала, чёрная и страшная на безмолвные притихшие улицы и на опустевшие, обезлюдившие площади».

Бессарабия стала новой страницей жизни и творчества Добронравова. Здесь им написана книга очерков «Погибшая империя», изданная на румынском языке под названием «Revoluția rusă», роман «Побеждённые», пьесы «Маркиза», «Последний сеанс», «Товарищ Поляев», «Пушкин в Бессарабии», множество рассказов, публицистических статей, эссе. Он публикуется в русских и румынских газетах и журналах, занимается переводами, взяв на себя миссию сближения русской и румынской культур.

Питая надежды на осуществление давнишних творческих идей, он инициирует различные театральные проекты. В жизни и творчестве Добронравова театр составлял особый сюжет. «Артистические склонности он унаследовал от матери», – писал Безвиконный. Леонид Михайлович был отличным пианистом, прекрасно пел. «Шаляпин искренне восхищался его голосом и прочил ему оперную карьеру». По описанию современников, и внешность у него была вполне сценичная. «Высокий, слегка сутулый, светловолосый, с голубыми глазами под большим лбом»; «лицо у него было довольно оригинальное, с крупными чертами, с выразительными глазами». Ремизову он напоминал театрального премьера: «Ходил, как в мантии Святейшего, а его речь – из оперы». На кишинёвской сцене актёрские способности Добронравова были оценены в роли Сатина («На дне» Горького), драматурга («Маркиза»), купца Лавра Мироновича («Последняя жертва» А.Н. Островского). Рецензенты отмечали горячий искренний тон, отсутствие театральной пошлости и рутинности, красивое произношение отточенных фраз, глубину психологических переживаний.

Хорошо знавший театрально-музыкальную жизнь Петербурга и Москвы, Добронравов пытался применить новаторские принципы в постановке оперы «Фауст» Шарля Гуно, получив репутацию «искателя новых путей в искусстве». Его режиссёрская деятельность в Студии оперы, драмы и балета и в Товари-

ществе артистов расценивалась как «дело в провинции небывалое, которое на первый план ставит художественные замыслы, а не антрепренёрские расчёты».

К началу 1920 годов в Кишинёв прибыло немало беженцев, представителей творческой интеллигенции. Вместе с ними Добронравов участвует в благотворительных вечерах; устраивает просветительские музыкальные лекции-концерты; затеивает издание литературного журнала «Зарницы» с участием бывших петербуржцев, журналиста и критика Петра Пильского и поэта, переводчика, драматурга Петра Потёмкина, с которыми он близко сошёлся в Кишинёве.

Однако ни один из культурных проектов не получил развития. Оперные и драматические антрепризы потерпели крах. Журнал закончился на первом номере. Предложенный Добронравовым в качестве вице-председателя Филармонического общества и главы театральной дирекции план организации в Кишинёве постоянного театра с русской и румынской труппами, не был поддержан. Некоторое время писатель ездит по Бессарабии с лекциями и постановками собственных одноактных пьес. Безуспешными оказались попытки осесть в Бухаресте, где у него появились новые друзья и его охотно печатали. В последние два года кишинёвской жизни он полностью сосредоточивается на журналистской работе. Буквально в каждом номере газеты «Бессарабия» печатаются его публицистические статьи, очерки, рецензии, эссе, литературные портреты современников.

В добронравовских публикациях всегда ощущается присутствие автора, с его главной, глубоко личной темой художника и публики, индивидуальности и общества. Он много размышляет о противоречии между высокой и массовой культурой, искусством и обыденной жизнью, духовностью и обывательским сознанием. Так в статье «Певец», посвящённой Г. Мельнику, утверждает: «Он имеет то, что причисляет его к немногим избранным и благодаря чему его выступления переступают за пределы художественного явления, приобретая общекультурный интерес и значение». Избранные, чей талант, по Добронравову, отмечен Богом, «напоминают людям о том великом, что выше нашей обыденной жизни, что бессмертно».

Адепт теории «чистого искусства», романтической концепции элитарности культуры, Добронравов всё острее и болезненнее воспринимает кишинёвскую обывательскую среду: «Этой душной жизни как хочется не видеть, не слышать, не чувствовать и просто не замечать». Он желчно анатомирует местное общество, его необоснованные претензии на культурность при отсутствии интереса к театру, музыке, литературе: «Давно пора усвоить истину, что здесь никому ничего не надо». По сравнению с покинутым им Петербургом, «чудесным загадочным городом», Кишинёв кажется чересчур маленьким, унылым, «неинтересным и бессодержательным». Здесь писатель чувствует себя, как в ссылке. Не случайно, в его писаниях часто возникает образ Пушкина-изгнанника.

С момента, как вошёл в вагон на петроградском вокзале, Добронравов постоянно оглядывается назад, отмечая ещё в пути, как недавно бывшее превращается в воспоминания. В Кишинёве он осознанно отгораживается от реальности защитным слоем прошлого: «Быть может, жизнь воспоминаниями – искусственная жизнь. Быть может. Но для меня эта безмолвная жизнь ближе, драгоценнее, нежели текущий день с его речами, с его стремлениями, с его шумом, который слишком нагл, назойлив и оглушитель». Добронравов воскрешает «оставлен-

Почтовая марка Молдовы, 2007 год

ных далеко», чьи «живые образы» всегда жили в его памяти, запечатлевая безвозвратно ушедший мир. Когда в августе 1923 года он стал редактором «Бессарабии», страницы газеты были широко предоставлены авторам-эмигрантам, осевшим в Париже, Берлине, Риге, Софии... А в 1924 году уезжает в Париж.

Добронравов, по словам поэта Николая Костенко, «ни в Кишинёве, ни в Бухаресте не чувствовал себя на своём месте. Он сформировался совсем в ином мире... Он испытывал ностальгию по покинутому миру и не мог найти его нигде, кроме как среди русских писателей, эмигрировавших в Париж». В эмигрантской культурной столице Леонид Михайлович

вместе со своим другом, общественным деятелем Григорием Алексинским издаёт еженедельник «Родная земля», почти единолично заполняя газетные страницы под разными псевдонимами: Лев Донич, Ростовский, Гайдамович, Берендей. Пишет рассказы, сказки, стихи в балладном стиле, публицистические статьи о прошлом и настоящем Бессарабии. Успел опубликовать отрывки из задуманного и начатого в Петрограде романа «Князь века» – «о Победоносцеве, о церкви, о монастырях, архиереях, сановниках, барынях, расстригах, купчихах, студентах и т.д.». Главное своё произведение, в котором особенно блистали его изобразительный дар, исключительное знание православной церкви и мира духовенства, «чудесное и глубокое чувство хорошего русского языка», Добронравов не закончил. Он умер от чахотки в 1926 году.

«Реалист в своих писаниях, душой он был отдан мечтательному миру романтики» – напишет о талантливом писателе, «товарище изгнанных вечеров» в горестной и нежной статье Пётр Пильский. В памяти современников Добронравов остался человеком духовно свободным и одиноким, как и полагается «мечтателям», людям Серебряного века.

Предлагаем вниманию читателей рассказы Леонида Добронравова из эмигрантского издания «Новый журнал» (1988 год, №172-173).

Ольга ГАРУСОВА – научный сотрудник сектора «Этнология русских» Института культурного наследия Академии наук Молдовы. Родилась в Казахстане. По окончании театроведческого факультета Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии (ныне – СПГАТИ) получила направление в Кишинёв в Дом актёра Союза театральных деятелей Молдавии. С 1982 года работает в Академии наук РМ. Публиковалась в различных кишинёвских газетах и журналах, в научных изданиях по вопросам современного театрального процесса Молдовы, истории театра, культурной и общественной жизни Бессарабии, русской эмиграции. Автор монографии «Карл Шмидт. Городской голова Кишинёва 1877-1903».

ИЗ НАСЛЕДИЯ

ЛЕОНИД ДОБРОНРАВОВ

СНЕГ ИДЁТ

Снег идёт. Рой за роем летают в воздухе белые бабочки. Пригоршня за пригоршней падают с высоты на землю белые мёртвые цветы.

Ветви деревьев будто из белого коралла или же словно обвешаны белым узорчьем кружев, сплетённых по фантастическому рисунку неведомого художника.

Снег идёт. Мелькают белые бабочки, мёртвые белые мотыльки – мысли наши, обманчивые наши мечты и воспоминания, воспоминания, воспоминания.

И так странно звучат весёлые голоса, так непривычно звучит чужой смех, непривычно и больно.

Рой за роем окружают воспоминания.

Странное, необычное чувство гонит в одиночество, в тихие, белые просторы. И там, окружённый видениями прошлого, чувствуешь себя как на кладбище, полном могил, могил тех, кого любил некогда и кого больше нет.

Снег идёт. Ещё одна зима. Ещё один шаг к вечному пределу. Хорошо бродить в такой день одному, бродить среди белых просторов.

Идёшь, окружённый тенями. Каждая белая и холодная бабочка – душа, чья-нибудь душа, которая некогда жила, страдала, радовалась и плакала; душа того, кого в последний раз на земле целовал в мраморно-холодный лоб, коронованный венцом.

– «Святой Боже, Святой крепкий...».

День, когда идёт снег, – день мёртвых. День грусти и печали. Минула молодость с краткими, быстро отцветшими радостями. Исчезли надежды, раздробленные железными ударами жизни, умчались мечты.

А в душе осталась безграничная скорбь, которой имени нет и нет названия, но которая так глубоко пронзает сердце, когда вместе с белыми бабочками тишина нисходит на землю, напоминая то, что, казалось, давным-давно умерло, говоря нам о таинственной жизни, какой не чувствуем мы в солнечные, шумные дни.

Когда идёт снег – мы глядим в прошлое.

Когда снег идёт – говорят с мёртвыми. В такие снежные дни мы чувствуем себя одинокими беспредельно.

В день, когда идёт снег, мы знаем, что душа наша поседела давно.

В день, когда идёт снег...

Кант сказал однажды:

– Не будь сна и забвения – человек не мог бы жить.

Правда. Но не все имеют этот дар забвения. Не все.

Как счастлив тот, кто может забыть прошлое.

Но что делать тем, для кого воспоминания ярче действительности.

У Соломона было кольцо с надписью "Всё проходит".

Чехов в одном из рассказов своих говорит: "Если бы у меня было желание заказать себе кольцо с надписью, я написал бы: "Ничто не проходит".

Мне кажется, Чехов был прав.

В день, когда идёт снег, не глядитесь в зеркало.

В день, когда идёт снег, вы видите седые нити на висках, замечаете новые морщины на лбу и слышите шаги приближающейся старости, зловещие шаги старика Хроноса, который сторожит нас и ждёт с неумолимостью упорного кредитора, уверенного, что он своё получит.

В день, когда идёт снег – бегите из дому, бегите от людей, ищите белых просторов и там, в безмолвии, совершите литургию своего одиночества.

В воздухе мелькают белые бабочки, мёртвые цветы – видения наши.

В день, когда идёт снег, просыпается в нашей душе всё самое заветное, тайное, невыразимое словом.

Хочется написать письмо покинувшему нас любимому человеку, хочется поговорить даже с врагами нашими, потому что в день, когда снег идёт, так ясно и так больно чувствуем мы, что одна и та же судьба ожидает нас.

Становимся ли мы лучше в этот день?

Не знаю.

Знаю одно, что мы бываем искренней, нежели всегда.

Счастлив тот, кто в эти дни имеет подле себя собаку, с которой можно говорить без слов. Только собака поймёт нас в эти дни, в этот день.

Когда идёт снег, нам грезятся дальние страны, которые не существуют и никогда не существовали, страны, созданные нашим воображением.

Может быть, тоскуем мы о нашем потерянном рае, от которого отделяет нас всё больше и дальше каждый минувший день.

В день, когда идёт снег, странные мысли рождаются в нашем мозгу, и неизъяснимые чувства нас посещают. Счастлив тот, кто не знает их. Счастлив тот, кому снег ничего не говорит, мёртв.

Тот счастлив, души которого не пронзает ни одно больное воспоминание и который в день, когда идёт снег, лишь одевается теплее.

В Китае цвет траура – белый цвет.

В день, когда идёт снег, мне кажется, вся земля одевается в погребальные одежды.

1921 г.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ДНИ

Помню я Петербург, тот ещё, который в адресах на конвертах назывался полностью, всем титулом – Санкт-Петербург – спокойный, уверенный в своей силе и в своём господстве и над светлую Невой, и над теми сизыми далями, которые плыли в бесконечность за длинными завесами, окружавшими город.

Трамвай не звенел, не гудел ещё в длинных улицах и на широких проспектах, мчась от Николаевского вокзала к Смоленскому и от Балтийского к Лесной. Степенно ползла синяя конка с империалом – на Крестовский, и на Калашниковскую – без империала. По Невскому же три кряду коночных вагона кремового цвета мчались с пристяжкой, звеня оглушительно, и старались нагнать их ”сорок мучеников” – омнибусы, дребезжа стёклами. Назывались они тогда ещё и ”граммофон-соловей”.

Зимой вместо ”сорока-мучеников” тащились сани-линейки и от тощих лошадей валил, клубясь, беловатый пар.

Каналы были светлее, по вечерам – задумчивее, и вода в них прозрачнее. Не было ещё Троицкого моста с его гигантскими фонарями-канделябрами: он только строился. Деревянный, на баржах, зыбкий, тянулся через Неву у Троицкой церкви. И за нею не поднимала ещё мечеть из зелени Каменноостровского круглой голубизны своей головы. А Александровский парк по ночам считался местом опасным.

Перед Николаевским вокзалом не сидел ещё грузный тяжелый Александр III на былинном, огромном бесхвостом коне, а был дощатый забор, огораживавший площадь для будущего памятника, строитель которого носил древнее княжеское имя Трубецких, а в придачу величал себя по-итальянски – Паоло, что придавало ему некоторую загадочность и даже фантастичность.

На Невском не было больших домов, и на углу Литейного и Невского стоял ещё серый двухэтажный дом с вывеской по фасаду: "Придворная фотография Семенов". По другую сторону Литейного, тоже серый и тоже двухэтажный, стоял дом обер-прокурора Святейшего Синода Победоносцева, и иногда можно было видеть бледное бритое лицо с крепко стиснутыми губами и мрачным зеленоватым огнём в глазах зловещего чародея.

На Невском против Троицкой – тоже тёмно-серый двухэтажный особняк Протасовой-Бахметевой, где потом выстроили огромный дом с кинематографом. Раз в неделю перед особняком вдоль панели и на Троицкой вытягивались кареты. Были кучера в зелёных перьях, дипломатические, и в красных пелеринах с белым воротничком, в треуголке набекрень правым концом кверху – придворные.

Не было и дома Зингера против Казанского собора и дальше, на углу Морской, дома Вавельберга, этого серого дворца дождей на чухонский манер.

За Исаакиевским собором зеленел ещё Исаакиевский сквер, вырубленный впоследствии рачительной глазуновской городской думой, и звонко голосила в нём шустрая детвора. Не было тюремного вида германского посольства, не было и нарядной "Астории".

В тихих зелёных линиях Васильевского острова можно было встретить художников в крылатках и в широкополых шляпах, с острыми бородами и кудрями до плеч. В молочную заходил важный "ундер" в бакенбардах, с нашивками и с чёрным железным крестом "За переход через Балканы".

На вечерах и балах ещё танцевали вальс, и даму нельзя было тесно обнимать за талию: неприлично. Дамы носили длинные платья и, переходя улицу, поднимали юбку не выше щиколотки, и то – смущаясь.

Только-только входили в моду убийства министров.

Убили Боголепова. Потом убили Сипягина. Полубезумный Соловьёв стрелял с Литейного в Победоносцева, сидевшего вечером в своём кабинете.

Всюду было далеко. Едешь, бывало, в гости, как в другой город. Васильевский Остров был сам по себе, Петербургская сторона – сама по себе, Выборгская и Охта жили по-своему.

На Васильевском Острове стоял деревянный Василеостровский театр, была в нём галерея с кукушкой. Публика ходила смотреть мелодрамы. "Парижские нищие" и "Две сиротки" не сходили с репертуара. Любимцами публики были Мирский – Муратов и Аркадьев.

На Петербургской стороне процветал Народный дом с оперой, драмой, клоунами и фокусниками. Несмотря на то, что дом принадлежал попечительству о

народной трезвости, по воскресеньям там было пьяным-пьяно, и водку пили из чайников.

Пьесы ставили такие: "Севастополь", где много палили на сцене, и в антрактах в зрительном зале пахло порохом, "Разрыв-трава", "Убийство Коверлэй" и "Велизарий". В императорских театрах по царским дням давали спектакли для учащихся: в ложах сидели институтки в белых пелеринах, все как одна сложив пред собой ручки, как и подобает благовоспитанным девицам.

В Панаевском театре был Малый, то есть труппа литературно-художественного общества. Много хлопали и вызывали Миронову и Тинского.

Потихоньку читали сборники "Знания" и горячо спорили между собой. Гре-мел Максим Горький, и начинал затмевать его Леонид Андреев.

Ярмонкин издавал свои "Письма идеалиста", и выходил журнал "Живописное Обозрение". В Публичной библиотеке не назначали свиданий, и студенты, собравшись у товарища, спорили о неокантианстве.

Закаты на Неве были торжественнее и ярче, и чаще на них смотрели люди.

Многого не было.

Но было несказанно-сладостное очарование города Петра и Пушкина, Гоголя и Достоевского, таинственная прелесть Северной Пальмиры, невыразимая словом, как музыка. Было благородное и величавое безмолвие по вечерам и задумчивость в тёмных улицах и в неясных очертаниях дворцов.

На смену дню приходила таинственная жизнь петербургской ночи. Пели куранты в Петропавловской крепости ночью порой, зловещей и страшной, когда над тёмными водами Невы медленными хлопьями падал снег.

Ударило вдруг. Ударило громом Японской войны. И сразу исчезло спокойствие. Зашумело, загудело, заухало.

– Шапками забросаем!

По Невскому ходили с портретом царя и пели: "Спаси, Господи". Куропаткин поехал на войну, взяв с собой иконы.

В магазинах пестрели олеографии с гигантом-матросом и маленькой макакой с надписью:

Ой, японец, будет худо,

Разобьём твою посуду,

Разорим дотла...

А потом мальчишки-газетчики заверещали на Невском:

– Экстренное прибавление! Сдача Порт-Артура!

В "Руси" писал капитан Кладо. Снаряжали эскадру Рождественского. В Михайловском театре актриса балета вышла на сцену с брошью – бриллиантовым броненосцем. И какой-то моряк громко, на весь зал крикнул:

– Вот где наша вторая эскадра!

Петербург тревожно шумел, гудел, шушукался. Говорили о генералах Штакельберге, Гриппенберге. Хвалили Келлера.

В начале лета привезли из заграницы мёртвого Чехова в вагоне для устриц.

В чёрном огромном просмоленном ящике прибыли останки Кондратенко; их похоронили в Невской Лавре.

Настала Цусима. В день разгрома вечером моряки кутили со скандалом в "Летнем Буффе".

Вышел в отставку Победоносцев. Фельетонист Яблоновский набрался смелости и почтил его фельетоном под заглавием "Прощаюсь, ангел мой, с тобою".

Пришла революция и – ”Отречёмся от старого мира!..”

Забастовки. Митинги. Толпы с красными флагами. Стрельба по толпе. Сатирические журналы ”Зритель”, ”Фонарь”, ”Пулемёт”. Аресты. Первая Дума. Разгон. Выборгское воззвание. Вторая Дума...

Петербург стал иным – лихорадочный, крикливый, суетливый, шумный. Загремел красными трамваями, зарычал автомобилями, засверкал электричеством, кинематографами, заругался газетами, закривлялся фарсом с разведениями.

На Петербургской стороне – клуб самоубийц. На Широкой улице – чёрные мессы. Старый Петербург развеялся, ушёл, исчез вдруг, незаметно.

Декаденты. Комиссаржевская. Мейерхольд.

– Достоевский – мещанин! – возгласил Горький.

Новый Петербург – без вчерашнего дня, но с сегодняшней вечерней ”Биржевкой”.

Университет. Советы старост. Сходки. Забастовки. Выходки в Государственной Думе Пуришкевича, в которых что-то страшное было, как в гримасе трупа.

Умер Лев Толстой, заплёванный первой революцией, и – будто старший ушёл из дому, и теперь можно безобразить сколько угодно.

Появились ”венские литераторы”, начинался ”венский” период русской литературы. Гигикал ”Сатирикон”, ”делая смех”. Появился Анатолий Каменский. За Невской заставой появился братец Иван Чуринов, и потянулись к нему толпы народа.

Раздался гнусный звон скворцовского ”Колокола”.

Шла новая жизнь. Шла пёстрая жизнь. О какой-то правде тосковала душа. И искали эту правду повсюду. Одни уходили в нелегальную работу, другие – в декадентство; очень немногие – в науку, и совсем немногие – в религию. Остальные жили со дня на день, внезапно объявив себя нищезанцами.

Развелось много разных курсов, и появилось множество неучащихся барышень с портфелями под мышкой.

Наконец забили ”Ключи счастья” – и имя Вербицкой прославилось. За ней Нагородская и так далее.

Расцвела порнография ”с эстетической точки зрения”.

Затанцевали танго.

Дышать становилось нечем. Всюду – ложь, всюду – маски, всюду – неправда.

В соборах – серебряные иконостасы; в театрах на женщинах – на миллионы драгоценностей, а в отдалённых кварталах люди умирали с голоду, и не на что было похоронить – соседи собирали по копейке.

Заботились о развлечениях для народа и не думали о том, чтобы спасти людей от голодной смерти.

Страшной жизнью жил Петербург, и теперь особенно страшно стало в нём по ночам, когда недвижными горящими глазами глядели во тьму окна ”Донона”, ”Медведя” и ”Аквариума”, ”Фелисьена” и ”Виллы Родэ”.

А снаружи – жизнь была спокойна, нарядна, с интеллигентными газетами и политическими партиями, с парадами и манёврами, царскими молебнами. И редко кто слышал одинокие выстрелы и читал страшные слова: «Умираю, потому что нечем и не для чего жить...».

ЖИВОПИСЬ

ЛЮДМИЛА ТОМА

СВЕТ ПОЛОТЕН ЛЮДМИЛЫ ЦОНЧЕВОЙ

Скоро истечёт год со дня кончины оригинального живописца и незаменимого друга, достойного светлой памяти. Когда покидает наш суетный мир незаурядная личность, по-новому осознаётся её значение в сфере профессиональной деятельности, особенно теми, кто обязан ей своим творческим формированием. Душа художника продолжает жить в произведениях, вызывая отклик у зрителей.

Удивительно цельная личность, она развивалась органично, без метаний. Чутко, сердцем откликалась на красоту и боль во всём – в мире людей и животных, в природе и в родном городе, в искусстве, музыке, литературе. Обладая острым взором и развитым интеллектом, проникала в суть явлений. И умела быть верной своим убеждениям, принципам, друзьям. А испытаний досталось немало.

Впервые я познакомилась с **Людмилой ЦОНЧЕВОЙ** в 1962 году, в доме художницы и искусствоведа Ады Мироновны Зевиной, на летних каникулах, будучи студенткой выпускного курса Ленинградского института им. И.Е. Репина, который в своё время окончила моя кишинёвская наставница. Позднее там же получит образование и Милочка, как называли в нашем кругу Людмилу, но в том далёком году она обучалась в художественном училище, где Ада Мироновна преподавала историю искусств и была методистом по живописи. Спустя несколь-

ко лет мне довелось стать первым искусствоведам, отметившим талант Цончевой – в обзорной статье к каталогу Первой республиканской выставки молодых художников (Кишинёв, 1966). Справедливость моей оценки вскоре была подтверждена: авторитетные критики, писавшие о всесоюзной молодёжной выставке 1967 года, увидели в поэтическом решении картины Людмилы «Весна в Молдавии» проявление национального своеобразия молдавской школы живописи.¹ Это была дипломная работа художницы, полотно большого размера, декоративного звучания при едином лирическом настрое фигур и пейзажа. Рисунок, обобщающий силуэты, акцентирует мелодичную ритмику композиции.

Последний снег. 1996

Формированию интересов и эстетического вкуса Людмилы Цончевой содействовало несколько важных факторов. И прежде всего воспитание в творческой среде. Благодаря отцу Константину Христофоровичу, она рано познакомилась с искусством французских импрессионистов и постимпрессионистов по книгам Ревалда, изданным в Москве в годы «оттепели». Затем на уроках Ады Зевиной – постижение закономерностей в смене форм пластического мышления. Ценной была и возможность наблюдать работу молдавских живописцев-новаторов, слушать их дискуссии в период летней практики в сёлах, куда приезжали на этюды зрелые мастера. Сильные впечатления оставались от картин Михаила Греку, Валентины Руссу-Чобану, Ады Зевиной. Уже в годы учёбы Людмила проявляла индивидуальность, особенно в домашних работах, которые казались руководству училища дерзкими, и не раз ставился вопрос об исключении её за «формализм». Её однокурсница Мириам Гамбурд, известный скульптор и рисовальщик, вспоминает: «В самых первых студенческих работах Цончевой уже есть все элементы её зрелых мастерских вещей. Помню её студенческий натюрморт с фруктами, выложенными по кругу, где цвет в чёрном контуре горел, как у потомственного витражиста Жоржа Руо, о существовании которого она в те годы могла и не знать. Это была заявка на будущее».²

Молодая художница с увлечением писала масляными красками, столь любимыми за цветовое богатство, светоизлучение и податливость самой пасты. Уже в ранних работах она умела подчинить средства живописи созданию художественного образа. Например, цветовыми контрастами воссоздан узорный декор сельских домиков в Буковине, нежными переливами розовых и голубых тонов выражено оцепенение заснеженной церкви. Небольших размеров портреты болгарок

¹ Г. Нисский. *Краски молодости*. «Литературная газета», 1967, № 10; Г. Плетнева. *Современное, национальное*. «Советская культура», 1967, 4 апреля.

² Из некролога, написанного 25 января 2017-го года.

юга Молдавии при укрупнении формы головы и цветовой сдержанности обрели монументальность, а лирический настрой девочек-подростков передан рафинированным колоритом в сочетании с лёгким рисунком.

В 1972 году Людмилу Цончеву приняли в Союз художников. Занятия живописью она совмещала с трудом преподавателя в детских художественных школах – в Рыбнице, позднее в Кишинёве – и с заочной учёбой на факультете теории и истории искусств Института им. И. Репина. Блестяще защитила дипломную работу на тему «Традиции импрессионизма во французской живописи конца XIX – начала XX веков».

Тогда же в Ленинграде у меня проходила защита диссертации, а обратный мой путь пролегал через Москву: важно было посмотреть групповую выставку молодых художников Молдавии. В ней участвовали авторы с уже определившимися особенностями видения. Полотна Людмилы Цончевой выделялись эмоциональностью и отражали творческое развитие в способах одухотворения образов. Даже в натюрмортах ощущалась жизненная энергия, пульсирующая в изгибах стеблей, лепестков, в самой текстуре живописи.

Тематические картины Цончева писала не часто, и они не были ангажированными. Необычно решена композиция «Здравствуй, племя молодое!», где вспышками светлых тонов на фоне тёмных деревьев парка выделены хрупкие фигуры школьников, силуэт памятника Александру Пушкину и немногие выразительные детали. По мнению критика Нины Ватолиной, автор проявил несвойственную юности умудрённость, «нежность к ускользящему цветению»³. Однако путь семантического углубления образа не увлёк Людмилу Цончеву, она оставалась в сфере живописно-пластической проблематики.

В картине «Черноморская регата» состояние природной среды важнее сюжета. Звучание холодных синих тонов, выделенных немногими тёплыми, передаёт свежесть морского дыхания и единение в ясный солнечный день – спортсменов, наблюдателей, самого художника.

Выезжая с этюдником в сельские районы, она предпочитала писать не эффектные панорамы, а непритязательные мотивы, отмеченные духом крестьянской жизни. О быте хозяев свидетельствуют бочки, корзины, наполненные виноградом или сложенные пустые, низкие самодельные столики и табуреты, простая посуда с фруктами. В полотнах «Под навесом», «Осенний мотив» предметы живут, мерцая золотисто-янтарными тонами среди землисто-коричневых. Значительность этого замкнутого мира акцентирована монолитностью форм, уравновешенной архитектуроникой композиции.

Немногим известны рисунки и акварели Людмилы Цончевой, которые она не экспонировала, показывая лишь избранным ценителям. Мне посчастливилось наблюдать её работу осенью 1985 года, когда мы жили в Доме творчества – в литовской Паланге на берегу Балтийского моря, иногда отправляясь в соседние латвийские города. Помню, как она рисовала углём старую улочку в Лиепе: уверенными линиями очерчивала контуры крыш, стен, намечала рельеф мостовой, слегка утрируя наклоны форм, в некоторых местах наносила штрихи для ожив-

³ Н. Ватолина. *Вглядываясь в молодых*, «Творчество», 1977, № 1, с. 13.

ления пластики объёмов. Большой рисунок завершался за 10-15 минут. Столь же быстро, с артистической лёгкостью рождались акварельные этюды. В листах сдержанного колорита значительное место занимали облака, ведущие ритмический диалог с морскими волнами. Уверенность и скорость исполнения основана на предварительном наблюдении мотива и продуманности замысла – композиционного строя, цветового ключа. Художница реализовала в материале уже сложившийся в воображении образ, не списывая натуру, но получая от неё нужные для творческого процесса импульсы.

Синагога. 1991

К концу 1980-х восприимчивость художницы к изменчивости природной среды приводит к смене жизнеутверждающей эпики на взволнованную лирику. По сути же язык её живописи остаётся поэтически условным, метафоричным. Художественный образ выстраивается путём отбора и синтеза характерного в натуре. Умиротворение осенних мотивов села Бутучены передаётся теплотой доминирующих жёлто-коричневых тонов и неярким свечением голубовато-белых построек. Неустойчивость состояния улавливается в ветвях поредевших деревьев. Последующие пейзажи, написанные там же и в других сёлах, обретают напряжённость, созвучную душевному волнению автора. В одних цветовым контрастом выделяется главный объект – дом с погребком, колодец, крестьянские ворота с калиткой или торжественные монастырские врата, увенчанные главкой. В других лейтмотив слагается из вариаций основного цвета, несущего идею. Так, в этюде «Весна в Гоянах» розовое сияние цветущего абрикоса переходит и в небо, и на стены церковных строений. Подвижность воздушной атмосферы передаётся цветовой нюансировкой и динамикой письма широкими мазками. Свободное владение материалом живописи и своими эмоциями позволяет художнице непринужденно увязывать компоненты пейзажа на картинной плоскости.

Те же закономерности прослеживаются в кишинёвских пейзажах Людмилы Цончевой, которые образуют большой цикл, своего рода «поэму» о родном многоликом городе. Чаще всего она пишет близкие ей с детства старые кварталы, где каждая улочка неповторима, у каждого дома – свой «характер», а то и своя драма. Низкие постройки утопают среди деревьев, главки церквей тянутся к облакам. За воротами проглядывают цветущие кусты, во двориках у каждого крыльца – палисадник. Многие места, которые успела отобразить Цончева, ныне изменились до неузнаваемости («Синагога», «Пейзаж с Харлампиевской церковью»). Новые микрорайоны восприняты ею издали, они возвышаются за гладью озёр и цепью парков.

Пейзажи, написанные в Прибалтике, Азербайджане, Болгарии и Крыму, примечательны не только ландшафтом, но, главное, атмосферой того или ино-

Портрет Л. Зайченко. 1990

весь первый план, и неудержимая жажда жизни ощущается в напоре стеблей, развороте листьев, их упругость выделяет ласкающую нежность раскрывшихся лепестков («Ирисы», «Гладиолусы»).

Природные мотивы часто включаются в натюрморты Цончевой. Дары земли живут в соседстве с рукотворными вещами – корзинами, кувшинами, мисками. Прочувствована форма каждого компонента, но главное – их взаимосвязь между собой и создание пластического единства. В этом жанре с наибольшей чёткостью прослеживается смена задач: от жизнеутверждающего упоения красотой букетов начального периода к изысканной сдержанности колорита логически выстроенных композиций последующих лет («Натюрморт со скрипкой», «Натюрморт со стульчиком»). Затем активизируется роль воздушной атмосферы не только при связи предметов с пейзажем («Натюрморт на балконе», «Морской натюрморт»), но и в мотивах с нейтральным фоном-средой. Прерывистым тёмным контуром акцентируется упругая пластика форм, пружинисто взаимодействующих с уплотнённой воздушной атмосферой («Натюрморт с веткой инжира», «Натюрморт с подсолнухом»). Некоторые растения, засохшие и ломкие, обретают драматическое звучание, усиленное тональными контрастами. Более поздние работы художницы отличаются иной ролью светоносной среды – она оживляет, смягчает и связует предметные формы в единый цвето-пластический организм («Натюрморт с айвой», «Зимний натюрморт»).

Мастерство портретиста проявляется у Цончевой в меткости характеристик и умении сопереживать. Состоянию задумчивости *Анны Бельчевичиной*, исполнительницы народных песен, соответствует уравновешенность композиции и преобладание тёмного цвета, наподобие коврового фона, выделяющего цветные элементы. Приподнятое настроение художницы *Гали* передаётся светлой гаммой полупрозрачных тонов, лёгким разбегом кисти. «Портрет Стелы» сдержан в колорите, но динамичный ракурс вкупе с энергией мазков выдаёт смятение чувств. Людмила Цончева с безошибочной интуицией угадывает психологический склад

го края, того или иного уголка. Самые многочисленные крымские мотивы, с крутым подъёмом от побережья узких улочек, с парками, источниками, выделяются обострённым чувством витальной силы природы. Пастозные мазки и местами решительно процарапанные мастихином линии выдают биение творческого нерва в процессе обладания материалом и созидания художественного образа.

Необычны этюды с цветущими растениями ботанических садов Крыма и Кишинёва. В одних они увиденны в пейзажном аспекте – при необходимом отдалении, укрупнёнными массами («Крымский парк», «Астры»). В других роскошные цветы занимают

модели, иногда – трагичность судьбы. В портрете Людмилы Зайченко, написанном незадолго до проявления неизлечимой болезни, печать обречённости в утончённых чертах лица усилена вибрацией «растрёпанных» мазков.

В творчестве живописца Цончевой в равной мере важны эмоциональные впечатления от окружающего мира, интуиция и логика живописного мышления. Поэтика созданных ею образов основана на высокой пластической культуре, на понимании преемственности традиций. В круг её интересов входили западно-европейские, румынские и русские мастера живописи. Среди самых любимых – Морис де Вламинк, Пьер Боннар, Штефан Лукьян, Георге Петрашку, Иосиф Изер. Из современников, кроме Михаила Греку, оказался близким Ион Сэлиштяну, чьи работы дважды экспонировались в Кишинёве. Сильное впечатление осталось от картин Иона Цукулеску, на ретроспективную выставку которого в Национальном музее Румынии мы с ней приезжали в 2000-м году. Остановились тогда в Бухаресте у моей знакомой художницы Евгении Николаевны Ифтодий, которая работала рядом с Цукулеску, а в тридцатые годы дружила с Евгенией Малешевской, Клавдией Кобизевой. Её отец, получивший образование в Петербурге, преподаватель гимназий в Кишинёве, где и похоронен на Армянском кладбище, обладал обширной библиотекой, и часть сохранившихся русских изданий досталась нам с Милой. Номера журнала «Старые годы» с интересными статьями и хорошими репродукциями мы поделили поровну.

К 55-летию со дня рождения Людмилы Цончевой была устроена большая впечатляющая экспозиция её живописи в Выставочном центре им. Константина Брынкуша. В том же 2001 году по итогам конкурса в области живописи она получила премию им. Моисея Гамбурда от Министерства культуры Молдовы. Других наград и званий у неё не было. Она никогда не приспособливалась к конъюнктуре при советской власти (и не боялась поднять руку «против» среди редких смельчаков, когда в Союзе художников голосовали «за»), а в изменившихся условиях не стремилась вписаться в новомодные течения или учитывать запросы рынка. Но произведения Людмилы Цончевой приобретали ценители искусства из разных

Натюрморт с подсолнухом. 1992

Портрет болгарской крестьянки. 1971

стран, они находятся во многих художественных музеях и галереях, в том числе в Государственной Третьяковской галерее. Это истинное признание творческих достижений. Но не заслуг для родной страны.

Людмила Цончева много работала и регулярно показывала новые произведения на персональных выставках, групповых и республиканских. Она принимала активное участие в деятельности Товарищества русских художников «М-АРТ» и, пока хватало сил, присутствовала со своими работами на вернисажах «Русская ветвь изобразительного древа Молдовы» – в Кишинёве, Бельцах, Бендерах, Комрате, в других выставках организации. В

общих экспозициях её полотна узнавались по остроте видения, силе чувства, напряжённой воле зрелого мастера.

Мириам Гамбурд написала о последней своей встрече с Милой в 2015 году: *«Она была уже тяжело больна, но не только болезнь угнетала её. Цончева чувствовала себя отстранённой, непризнанной, невостребованной. Чтобы подбодрить, я назвала её «живым классиком». Она парировала: «Я – еле живой классик». С чувством юмора у неё всё было в порядке. Грустно, что одним близким другом стало меньше. Радостно, что ещё одно яркое талантливое имя легло в строку классиков молдавской живописи».*⁴

Дом Цончевой был всегда открыт для друзей разных профессий, коллег, молодых художников, ценивших её мнение. Увлекали разговоры об искусстве, литературе, кинофильмах. Мила открыто делилась глубокими мыслями и умела выслушать, поддержать в трудных ситуациях, даже будучи очень больной. Всем нам, её друзьям, так не хватает привычного с ней общения... В память о Милочке родились такие строки:

*Душа, поющая в аккордах цветковых,
Свет негасимый излучает,
Трепещет птицею в вибрациях живых,
Волнует и забвенья не узнает...*

⁴ Из того же некролога.

Людмила ТОМА – кандидат искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РМ.

Родилась в Подмоскowie в 1939 году. В Кишинёве живёт с 1945 года. Автор около 200 статей и 15 монографий, изданных в Молдавии и за её пределами. Ведущий научный сотрудник Академии наук Молдовы, доцент Академии музыки, театра и изобразительных искусств РМ.

Пишет стихи, но публикует их редко, преимущественно – по настоянию друзей.

Конкурс святочного рассказа

Почти год назад, 14 января, в Российском центре науки и культуры в Молдове состоялось подведение итогов и награждение победителей Второго республиканского конкурса святочного рассказа и Республиканского литературного конкурса для молодёжи «Взлётная полоса», объявленных Ассоциацией русских писателей РМ.

Проведённый при содействии Свято-Георгиевского храма Кишинёва и РЦНК Конкурс святочного рассказа неожиданно поддержали и на левом берегу, откуда пришли творческие работы от людей разных возрастов и профессий.

В сказочной атмосфере новогодья было особенно радостно встречать гостей, вручать победителям премии, назначенные председателем Собора Русской общины Республики Молдова, настоятелем Свято-Георгиевского храма, протоиереем Николаем Флоринским, и замечательные книги русской классики, с любовью подобранные для лауреатов сотрудниками Центра.

Настраивая на высокий дух Рождества, в ключе добра и света прозвучали праздничная речь Николая Флоринского, нежное трио флейтистов – учеников Анастасии Гусаровой (лицей им. Сергея Рахманинова), волшебные тонкие и мудрые мультипликационные ленты студии «Беларусь-фильм», посвящённые празднику Рождества Христова.

*Первое место жюри Второго конкурса святочного рассказа единогласно присудило **Сергею Багниюку** из Приднестровья за рассказ «Клятва». На второй ступеньке конкурсного состязания **Татьяна Волошина-Орлова**, член Ассоциации русских писателей РМ («Радуйтесь все!»). Рассказу «В новогоднюю ночь» **Татьяны Бурлак**, члену Союза писателей Приднестровья, справедливо отведено третье призовое место.*

Третий конкурс святочного рассказа уже объявлен. Итоги его мы подведём в рамках Вечеров православной поэзии, которые состоятся после Крещения Господня в январе 2018 года.

КЛЯТВА

Рождественская история, рассказанная моей бабушкой

После начавшейся в 1878 году демобилизации участников Балканской войны солдаты русской армии возвращались домой. Шагали, оставляя позади вёрсты, и двое боевых друзей – Тихон Фурсов и Петро Драч. Петро был родом из украинского города Гайсина Винницкой губернии, а путь Тихона лежал гораздо дальше – в Курскую губернию. Тихон – высокий белокурый бородач с типично русской внешностью. Петро – смугловатый парень среднего роста, с усами на украинский манер. Поздним январским вечером друзья, наконец, увидели долгожданный Гайсин. Они предвкушали после долгой и трудной дороги ужин за чаркой доброй украинской горилки в родительском доме Петра и – вожделенный отдых. Вот они тихие улочки, милые украинские хатки под соломенной крышей, плетёные заборчики; запах свежего снега на родных дорогах. Первой ещё издали одного

из путников узнала собака, оповестив его приход приветливым лаем. Скрипнула дверь, и на пороге показался отец, вышла мать и со слезами радости заключила сына в объятия, выбежали навстречу сестра и повзрослевший брат. Вот уже накрыт наскоро собранный стол, на котором вареники, тушёная капуста, сало и традиционная украинская шпагативка¹. Вскоре сошлись родственники и соседи, чудесным образом узнавшие о возвращении домой долгожданного воина. Гости вдоволь угостились, наговорились, и разлилась эхом по всей округе широкая, как Днепр, украинская хоровая песня.

Утром следующего дня Тихон начал собираться в дорогу. Петро, не желая так быстро расставаться с другом, удерживал его: «Слушай, Тиша, поживи у нас Святки – до Крещения, отдохни, а там и ступай с Божьей помощью». Тихон, недолго думая, согласился. Общительный русский парень отличался весёлым нравом, умением поддерживать разговор и задорно смеяться, чем быстро расположил к себе украинских ребят. Попали друзья и на украинские святочные «вечерныци». Была такая старинная малороссийская традиция общения молодёжи – посиделки у девушек на выданье дома, в присутствии родителей. Тихон сразу обратил внимание на улыбчивую красавицу с густыми вьющимися волосами, которую все называли Наталка, и ему показалось, что она тоже засматривается на него. Вечером, когда друзья возвращались домой, Тихон между делом спросил:

- Петро, а мог бы ты ещё раз устроить встречу с Наташей?
- Запросто.

Обещание Петро сдержал. Через пару дней весёлая гурьба молодых людей вновь отправилась к Наталке.

Гостям выставили угощенье. Вскоре многие заметили расположение Наталки к чужаку, но Тихона мало волновали косые взгляды, он был не из робкого десятка. Однако за столом сидел человек лет сорока пяти, с мнением которого очень даже стоило считаться. Это был Савва – отец Наталки, мужик крепкий и задиристый. Он был слегка подвыпивший и всем видом демонстрировал своё недовольство по поводу выбора дочери. Неожиданно Савва, полушутя-полу-всерьёз, схватил Тихона своей цепкой пятернёй за бороду и сказал: «Ну, нехай це наші хлопці зібрались, а цей кацап чоґо сюди заліз?»² Наталка испуганно замерла, а остальные глядели внимательно на Тихона, ожидая его ответных действий. Тихон молча своими сильными пальцами мягко разнял кулак Саввы, затем смиренно и с любовью поцеловал ему руку, демонстрируя своё уважение и покорность. Отец Наталки был обезоружен. Все поняли, что он в глубине души стыдится своей выходки.

Наутро, поразмыслив, Тихон принял решение задержаться ещё на некоторое время в городке. Наталка не выходила у парня из головы. В те времена назначить девушке свидание вне её дома было не так просто. Пообщаться наедине можно было, разве что встретившись ненадолго у колодца или в церкви после богослужения. После молитвы «Отче наш» люди обычно выходили из храма пообщаться. Тогда-то Наталья и Тихон могли обменяться улыбками и поговорить. Но дома у Натальи стали возникать размолвки: «Он поиграет с тобой, уедет и поминай как звали».

¹ Самогон

² Ну пусть это наши хлопцы собрались, а этот кацап зачем сюда залез?

Однажды при встрече с Тихоном Наталка, опустив глаза, сказала: «Ты, москаль, сегодня здесь, а завтра уедешь и я одна лышусь». Тихон огляделся по сторонам и, увидев купол храма, увенчанный сверкающим на солнце крестом, произнёс: «Вот крест – свидетель, что я буду тебе верен». Наталья, осенив себя крестным знамением, ответила: «Клянусь и я, что останусь тебе верна». Нужно заметить, что такие клятвы в те времена просто так не давались. Затем Тихон твёрдо сказал девушке: «Завтра же я приду к твоим родителям свататься». Вечером Наталья рассказала обо всём родным.

– Наталко, одумайся, доки не пізно, неже немає наших хлопців? – увещевала мать.

– Так я же вже клятву дала, куди тепер дітись?

– Дурна була, того й клялась. От що я тобі раджу: збирайся скоренько зараз, та йди до тітки Марфи. Завтра він прийде, а ми йому скажемо: «Наталки немає – приходи, коли вернется». А ти там поживи, може йому надоїсть чекати, тай поїде додому. Так ти і не відмовиш і, не вийдеш заміж за нього.³

Наталка, покоровившись родителям, отправилась в дорогу. Знакомый близкий путь через поля представлял собой две колеи от саней в снегу. Тяжёлые мысли угнетали девушку, а ноги, будто сами, послушные не её воле, а какой-то жестокой неизбежности шли и шли, уводя Наталью всё дальше от счастья, которое, казалось, ещё только вчера она держала в руках. Её взгляд порой устремлялся в небо, словно посылавшее ей немой укор: «Ты же клялась!». Тишину полей нарушал только хруст снега под ногами.

Вот-вот покажется соседнее село – место её будущего временного «заточения». Неожиданно от горьких мыслей Наталку отвлекли непонятные чёрные точки, стремительно движущиеся ей навстречу. Зоркие молодые глаза разглядели вскоре вытянутую цепочку бегущих животных. «Собаки? А почему их так много? Неужто волки?!», – ужасная догадка мелькнула в сознании девушки, хотя волков здесь встречали редко. Наталка замерла, не зная, куда укрыться. Невольно зашептали уста: «Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешную!». Волки бежали трусцой, занимая обе колеи. «Это мне наказание за то, что я нарушила клятву, данную Тебе, Господи! Если Ты помилуешь меня, если не дашь погибнуть, вернусь и выйду за него замуж». Хищники тем временем приближались. Наталья замерла и положила на волю Божию. Она неустанно повторяла молитву: «Господи, помилуй, Господи, прости!». Неожиданно, самый крупный волк, оказавшийся в одной колее с Наталкой, перескочил на соседнюю, и вся стая, следуя за ним, пробежала мимо. Долго, оцепенев от страха, стояла девушка. А затем отправилась в обратный путь. Уже вечерело, когда она постучалась в заиндевелее окно своей хаты. Все были в недоумении:

– Наталко, що сталося, чого ти повернулась?

– Ось чекайте, що я вам зараз розповім...⁴

³ – Наташа, одумайся, пока не поздно, неужели нет наших парней?

– Так я уже клятву дала, куда теперь деваться?

– Дурная была, потому и клялась. Вот что я тебе советую: собирайся быстренько и сейчас же иди к тётке Марфе. Завтра он придёт, а мы ему скажем: «Наталки нет – приходи, когда вернётся». А ты там поживи, может, ему надоест ждать, ну и поедет домой. Так ты и не откажешь, и не выйдешь замуж за него.

⁴ – Наталка, что случилось, зачем ты вернулась?

– Вот подождите, что я вам сейчас расскажу.

Наталья подробно поведала близким о своём приключении. Присутствующие перекрестились на иконный угол. „Ну що ж, доню, така, видно, твоя доля – бути його жінкою”⁵, – сказала мать.

На другой день явился Тихон. К встрече с ним уже готовились. Мать с отцом иконой благословили молодых, счастьем которых не было границ.

Прожили Тихон и Наталья счастливую жизнь и в глубокой старости в Бозе почил. Послал им Господь четырёх дочерей – Марию, Ольгу, Анастасию, Евдокию.

Сергей БАГНЮК,
член СП Приднестровья,
руководитель Тираспольского отделения СП.

«РАДУЙТЕСЬ ВСЕ!»

Хористы в профиль, когда открывают рты, похожи на рыб. Никто не пел. Обращённый ко всем вопрос взбаламутил тихие воды маленького церковного прихода. Кто-то торопливо проговорил: «Я к детям еду на Рождество... так бы, конечно...». Почти всем беженцам нашли жильё. Оставалось определить куда-то только последнего. Регент не сдавалась: «Да, ходит слух, он необычный немного, но я видела его... Поверьте, он чудесный! Тёть Люд, у вас же есть свободная комната?». Ей пришлось согласиться. Поступить иначе противоречило всей её богобоязненной сущности. Это означало вести себя не так как должно.

Ковыляя по тёмному проулку домой, Людмила с негодованием думала: комната у неё есть. Но почему именно она, в свои семьдесят пять, с гипертонией, должна поселить у себя в квартире беженца, да ещё мужчину. Это, как минимум, неэтично. Ей казалось, что обида и ужас перед чужим человеком, который вскоре появится в её доме, распирают не только голову, но и старый тесный берет.

.....

Парадное спросонья заморгало лампочкой. В сумке истерично вопил телефон. Алиса зажала коленями и локтями пакеты, выудила его, но он обиженно замолчал. Высвободив из перчатки красный от холода большой палец, девушка проворно просмотрела пропущенные звонки. Светка! Алиса и сама хотела вызвонить её. Рассказать, что родители уехали, а Сашка поживёт у неё. Она давно решила, что у них должно *это самое* произойти. Телефон заорал снова. Алиса чиркнула пальцем по экрану. «Радуйся, женщина! Я к тебе наконец-то еду!» – крикнула ей Светка в своей манере. «Едешь? В смысле? Ты что в поезде?». Назревал огромный облом. «Не, я билет покупаю. Уговорила своих отпустить меня к тебе на каникулы. Женщина! Сколько мы с тобой не виделись?». «Да-а... – проямлила Алиса, – а почему раньше не сказала?». «Думала сюрприз... Ты не рада? – Светкин голос испуганно замер. – Или... я не в тему?». Парадное задремало, лампочка выключилась, видимо, решив, что Алиса больше не живой человек. «Алис, ты там? У меня телефон садится. Брать билет?». «Да-а, конечно», – проямлила Алиса в трубку. Связь прервалась. Ощущая только выскальзываю-

⁵ Ну что ж, доченька, такая, видно, твоя судьба – быть его женой.

щие пакеты, а из пакетов выпрыгивающие мандарины, Алиса впихнулась в свою квартиру. Пакеты с облегчением грохнулись на пол. В них были купленные для Саши банки с пивом, чипсы, продукты, целая упаковка со свечами и новое платье ... Алиса мечтала, чтоб именно в таком платье у неё началась первая романтическая ночь. Но «романтик» накрылся медным тазом. Едет её любимая подруга, которая никогда не может ни о чём предупредить. Неужели это сложно так? Как Саше об этом сказать? А если он бросит её? Ну почему Светка вздумала приехать именно в это Рождество? Алиса ждала её в прошлом и в позапрошлом году... Зря только деньги потратила на все эти покупки. Алисе захотелось что-нибудь разнести вдребезги. Нет! Пусть лучше Светка сдаёт билет. Так и напишет ей сейчас. Сама виновата. Почему не предупредила? Алиса протопала по ковру в грязных ботинках и включила компьютер. Нервно дёргая мышку, она думала о том, что они со Светкой вряд ли увидятся. Летом она улетит навсегда за океан.

.....

Это мог быть обычный спам: горящие путёвки, супер-скидки на всякую фигню. Но почему-то Катя ощутила: будто желудок пристегнули на невидимую кнопку к позвоночнику и сразу же, как в прежние времена, захотелось курить. Не может быть. Они уже давно не общались. Мать оставила их с мужем в покое лет пять назад. Сделалось возможным жить и даже подарить жизнь здоровым близнецам. Мать узнала о внуках из каких-то своих источников. Катя из своих знала, что она знает.

Гришка подал голос из соседней комнаты – то ли сообщил финальный счёт матча, то ли деликатно напомнил про ужин. Она не ответила. Он снова пробубнил то же самое, прибежали дети, стали требовать мультики. Кате захотелось выгнать всех, закрыться в своей комнате наедине с письмом. Отправив детей к Грише, она вцепилась в компьютер и вошла в почту. Сгорбившись, почти нырнула в монитор. Интуиция не подвела. Мать писала: «Катерина, мне очень нужно с тобой поговорить. Разреши приехать в эти праздники. Надеюсь, моя просьба не нарушит ваши планы».

– Опять она? – Гриша оказался за Катиной спиной и положил ей руки на плечи.

Катя прикрыла их своими. Помолчала.

– Просит разрешения приехать.

– Что ответишь?

Катя встала. Даже мысль о ней вызывала удушье. «Это рефлекс», – как-то сказал Гришка. В детстве мать насильно пихала в неё полезный тыквенный суп, свои правильные принципы, взгляды, предрассудки, закутывала в одежду, подобающую, по её мнению, благопристойной девушке. Пытаясь избежать ссор, Катя всё это глотала или надевала на себя. Когда становилось невмоготу, уходила, кочевала по подругам и общежитиям, дозванивалась на отключённый телефон, стояла поздно вечером под её окнами, проверяла, включился ли в квартире свет. Выждав месяца два, мать принималась писать длинные письма, в которых обстоятельно и подробно живописала свои страдания. А потом следовало возвращение блудной дочери, покаяние, неделя удушающего мира, снова бойкот, изгнание из рая и письма... Катя ушла от неё к спокойному, как слон, Гришке, и они уехали в другую страну.

– Напиши всё как есть. О чём вам говорить?

– Ладно, Гришек, – ответила Катя, – пойду пройдуся до магазина.

.....

В супермаркете было тепло. Замёрзшие руки постепенно отогревались. Маша с пустой тележкой то и дело создавала пробки. Её теснили, толкали, обгоняли, заставляя прижиматься к стеллажам. Она замирала, думая о своём, доставала с полок печенье, крупы, чай, щупала их, колукала ногтем упаковки, невидящим взором читала надписи на латыни и ставила всё на место. Забрела в отдел косметики и остановилась возле красок для волос. А что если перекраситься и уехать? Хотя б месяц пожить, будто ничего не случилось. Радостный лопоухий старик топтался неподалеку от неё и грубыми, потрескавшимися пальцами перебирал флаконы с губной помадой. Поймав Машин взгляд, он шевельнул губами, будто собирался пошутить, но она поспешно отвернулась и пошла прочь. Нагуляв боль в пояснице, кинула в тележку два сырка и подошла к кассе. Продукты, пачки с туалетной бумагой, моющие средства и люди медленно двигались каждый по своему конвейеру. Машу внезапно охватил приступ паники, стало душно, закружилась голова, она хотела вырваться из очереди... Оглянулась. Позади оказался радостный старик. Его тележка была завалена до отказа продуктами и загораживала отступление. Вперёд не давала пройти собственная тележка. Пришлось успокоиться и ждать. Старик со вкусом рассказывал коротко остриженной молодой женщине какой-то анекдот. Она вежливо кивала, а сама скользила взглядом по сигаретному стенду. Маша прислушалась и поняла, что вовсе это не анекдот, а рецепт её любимого морковного цимеса. Старик составлял меню для едущих к нему на праздники дочери, зятя и внука. Он накупил им подарков, а дочке ещё и помаду. Она звонила из аэропорта расстроенная, потому что потеряла свою. На лице женщины ясно читалось желание курить и насмешливое удивление – что за птица такая дочь его. Через каждые две минуты радостный старик вдруг обеспокоенно замолкал и виновато спрашивал свою собеседницу, не утомил ли её. Она улыбалась и мотала головой. Маша успела заметить, как сильно она сжимает при этом челюсти, стараясь не выдать своё раздражение. Старик это, кажется, чувствовал, но от неловкости начинал снова рассказывать, перемежая свою речь шутками.

Они догнали Машу, когда она завернула к Андрею во двор. Радостный старик и женщина прошли мимо и скрылись в подъезде. Соседи. Он так и не дал ей купить сигареты, и теперь она злилась. Маша злилась на себя, что не взяла торт, коньяк или что-то подходящее, уместное, чтобы сказать Андрею... Но сил возвращаться не было.

Старый лифт, покряхтывая, поднял наверх. На звонок открылась дверь соседской квартиры. Из неё выглянул малиновый гриб – женщина в круглом вязаном берете. Маша почувствовала себя долгожданной мишенью, в которую предвкушают вонзить стрелу. Взъерошенный, красный со сна Андрей тоже открыл дверь. Задрав голову и потрясая, как индюк складками на шее, женщина намеренно громко поздоровалась с ним. Потом с аппетитом прищурилась и, оглядев Машу, спросила Андрея, как поживает его мама, намереваясь продолжить разговор. Но возлюбленный буркнул «нормально», втолкнул гостью в квартиру и захлопнул дверь.

Людмила вернулась к себе. Вот молодёжь пошла! Ни стыда, ни совести. Ночью спать не дают – то музыка стучит по голове, то кровать. Даже о помощи попросить не дадут. А девица эта могла бы и поздороваться. Каждая раздражающая мелочь болезненно отзывалась в Люде, потому что она уже предчувствовала

чужие вещи в своём привычном спокойном бытии и мысленно продолжала убеждать всех, что никак не может поселить у себя незнакомого человека. «Провода из розетки торчат – не дай Бог что случиться! Квартира старая. Да и страшно... кто он? А вдруг чего...».

.....
Её вещи – носки, трусы, лифчики, колготки, косметика – вырыли глубокие норы в его квартире: прижились в платяном шкафу, тумбочке и даже на книжных полках. Андрей содрал с себя батник, хотел пихнуть в шкаф, но места не оказалось. В голове тоже было тесно. Разговор с ней прокручивался снова и снова, разбухая от собственных эмоций.

Ушла. Ну что он должен был сказать ей? Какая семья, какой ребёнок? Они только универ закончили. У него зашибенная стажировка наклёвывается. Что теперь – отказываться? Гробить карьеру? Родители зря за границей корячатся? Да, в самом деле, что там зародыш понимает? Делают трагедию на пустом месте, а девушки вроде Маньки ведутся, читают сопливые истории про нерождённых детей и плачут. А на планете и так перенаселение. Переживёт. Сама потом спасибо скажет. Зря, конечно, он так орал на неё. Но как тут не закричишь. Новости такие, да ещё когда и так у него забот по горло.

Андрей пролежал целый вечер на диване и проснулся утром от того, что планшет соскользнул на пол. Поднял его. Проверил все соцсети. В пространстве виртуального мира Маша не появлялась уже сутки. Набрал её номер – длинные гудки. Позвонил подруге. Нагрубила, но сказала, что Маша в больницу поехала. Вроде как отлегло. Правильно, что поехала. Андрей вздохнул, пошёл на кухню, рассыпал кофе. Выругался. Включил музыку. В голову лезли ненужные мысли.

Целый день она не отвечала. Андрей, оформляя документы для стажировки, пытался вспомнить название больницы, в которой работала врач Маши. Подруг спрашивать не хотелось. Он злился на них, что вечно лезут со своими мнениями, куда не следует. Успел обматерить про себя местных врачей. Вечером потягал железо, лёг на диван, раскидав длинные худые ноги. От участвовавшего сердцебиения слегка качало. На всякий случай глянул на люстру. В память настёрно лезло воспоминание из детства. Мать ругалась с отцом на кухне, припоминала ему все старые обиды. Андрей прислушивался, вжимаясь лицом в подушку. Мать говорила о нём, о том, что не хотела его, что он, Андрей, родился слишком рано и поэтому она всё время болеет. Интересно, а кто бы у них с Машей родился, если бы родился? Сердце заколотилось сильнее, Андрею показалось, что качается диван. На кухне что-то упало, закрипели шкафы и задребезжали стёкла. Андрей резко подскочил. Люстра моталась из стороны в сторону. Ноги стали ватными и в желудке кувыркнулись съеденные пельмени. Схватив телефон и куртку, он выскочил из квартиры и побежал вниз.

В кромешной тьме двора, как на дне глубокого водоёма, кипела жизнь. Вздораженные соседи оживлённо обсуждали свои ощущения в момент, когда землетрясение началось. Люди зачем-то рассказывали друг другу, что именно у них в квартире шаталось, моталось и скрипело. То и дело раздавались звонки, монологи повторялись для родных и друзей.

Андрей посмотрел на тётю Люду, которая стояла рядом, и заметил, что она без берета. Густые растрёпанные волосы молодо торчали во все стороны. Не облысела,

значит. И лицо какое-то странное – юное даже и радостное. В детстве, когда Андрей забывал ключи, а родителей не было дома, она всегда забирала его к себе. Кажется, её муж был не очень-то этим доволен, но она всё равно кормила Андрея, а он рассказывал ей про устройство самолётов. В её квартире пахло духами и пирогом. «Тётъ Люд, если вдруг чего надо помочь, говорите!» – неожиданно предложил он.

– Ой, спасибо, Андрюша! – обрадовалась та. – Розетку бы поменять. Сама я привыкла, но ко мне приезжают...

Соседи, как рыбки на приманку, подтянулись на разговор.

– Родственники приезжают? Наши тоже. Как снег на голову. Пришлось поездку в горы отменить.

– Нет. Приезжает... беженец. Я ещё не видела его.

– Людмила Степановна, да вы святая, честное слово! Тут близких не всегда радостно у себя видеть...

«Вот уж точно!» – засмеялся Гриша, обнимая Катю и детей. Андрей, отключившись от соседской болтовни, упорно набирал Машу и её подруг. Никто не отвечал. Что-то случилось. Ещё это землетрясение.

Внезапно над парадным вспыхнула лампочка. Из подъезда вышел маленький лопоухий старик с большой сумкой в руках. Абрам Иванович или Иван Абрамович. Он жил на четвёртом этаже, работал дворником.

Соседи хмыкнули: не прошло и полгода – проснулся и барахлишко прихватил! Старик поднял приветственно руку, широко улыбнулся и спустился в темноту. Лампочка погасла.

– Абрам Иванович! – окликнула его Катя, – а что ваши, приехали?

– А я встречать их еду!

Старик подошёл к каждому, пожал им руки, посмотрел в глаза, улыбнулся. Ушёл.

– А как он их встречать-то поедет? Транспорт не ходит уже... – всполошились все.

– Да никто к нему не приехал! – подала голос семнадцатилетняя Алиса. – И зовут его Иван Абрамович. Он мой сосед, барабанщик бывший. Нет у него никого. Погибли все. Мама говорила – остался только племянник. Он всё выжить дядю из квартиры хотел. Вот, видимо, и выжил, а, может, Иван Абрамович сам ушёл. Он... того немного. Всё время боится кому-то помешать. А вообще человек приятный, общительный, анекдоты любит. Вчера мне помаду подарил, говорит, я на его дочку похожа.

Все замолчали. Булькнул телефон. Андрей вздрогнул. Нет, не ему. Алиса отошла в сторону. Светка писала, что стоят на границе. А на небе звезда огромная. Алиса задрала голову, но ничего не увидела – облака. «А тут ясное небо и звезда!» – продолжала строчить Светка. Алиса представила её округлённые восторженные глаза и улыбнулась. «Пусть катится подальше этот Сашка! Светка даже издалека всех на чистую воду выведет».

Катя думала о матери. Приедет ли? Ей казалось, что она ей не мать вовсе, а забытый ребёнок, которого просто нужно полюбить.

– Смотрите, какая звезда! – закричала Алиса, указывая на внезапно очистившееся небо. Огромная!

– Спутник, наверное, – отозвался Гриша, задрав голову. Сейчас глянем какой!

– А как, дядь Гриша? – заинтересовалась Алиса.

- Приложение специальное. Вот так наводишь на звёзды.
- Странненько...
- Что там, Гришек?
- Да программа не находит эту звезду!

Людмила тоже смотрела на небо и видела звезду над ними. Всё, как во сне, который приснился вчера. Загадочный беженец – тот, кого все ждут! А вдруг это правда? И теперь всё на земле станет по-другому? Волна сладкой будоражающей радости накатывала, сжимала сердце, а потом вдруг отступала, оставляя её унылое старое тело, сомнения и страхи. В голове пульсировала засевшая со вчерашней репетиции песня. Слова, как просила петь регент, мерцали вспышками в голове: «Он пастухам! Вѣсть возвестил! Рáдуйтесь все!».

Снова булькнул мобильный. На этот раз у Андрея. «Я решила. Он родится», – прочитал он.

Татьяна ВОЛОШИНА-ОРЛОВА,
член правления Ассоциации русских писателей РМ

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Хотите верьте, хотите нет, а произошла эта история в маленьком непризнанном государстве, вернее, в одном из его сёл, как раз в ночь перед Новым годом. Наверное, это самое весёлое село в республике, над жителями его всегда подшучивают, как в России над чукчами. Например, спрашивают: «А знаете, как воротняцы борются с мухами?». А потом сами же отвечают: «Они загоняют их под шкаф, а потом у шкафа отпиливают ножки».

Да, весёлое село...

Прежде чем пойти к куму праздновать Новый год, решил старый хохол Василий заглянуть к своей корове Зорьке, которая уже перестала доиться, мало ей оставалось до отёла. Хозяин, как задаст на ночь корму, приходил всегда перед сном проведать её: всё ли в порядке. Вот и сейчас поспешил – не вздумалось ли ей подарить телёнка к Новому году? «Хорош был бы подарочек!», – размышлял Василь. Ведь с тех пор, как кормилица перестала доиться, им с женой да внучкой приходилось туго. На одну пенсию не разживёшься, конфеты любимой внучке покупаешь с оглядкой: а хватит ли на хлеб? С такими мыслями подходил он к хлеву. Было уже темно, но звёзды освещали дорогу, месяц висел над крышей и сиял перед Новым годом, как и положено по повестям великого Гоголя.

Улица, на которой жили кумовья, выходила к речке. Дома здесь в основном саманные. Многие заброшены: заколоченные или выбитые окна, поломанный забор, заросший двор. Хозяева подались на заработки. А некоторые уже привезли «копеечку». Это тоже чувствовалось: заново отстроенные двухэтажные особняки с выложенными плиткой дворами, высокими заборами, гаражами и новенькими машинами.

Василь жил в старом саманном доме, аккуратно побеленном известью. В доме под камышовой крышей, что уже редко встретишь даже в селе. Он напоминал украинскую хату гоголевских времён. Может, ещё тогда и был построен, но

хозяева всё время подправляли его и содержали в приличном состоянии. Окна и двери аккуратно выкрашены голубой краской. Забор деревянный, а ворота железные с кружевной вязью из стального прута – отличительная черта ворот южной местности – того же цвета, что и забор, на них – красные тюльпаны. Василь был маленьким, сухоньким, очень живым старичком, с подстриженными седеющими на висках волосами. Свисающий на одну сторону чуб прикрывал половину его морщинистого лба. Глаза всегда прищурены, будто всё, что он разглядывал, представляло для него огромный интерес. Оттопыренные уши придавали его облику уверенности. Ходил по привычке в рабочей спецовке, несмотря на то, что на трактор давно не садился. Большие мозолистые руки говорили о том, что и сейчас этот мужик не сидел без дела.

На ощупь он подошёл к загородке, включил фонарик, осветил в ясли: не надо ли добавить корма, пусть попразднует Зорюшка, в Новый год и божьей твари не грех порадоваться. В яслях что-то белело. Наклоняясь поближе, он увидел... не может быть! Маленького ребёнка! Младенец сантиметров пятидесяти, точь-в-точь новорождённый, с закрытыми глазами лежал в уголке яслей и, видимо, спал. На головке белый ситцевый чепчик, а сам завернут в большой цветастый платок его жены, висевший накануне во дворе на верёвке.

– Ишь ты! – только и мог вымолвить изумлённый дед. Он был так ошарашен увиденным, что ещё минут десять стоял ошеломлённый, и, когда его ноги получили способность вновь передвигаться, попятился к выходу и потрусил к соседу-куму.

Кум Иван был когда-то председателем сельского совета. Но теперь, выйдя на пенсию, все они сравнялись в должностях, и Иван больше не посматривал свысока на своего кума-тракториста.

У Ивана дом был подобротней, поднят в советские времена из котельца, с рельефом вокруг больших окон, с крышей, крытой шифером, с железными воротами и забором. И сам хозяин был под стать дому: крепкого телосложения, высокий, с лысиной и ещё не седыми усами.

У кума на столе уже стояла бутылка самогонки. Посередине на блюде красовался запечённый в печи гусь, на тарелочке любимое василево копчёное сало да миска дымящегося отварного картофеля. Так по-мужски собирались кумовья отпраздновать Новый год: Иван уже несколько лет жил один, а супруга Василия на праздник поехала к дочери в Одессу, прихватив жившую у них внучку Настеньку. Уставши изрядно, Иван сел передохнуть у стола и в ожидании Василия уже успел пропустить рюмочку, как дверь открылась и ввалился взволнованный сосед.

– Что это ты, кум, задерживаешься, надо же и старый год проводить.

– Там, поди ж ты, это... – только и сумел выговорить Василь. – В хлеву... – добавил он на вопросительный взгляд Ивана. Иван подумал, что корова соседа начала телиться и нужна помощь. Захватив куртку и фонарик, вытолкнув всё ещё стоящего в двери кума, он бодрым шагом идёт во двор Василия, который семенит сзади. Отворив дверь в хлев, убеждается, что корова по-прежнему брюхата и телиться не собирается.

– Ты что, Василь, шутить вздумал, так твои шутки неуместны, когда на столе бутылка первака и по телевизору вот-вот начнётся поздравление российского президента. (Бокалы в Новый год в Приднестровье поднимают дважды: первый раз,

когда бьют кремлёвские куранты, – так и не могут люди избавиться от чувства, что они – частичка великой России; во второй раз через час, когда поздравляет приднестровский президент).

– Там... это... поди ж ты, в загородке, – мялся Василь. Посветив фонариком в ясли, кум отскочил к выходу со словами: «Свят, свят, свят...».

– Где ты его нашёл?

– Да тут же и лежал, – вернулся дар речи к хозяину, – вишь, в платки моей супруги закутанный. Она просила снять, когда высохнут, да я забыл.

– Знаешь что, – шёпотом заговорил Иван, – я думаю, что это второй Иисус Христос родился на Земле. То есть он уже не Иисус, звать его будут по-другому, но это, наверное, сын Божий, потому что он родился в деревне и в коровьем хлеву, как и первый.

– А-а-а где же мать его? Ведь не могла же моя жена в таком возрасте...

– Нет, Мария не могла, хотя... Стоп! Она же Мария! Может, Бог хотел сотворить другое чудо. В первый раз родила непорочная, а теперь... Ведь родила же Сара в старости.

– Нет, Мария бы ни за что не оставила младенца в хлеву, ребёнок был бы счастьем для нас, вот мы и внучку воспитываем.

– Давай-ка уйдём отсюда, чтобы не тревожить сон младенческий, да поразмышляем, что нам дальше делать.

– Ишь, как спит, как ангелочек: и бровкой не двинет, и губками не чмокнет, – посветив в последний раз фонариком, умилился Василь.

– Будет он тебе бровками двигать и губками чмокать, может, ангелы это и могут, а наш – выше, он над всеми ангелами глава, – пробормотал Иван.

Кумовья тихо вышли из хлева и пошли к Василю.

– Ты думал когда-нибудь, кум, что на твою жизнь выпадет такое счастье: присутствовать при втором рождении Божьего сына? Ведь это же бывает раз в две тысячи лет! Бог, наверное, специально выручает человечество и посылает своего сына, чтобы вразумить людей и не довести дело до конца света. И вот мы с тобой оказались самыми достойными, чтобы первыми лицезреть посланника Божьего. За это надо выпить, кум! Приднестровье теперь прославится на весь мир! Это будет второй Иерусалим. Паломники толпами будут стекаться сюда со всех сторон, не придётся теперь ломать голову президенту, где взять деньги на пенсии и можно ли отремонтировать дороги, денежки сами потекут в казну. Наше Воротное станет центром паломничества, а твой дом, кум, да что там дом, вместо него дворец построят!

– А я так мыслю, поди ж ты, что дом сохранят, в нём музей будет.

– Да, конечно, кум, как же до меня не доехало, конечно, это ведь историческая ценность, и сарай твой сохранят, стенку-то у сарая подправить давно надо было, вот-вот обвалится. Так давай размышлять, Василёк, нам надо найти мать Божию. И сделать это требуется до рассвета, утром нужно показать младенца народу, утаивать такое событие – грех. Считаю, что Господь возложил на нас эту миссию, раз мы первыми Его увидели, а как же без Богородицы... Может, это какая-нибудь дева родила и сама испугалась, что без мужа, да и сбежала от ребёнка? Нам надо найти и вразумить. Давай переберём, кто бы это мог быть из наших девчат. Времени у нас остаётся немного, а их знаешь сколько, девок подходящего возраста? Около трёхсот, я по регистрации примерно помню. Здесь нужна женщина!

– А ну, поди ж ты, зайдём к нашему куму, баба его, Полина, должна быть дома.
– Не опасно это – рассказать женщине такую тайну?
– У нас нет другого выхода, к тому же завтра, даже уже сегодня, об этом всё равно будут знать все.

– Буна сара или буна диминяца, дражь приетень!

Это из соседнего дома вышел третий кум. Он, в отличие от первых двух, на Новый год был при жене, потому и праздновал семейный праздник дома, но, видно, уже хорошо отпраздновал и вышел прохладиться на улицу. Тудор был высоким, можно было бы сказать стройным, если бы не годы, согнувшие плечи: живот подобран, нигде ничего лишнего, но жизненная сила человека, привыкшего к земле, чувствовалась в нём до сих пор. Жилистый – говорят про таких людей. Господь смешал на этой земле несколько наций и несколько языков, но люди от этого не страдают, давно уже научились понимать друг друга.

– А мы, кум, как раз собирались к вам зайти.

– С Новым годом! С Новым годом! Ла мульц ань!

– Твоя Поля дома ли?

– А где ж ей быть? Выпила со мной по чарочке, посмотрела Николаева, Киркова да и готовится спать.

Поверх рубашки носил Тудор молдавскую телогрейку из овечьей шкуры, украшенную узорами из чёрной кожи, а на голове старую выцветшую шляпу. Потрёпанная, непонятно какого цвета, но шляпа(!) – атрибут уважающего себя молдаванина.

– Тут такое срочное дело, веди нас к ней, пока не заснула.

– Что за дело может быть в новогоднюю ночь, разве что стакан доброго молдавского вина! Сейчас схожу в подвал, принесу свеженького! Заходите!

– Ты нас послушай, Поль, в новогоднюю ночь нам такой сюрприз выдался!

– Какой сюрприз, мэй! Давайте выпьем сначала за него, потом расскажем! – входя, проговорил кум.

Пока Иван излагал суть дела, а кум с кумой слушали его, то выпучивая от недоумения глаза, то покачивая головой и почёсывая затылок, все вместе успели опустошить два кувшина вина.

– Богородицу нам, похоже, уже не найти, но хотя бы отыскать подходящую молодую девушку, которая бы согласилась стать матерью небесного посланца, – закончил Иван.

Полина, подхватив юбку и набросив телогрейку, побежала выполнять поручение Ивана, а все три мужика отправились посмотреть на новорождённого.

Фонарик выхватил из темноты розовощёкое личико младенца. Глазки были по-прежнему закрыты, только реснички слегка вздрагивали, когда кто-нибудь из них наклонялся над яслями и надавливал на верхнюю жердь.

– Ишь, щёчки раскраснелись, не замёрз бы он здесь, – сказал кум Тудор, снимая с себя кожух и укрывая им младенца.

– Не замёрзнет, на улице, как по заказу, зима не зима, плюсовая температура и в хлеву тепло, да и святой же он, – заметил Иван.

– Может, его всё-таки в дом перенести? На кровать положить, ведь человеческого образа дитя, – продолжал Тудор.

Иван помедлил, раздумывая, и наложил резолюцию:

– Не положено, народ должен увидеть, где родился посланник.

На цыпочках все трое удалились из хлева и пошли ждать результатов действий Полины.

А та тем временем, наметив себе план из тех домов, где есть девчата на выданье, пошла на разведку. Но увы, скоро Поля вернулась, не солоно хлебавши. Сказала с грустью, что Богородицы нынче, оказывается, не в моде.

– Дуры девки, отказываются! Здесь же завтра такое начнётся! Сидела бы себе на троне, как королева, и царство небесное, как Дева Мария, получила бы.

Что же делать? Сговорились Богородицей объявить тётку Полину.

Но на всякий случай Полина решила позвонить в Одессу, там жила их племянница Лучика. Уж ей-то эта роль непременно подойдёт: скромна, образована, хорошо воспитана.

Заснуть кумовья, конечно, уже не могли, у них появилось время подробнее обсудить события. Начал Иван:

– Да, теперь Приднестровье прославится, благодаря нашему Воротному. Ведь со всего света люди пойдут. Вон в Иерусалим, сколько лет прошло, а всё идут. Понастроят гостиниц разных, туристских комплексов. Хотел бы я посмотреть, как будет наш младенец всех исцелять.

– Погоди, нехай вырастет, а это ещё лет двадцать. Доживём ли? – продолжил Василь, а Тудор всех успокоил:

– Ничего, мэй, мы попросим младенца, чтобы он продлил нам жизнь хотя бы до ста лет. Хочется взглянуть, какая жизнь будет. Пожить бы хоть немного на старости лет в тепле, чтоб не надо было беспокоиться, что за газ да за свет много платить, не думать, хватит ли на хлеб да сало до пенсии.

– А по Турунчуку, наверное, корабли будут плавать прямо из Чёрного моря, и будет у нас тут в плавнях целая гавань, не хуже, чем в Одессе. Набережную гранитную сделают, скульптуры поставят, фрумос! – мечтательно произнёс Тудор.

– Что ты понимаешь, фрумос! – передразнил Василь. – Да лучше той красоты, что сейчас здесь есть, уже не будет. Выйдешь на рассвете – соловьи поют, заливаются, друг перед другом выхваляются. Один коленце высвистит, другой к нему ещё прибавит, а третий такую замысловатую мелодию загнёт, что ни на каком фонтельяно, ни на какой флейте не передашь. А воздух! Хоть пей его, целый день сыт будешь!

Вскоре забрезжил рассвет. В ворота постучали. Это были две женщины с соседней улицы.

Вышла Полина:

– Чего вам, хозяйюшки?

– Правда иль нет, сказывают, у вас тут младенец Божеский нашёлся, посмотреть бы.

– Правда, но сейчас он ещё спит, мы сами не трогаем его и даже в дом не переносим. Так что идите, празднуйте, потом обо всём узнаете.

Но женщины не ушли, а, судача, так и остались дожидаться у калитки. Минут через пятнадцать к ним прибавились другие, а через полчаса там уже стояла толпа, всем хотелось взглянуть на Божественного младенца. Народу всё прибавлялось и прибавлялось.

Полина запретила мужчинам заходить в хлев, чтобы гул толпы не разбудил дитя:

– Сам проснётся, его плач будет нам колокольчиком, он возвестит всем людям приход сына Божьего. Вся толпа должна будет встать на колени и молиться. (Об этом она предупредила народ). И теперь все ждали, когда младенец проснётся.

– Много храмов построят вокруг, святая земля будет.

– Недаром Бог избрал наше село для рождения сына, праведные люди тут живут, зря подсмеиваются над воротнянцами.

Часа через полтора нетерпеливо начали спрашивать:

– Отчего он так долго спит? Другие младенцы уже давно проснулись и сосут мамкину титьку.

– Так ведь божественный же, – отвечала Полина, хотя сама уже начала сомневаться; а вдруг не заплачет, может, он вообще плакать не будет. Она тянула время, чтобы дожидаться приезда Лучики из Одессы. Не сомневалась, что племянница согласится стать Богородицей, ведь она разумная девушка.

В ворота настойчиво постучали. Полина сразу подхватила и побежала: не разбудили бы. Во двор зашли Марценюки: отец мать и дочка Анжела.

– Согласна я! – начала Анжела. – Когда папа с мамой мне всё рассказали, я была недовольна, что они всё за меня решили, а теперь я согласна стать Богородицей.

– Да мы вот тоже подумали: раз дочка хочет, так тому и быть.

– Видите ли, теперь вы опоздали, девушка, которая родила младенца, сильно испугалась, она была в смятении, потому что ни сном, ни духом не подозревала о своей беременности, а теперь она поняла свою оплошность и позвонила нам по мобильному, что едет сюда.

Доведя Марценюков до ворот, она встретила здесь Екатерину с Вероникой, которые, протискиваясь сквозь толпу, говорили всем, что их звала Полина. Та завела их в веранду и сказала, что нашлась настоящая мать ребёнка и должна подъехать с минуты на минуту.

Проталкивалась сквозь толпу Надя, крича:

– Я, я – Богородица, пропустите меня, я держала себя непорочной, для того чтобы родить божественного младенца! Я знала, что так велико моё предназначение! Почему вы меня не пропускаете? Да вы у меня в ногах будете валяться, когда я со своим Сыном Божественным буду сидеть на троне!

Наконец, она добралась до ворот и, не дожидаясь приглашения, открыла их и зашла.

– Тётя Полина, я пришла, Вы меня позвали, и я пришла, я одумалась.

Полина проводила Надю огородами. И здесь уже улица наполовину была заполнена людьми. Другие девушки тоже были не прочь назваться Богородицей. Василь, вставший на воротах, уже никого не пропускал. Кто-то из толпы предложил:

– Давайте устроим конкурс на Богородицу!

Полина объявила, что Богородица нашлась, сама выйдет с дитём к народу. Наконец, по толпе пронеслось:

– Машина едет, сказали, что к Василию.

Машина медленно, гудя, проезжала сквозь взбудораженную толпу.

– Богородица, Богородица едет! – пытаюсь заглянуть в её затемнённые стёкла, шептали люди.

Многие бросали в машину невесть откуда взявшиеся цветы.

Подъехав к дому, машина остановилась. Из неё вышла племянница Полины Лучика, жена Василия Мария и внучка Настенька. Внучка сразу бросилась на шею деду, а потом разжала ручонки и побежала к хлеву.

– Куда ты? – остановила её Поля, – нельзя туда сейчас.

– Тёточка, я только ненадолго, я там игрушку свою оставила, – заплакала Настя.

– Иди потихонечку, возьми свою игрушку, – приоткрыв узкую щель, разрешила Полина.

Настя исчезла в сарае.

Через минуту дверь растворилась, вышла Настя с тем самым младенцем на руках, закутанном в бабушкин платок, лежавшим ещё недавно в яслях.

Народ обомлел. Тут только все участники этой истории: Полина, Василь, Тудор, Иван, Лучика увидели, что это большая кукла. Кто же виноват, что сейчас делают таких кукол: не отличишь от спящего ребёнка, тем более в темноте.

Настёна подбежала к бабушке:

– Бабуля, посмотри, какую куклу мне Дед Мороз подарил! Я её вчера под ёлочкой нашла!

Как тут быть? Решили старики вывести к зрителям Настю. Девочку посадили на капот машины, и автомобиль с малышкой и куклой в её руках медленно продвигался по улице. Лучика шла рядом и придерживала девочку, говоря: «Вот Богородица!».

Улица взорвалась смехом. Такого дружного хохота не слышал ни один зрительный зал. В толпе приговаривали:

– Ай-да старики! Умудрились разыграть целое село!

Надолго запомнили воротнянцы это новогоднее представление. Хорошо, что догадались Василь и Иван окрестить эту святочную историю шуткой.

Татьяна БУРЛАК,
член Союза писателей Приднестровья

(Печатается в сокращении)

Редакция журнала «Русское поле» вновь предоставляет информацию, интересующую многих наших сограждан. Мы знакомим читателей с положениями Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

В настоящее время в реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, принимают участие 63 региона России. В 2017 году в неё включилась Республика Татарстан, в 2018 году – Кировская и Владимирская области. В ближайшее время должны начать работу по приёму соотечественников Ивановская область и Республика Саха (Якутия). Программы переселения этих субъектов согласованы Правительством Российской Федерации и в настоящее время проходят процедуру утверждения на региональном уровне.

Участие в Государственной программе вправе принять соотечественники, проживающие за рубежом либо постоянно или временно проживающие на законном основании на территории Российской Федерации (по разрешению на временное проживание или виду на жительство), и члены их семей.

В соответствии с Госпрограммой членами семьи участника Госпрограммы являются супруга (супруг), дети, родители, родные сёстры и братья участника Государственной программы и его супруги (супруга); дети родных сестёр и братьев участника Государственной программы и его супруги (супруга), бабушки, дедушки, внуки.

Следует иметь в виду: совершеннолетний член семьи участника Государственной программы, за исключением его супруги (супруга), имеет право самостоятельно участвовать в Государственной программе.

Чтобы стать участником Государственной программы, необходимо соответствовать следующим требованиям:

- достижение 18-летнего возраста;
- обладание дееспособностью;
- соответствие требованиям, установленным Государственной программой и региональной программой субъекта Российской Федерации, избранного соотечественником для переселения;
- владение русским языком (устным и письменным) на уровне, достаточном для быстрой адаптации среди принимающего сообщества;
- соответствие требованиям на получение разрешения на временное проживание на территории Российской Федерации (в случае если получение разрешения на временное проживание необходимо).

Решение об участии в Государственной программе принимается соотече-

ственным добровольно на основе осознанного выбора им места проживания. Соотечественник выбирает регион для переселения самостоятельно из числа регионов, участвующих в реализации Госпрограммы, с учётом возможности жилищного обустройства, трудоустройства, климатических особенностей, возможностей получения образования. Обязательное условие – соответствие критериям, установленным региональными программами переселения. Основным критерием при рассмотрении заявления от потенциального участника Госпрограммы является востребованность его профессии на рынке труда, наличие опыта работы.

Участникам программы переселения и членам их семей компенсируются расходы на переезд к будущему месту проживания, провоз багажа, оформление правового статуса в России, выплачиваются подъёмные пособия. Также переселенцы освобождаются от уплаты таможенных платежей при ввозе в Россию личного имущества, в том числе одного автомобиля на семью. Размер подъёмного пособия зависит от того, к какой категории отнесён тот или иной субъект Российской Федерации, участвующий в реализации Госпрограммы.

Все регионы разделены на две категории: регионы приоритетного заселения (Иркутская область, Забайкальский край, Республика Бурятия, Приморский, Хабаровский, Камчатский края, Амурская, Сахалинская, Магаданская области и Еврейская автономная область) и регионы, не относящиеся к категории приоритетного заселения. На территориях приоритетного заселения размер подъёмных составляет 240 тысяч рублей участнику Госпрограммы и по 120 тысяч рублей – каждому члену семьи. В регионах неприоритетного заселения: 20 и 10 тысяч рублей соответственно.

Участник Государственной программы и члены его семьи имеют право на получение разрешения на временное проживание вне квот, приобретение гражданства Российской Федерации в упрощённом порядке. Кроме того, работать в выбранном для переселения регионе можно без получения патента.

Во многих региональных программах переселения предусмотрены дополнительные меры социальной поддержки соотечественников. В отдельных регионах компенсируют часть стоимости аренды жилья, прохождение медицинской комиссии, признание в Российской Федерации документов об образовании, выплачивают единовременное денежное пособие.

15 марта 2018 года Президент России подписал Указ № 109 «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», который внёс ряд существенных изменений. Во-первых, в случае расторжения брака между супругами, один из которых является участником Государственной программы, за лицами, указанными в свидетельстве участника Госпрограммы, сохраняется статус членов семьи. Ранее этот вопрос не был урегулирован, и возникали трудности с определением статуса одного из супругов, в случае расторжения брака.

Во-вторых, в случае добровольного отказа соотечественника от статуса участника Государственной программы или от статуса члена семьи участника Государственной программы соотечественник имеет право участвовать в Государственной программе ещё один раз при условии возмещения им понесённых государством затрат, связанных с получением государственных гарантий и социальной поддержки.

Участник Государственной программы должен прожить на территории вселения не менее трёх лет. В случае выезда на постоянное место жительства

из субъекта Российской Федерации, определённого свидетельством участника Государственной программы, ранее чем через три года со дня постановки на учёт в территориальном органе МВД России в качестве участника Госпрограммы, гражданин возмещает затраты, связанные с выплатой подъёмных, компенсацией транспортных расходов, а также расходов, связанных с оформлением документов, определяющих правовой статус на территории Российской Федерации.

По условиям Государственной программы обеспечение переселенцев жильём не предусмотрено. Жилищный вопрос решается самостоятельно за счёт собственных средств.

С информацией о Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, можно ознакомиться на сайтах: www.ruvek.ru, www.aiss.gov.ru, www.moldova.mid.ru (раздел «Миграционная страница»).

С региональными программами переселения можно ознакомиться на сайтах уполномоченных органов по труду и занятости субъекта Российской Федерации, ответственных за реализацию Государственной программы, и на сайтах управлений по вопросам миграции территориальных органов МВД России.

О востребованности профессии на рынке труда региона – можно узнать на сайтах служб занятости региона или на информационном сайте Федеральной службы по труду и занятости «Работа в России» (www.trudvsem.ru).

Республика Татарстан

Республика Татарстан входит в состав Приволжского федерального округа. Граничит с Кировской, Ульяновской, Самарской и Оренбургской областями, Республикой Башкортостан, Республикой Марий Эл, Удмуртской Республикой и Чувашской Республикой.

В Татарстане проживают 3,9 млн. человек (восьмое место в России по численности населения). Столица – город Казань (1,1 мл. человек, 6 место в России) имеет зарегистрированный бренд «третья столица России».

Татарстан является одной из самых многонациональных территорий России, здесь проживают представители более ста национальностей. Традиционными для Республики конфессиями являются ислам и православие.

Татарстан – один из наиболее развитых в экономическом отношении регионов России. Республика расположена в центре крупного промышленного района Российской Федерации, на пересечении важнейших магистралей, соединяющих восток и запад, север и юг страны.

Республика Татарстан обладает богатыми природными ресурсами, мощной и диверсифицированной промышленностью, высоким интеллектуальным потенциалом и квалифицированной рабочей силой. Промышленный профиль республики определяют нефтегазохимический комплекс (добыча нефти, производство синтетического каучука, шин, полиэтилена и широкого спектра продуктов переработки нефти), крупные машиностроительные предприятия, производящие конкурентоспособную продукцию (тяжёлые грузовики, вертолёты, самолёты и ави-

адвигатели, компрессоры и нефтегазоперекачивающее оборудование, речные и морские суда, автомобили), а также развитое электро- и радиоприборостроение.

На территории Республики Татарстан образовательную деятельность осуществляют 27 образовательных учреждений высшего образования, в том числе 17 государственных, 10 негосударственных. Кроме того, функционируют 49 филиалов образовательных учреждений высшего образования.

Татарстан считается одним из ведущих научных центров России. В Республике ведутся фундаментальные и прикладные исследования по передовым направлениям науки.

В Республике накоплен богатейший опыт организации спортивных мероприятий международного уровня. Татарстан играет заметную роль в развитии туризма Российской Федерации.

Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в Татарстане реализуется с 2017 года.

Региональная программа «Оказание содействия добровольному переселению в Республику Татарстан соотечественников, проживающих за рубежом», рассчитана на 2017 – 2018 годы.

Территорией вселения является вся Республика Татарстан, которая включает в себя 43 муниципальных района и два городских округа (Казань и Набережные Челны).

Уполномоченным органом исполнительной власти Республики Татарстан, ответственным за реализацию региональной программы, является Министерство труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан (420044, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Волгоградская, д.47).

Цель Государственной программы – содействие социально-экономическому и демографическому развитию Республики Татарстан за счёт добровольного переселения соотечественников, проживающих за рубежом.

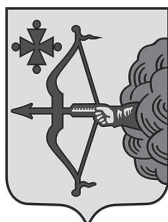
Участниками региональной программы переселения могут стать соотечественники трудоспособного возраста, дееспособные, имеющие среднее профессиональное и (или) высшее профессиональное образование, обладающие квалификацией и документально подтверждённым опытом работы, достаточным для осуществления трудовой деятельности по специальностям, востребованным на региональном рынке труда, не имеющие длительного (более одного года) перерыва в трудовой деятельности.

Приоритет отдаётся гражданам, планирующим занятость в сферах образования, здравоохранения, сельского хозяйства, спорта, информационно-коммуникационных технологий; студентам, обучающимся в профессиональных образовательных учреждениях, в образовательных учреждениях высшего образования. Особый приоритет – специалистам и учёным, занимающимся актуальными научными и технологическими проблемами.

Помимо предоставления основных государственных гарантий и социальной поддержки участникам Государственной программы (компенсация расходов на переезд, получение пособия на обустройство и т.д.) дополнительно, за счёт средств бюджета Республики Татарстан оказывается содействие в первичном жилищном обустройстве (выплата компенсаций части арендной стоимости жилья не более 50 процентов фактических расходов на период до 6 месяцев; предоставление земельных участков для расселения, в том числе создания крестьян-

ских (фермерских) и личных подсобных хозяйств). Предоставляется информационно-консультативная помощь в трудоустройстве, получении дополнительного профессионального образования.

С региональной программой переселения Республики Татарстан можно ознакомиться на сайте Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан www.mtsz.tatarstan.ru и по тел.: + 7 (843) 557-20-01.

Кировская область

гасположена на северо-востоке европейской части России, входит в состав Приволжского федерального округа. На востоке граничит с Пермским краем и Удмуртией, на севере – с Республикой Коми и Архангельской областью, на западе – с Вологодской, Костромской, Нижегородской областями, на юге – с республиками Марий Эл и Татарстан. Численность населения области составляет 1,28 млн. человек.

Административный центр – город Киров (501,4 тыс. чел.). Другие крупные города области – Кирово-Чепецк, Слободской, Вятские Поляны, Котельнич.

Основные отрасли промышленности региона: машиностроение и металлообработка; цветная и чёрная металлургия, химическая, микробиологическая, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная, лёгкая, пищевая промышленность, торфяная.

Ведущей отраслью в сельскохозяйственном производстве является животноводство, преимущественно молочно-мясного направления. Основные выращиваемые сельскохозяйственные культуры: зерновые, картофель, лён и овощи.

Область славится художественными народными промыслами: дымковской расписной глиняной игрушкой, изделиями из капа-корня, соломки, соснового корня, дерева, лозы, вятскими кружевами, изделиями из льна с традиционной вышивкой, керамикой.

Региональная программа «Оказание содействия добровольному переселению в Кировскую область соотечественников, проживающих за рубежом» на 2018 – 2020 годы» утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 января 2018 года № 30-р. Программа разработана в рамках государственной программы Кировской области «Содействие занятости населения Кировской области» на 2013 – 2020 годы.

Территорией вселения является вся территория Кировской области за исключением закрытого административно-территориального образования.

Реализация программы позволит привлечь на территорию Кировской области в 2018–2020 годах 375 соотечественников.

Программой предусматривается переселение соотечественников, являющихся высококвалифицированными специалистами и квалифицированными рабочими по профессиям и специальностям, востребованным на региональном рынке труда.

Региональной программой переселения установлены следующие требования к соотечественникам, желающим переселиться в Кировскую область:

- трудоспособный возраст (18–55 лет у женщин и 18–60 лет у мужчин);
- дееспособность и трудоспособность;
- соответствие профессиональных навыков и умений вакансиям, заявленным в органы областной службы занятости на момент принятия решения о соответствии кандидатуры соотечественника;
- востребованность профессии на рынке труда региона.

В целях стимулирования притока в Кировскую область медицинских работников участникам региональной программы переселения и членам их семей, трудоустроенным на постоянную работу в медицинские организации Кировской области или их структурные подразделения, в течение шести месяцев со дня трудоустройства выплачивается дополнительное ежемесячное пособие.

С региональной программой переселения Кировской области можно ознакомиться на сайте Управления государственной службы занятости населения Кировской области (www.trudkirov.ru, адрес: 610021, г. Киров, ул. Риммы Юровской, д. 3. Телефоны: (8332) 50-29-47, 50-24-33).

Владимирская область

Владимирская область расположена в центральной части европейской территории России, входит в состав Центрального федерального округа.

Граничит на западе и юго-западе с Московской областью, на севере – с Ярославской и Ивановской, на юге – с Рязанской, на востоке – с Нижегородской областью. Население – 1,38 млн. человек. Областной центр – город Владимир (356,2 тыс. чел.), расстояние от Владимира до Москвы – 198 километров.

Ведущие отрасли промышленности: производство пищевых продуктов, производство машин и оборудования, электрооборудования, металлургия и производство металлоизделий, химическое производство (в том числе фармацевтической продукции), производство неметаллических минеральных продуктов (в том числе стекла и изделий из него).

В области производится практически весь объём российского выпуска стеклянных сосудов и тканей из стекловолокна, более 40 процентов выпускаемых в России препаратов для лечения онкологических заболеваний, иммунных сывороток и вакцин, более 30 процентов стрелочных переводов, льняных тканей.

Основные отрасли сельского хозяйства области: молочное скотоводство, свиноводство, птицеводство, картофелеводство, овощеводство открытого и закрытого грунта, кормопроизводство. В последнее время новый импульс развития в регионе получили кролиководство и аквакультура.

Область знаменита сохранившимися древними русскими городами – Александров, Владимир, Гороховец, Кидекша, Муром, Юрьев-Польский, Гусь-Хрустальный, их архитектурно-историческими, культурными и религиозными памятниками; местом православного паломничества – городом Суздаль (Александровский, Покровский, Спасо-Евфимиев, и Ризоположенский монастыри), уникальным архитектурно-ландшафтным памятником – Церковью Покрова на Нерли в Боголюбове. По области проходит основная часть маршрутов знамени-

того Золотого кольца России. Часто посещаемым туристами местом стала историческая тюрьма «Владимирский централ».

Крупнейший природоохранный объект, национальный парк Мещёра – популярное место туризма и отдыха.

В регионе наблюдается процесс депопуляции населения. Владимирская область входит в состав регионов со значительной численностью пожилого населения и высокой демографической нагрузкой на трудоспособное население. С целью привлечения в регион квалифицированных кадров с учётом развития рынка труда разработана региональная программа «Оказание содействия добровольному переселению во Владимирскую область соотечественников, проживающих за рубежом», утверждённая распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 марта 2018 года № 515-р.

Территорией вселения определена вся Владимирская область.

Программа Владимирской области рассчитана до 2022 года. Ожидается, что в регион прибудет не менее 600 соотечественников, обладающих специальностями, востребованными на рынке труда, и в первую очередь для предприятий агропромышленного комплекса.

Устанавливаются следующие критерии отбора соотечественников для участия в программе переселения во Владимирскую область:

- наличие высшего образования, подтверждённого документально;
- трудоспособный возраст (с 18 лет до 55 лет у женщин и до 60 лет у мужчин), дееспособность, намерение переселиться на постоянное место жительства во Владимирскую область с целью осуществления трудовой, предпринимательской, образовательной и иной не запрещённой законодательством Российской Федерации деятельностью во Владимирской области.

Приоритетным правом в добровольном переселении будут пользоваться соотечественники, имеющие профессии (специальности), востребованные на рынке труда Владимирской области, в том числе – в рамках планируемых к реализации инвестиционных проектов и в организациях агропромышленного комплекса, а также соотечественники, отнесённые к категориям научных работников.

Программой предусмотрены дополнительные меры социальной поддержки соотечественников. Предполагается оказание единовременной финансовой поддержки, которая может быть направлена на обустройство, в том числе жилищное, с компенсацией оплаты найма жилья, в период адаптации на территории вселения (до 6 месяцев), признание образования и (или) квалификации, признание учёных степеней, учёных званий, полученных в иностранном государстве, участников Государственной программы и членов их семей.

С региональной программой переселения Владимирской области можно ознакомиться на сайте Департамента по труду и занятости населения администрации Владимирской области: www.vladzan.ru

Ивановская область

Ивановская область расположена в центре европейской части России. Большая часть лежит в междуречье Волги и Клязьмы. Это одна из самых маленьких областей России. Входит в состав Центрального федерального округа, граничит

на северо-западе с Ярославской областью, на севере с Костромской, на востоке с Нижегородской, на юге с Владимирской областью. Численность населения – 1 млн. человек. Областной центр – город Иваново (население – 406,9 тыс. чел.) находится в 275 километрах от Москвы.

В объёме промышленного производства выделяются лёгкая промышленность (32,8 % – самая высокая в России), электроэнергетика (24 %), машиностроение (20 %), пищевая промышленность (18 %) и деревообработка (3 %). Ведущей отраслью по объёмам производимой продукции является текстильная промышленность.

Ведущая отрасль сельского хозяйства – животноводство молочно-мясного направления, представлено льноводство, картофелеводство и лесное хозяйство.

Города Иваново, Палех и Плётс входят в состав Золотого кольца России. На территории области находится множество памятников истории и культуры.

Региональная программа «Оказание содействия добровольному переселению в Ивановскую область соотечественников, проживающих за рубежом» утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 марта 2018 года № 514-р.

Предполагается, что до 2020 года в регион по программе приедут 750 человек.

В Ивановскую область предусматривается переселение соотечественников, имеющих среднее профессиональное или высшее образование, инженеров и учёных, занимающихся актуальными научными и технологическими проблемами. Приоритетное право на участие в программных мероприятиях получают лица, имеющие профессии, наиболее востребованные на региональном рынке труда, – медицинские и педагогические работники, работники текстильной и швейной отраслей, строительства.

С региональной программой переселения Ивановской области после её утверждения можно будет ознакомиться на сайте комитета Ивановской области по труду, содействию занятости населения и трудовой миграции: www.ivzan.ru.

Республика Саха (Якутия)

Расположена в северо-восточной части Сибири и входит в состав Дальневосточного федерального округа. Граничит на востоке с Чукотским автономным округом, Магаданской областью, на юго-востоке – с Хабаровским краем, на юге – с Амурской областью и Забайкальским краем, на юго-западе – с Иркутской областью, на западе – с Красноярским краем, на севере её естественные рубежи образуют моря Лаптевых и Восточно-Сибирское. Общая протяжённость морской береговой линии превышает 4,5 тысячи километров.

Более 40 процентов территории Якутии находится за Северным полярным кругом.

Это самый крупный субъект Российской Федерации. Кроме того, Якутия – самая большая административно-территориальная единица в мире. По размеру территория Якутии превосходит Аргентину – восьмое государство в мире по площади. Однако население республики меньше одного миллиона человек, что

делает плотность населения в ней одной из самых низких в России (меньшую плотность имеют только Чукотский и Ненецкий автономные округа).

Якутия – единственный субъект Российской Федерации, на территории которого применяется время трёх часовых поясов, разница с московским временем составляет +6, +7, +8 часов.

Республика Саха – удивительно богатый край. Здесь известны месторождения нефти, газа, каменных углей, руд чёрных, цветных, редких и благородных металлов, алмазов, разнообразного горнорудного и горно-химического сырья и строительных материалов. Якутия является одним из основных оловодобывающих регионов России, единственный в стране поставщик сурьмы. Многие десятилетия Якутия была и остаётся одним из основных золотодобывающих регионов России. Якутия обеспечивает более 90 процентов добычи алмазов страны. Наиболее крупными из разрабатываемых месторождений являются «трубки» Удачная, Мир, Айхад, Юбилейная.

На территории Якутии находится крупнейшее в стране Эльконское урановое месторождение с разведанными запасами около 344 тысяч тонн.

Региональная программа «Оказание содействия добровольному переселению в Республику Саха (Якутия) соотечественников, проживающих за рубежом» как часть государственной программы Республики Саха (Якутия) «Содействие занятости населения Республики Саха (Якутия) на 2012 – 2019 годы» утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2017 года № 2910-р.

Программа рассчитана на 2018-2022 годы.

В целях обеспечения потребностей экономики республики в кадрах будет осуществляться два проекта переселения:

1. «Обеспечение арктических районов квалифицированными кадрами» (Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Нижнеколымский, Усть-Янский районы);
2. «Обеспечение промышленных районов квалифицированными кадрами» (Алданский, Ленский, Мирнинский, Нерюнгринский районы).

Программой предусматривается переселение соотечественников, являющихся высококвалифицированными специалистами и квалифицированными рабочими по профессиям и специальностям, востребованным на региональном рынке труда.

Реализация программы позволит привлечь на территорию Республики Саха (Якутия) 250 соотечественников, проживающих за рубежом, из которых: 100 участников подпрограммы переселения и 150 членов их семей.

С целью обеспечения более быстрой адаптации и интеграции участников Государственной программы переселения и членов их семей на территории вселения участникам Государственной программы переселения будут оказаны дополнительные меры социальной поддержки:

1. Компенсация части арендной платы за наём жилья до 6 месяцев из расчёта фактической оплаты за месяц, но не более 10 000 рублей в месяц;
2. Оказание социальной помощи участнику Государственной программы переселения до получения разрешения на временное проживание или до оформления гражданства Российской Федерации – материальная помощь в размере 10 000 рублей участнику Государственной программы переселения и каждому члену его семьи;

3. Компенсация расходов участнику Государственной программы переселения и членам его семьи на медицинское освидетельствование иностранного гражданина по фактическим расходам, но не более 3 000 рублей;

4. Компенсация расходов участнику Государственной программы переселения и членам его семьи на признание учёных степеней, учёных званий, образования и (или) квалификации, полученных в иностранном государстве, в размере государственной пошлины, но не более 6500 рублей.

В программе переселения Республики Саха (Якутия) могут принять участие соотечественники:

- 1) достигшие возраста 18 лет, трудоспособного возраста, обладающие дееспособностью;
- 2) переселяющиеся совместно с супругой (супругом), несовершеннолетними детьми;
- 3) обучающиеся на последних курсах профессиональных образовательных учреждений и образовательных учреждений высшего образования на территории Российской Федерации;
- 4) имеющие высшее или среднее профессиональное образование, в приоритетном порядке имеющие технические специальности (инженеры различных профилей), или рабочую специальность с высокой квалификацией;
- 5) планирующие получить среднее профессиональное образование или высшее образование в образовательных организациях, расположенных на территории республики;
- 6) предоставляющие достоверные сведения об уровне образования, стаже работы и квалификации;
- 7) имеющие востребованную профессию на территории планируемого вселения (наличие заявленной в службу занятости населения вакансии, на которую претендует соотечественник, и нахождение её в базе вакансий не менее 1 месяца с момента заявления);
- 8) соответствие квалификационных характеристик соотечественника требованиям работодателя к рабочему месту, на которое он претендует;
- 9) не имеющие нарушений законодательства Российской Федерации в соответствии с пунктами 25, 26 раздела 5 Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 22.06.2006 года N 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»;
- 11) для претендующих на замещение вакантных рабочих мест врачей – в заявлении должны быть указаны полное наименование высшего учебного заведения и дата его окончания, сведения о прохождении интернатуры, период и место прохождения, наличие сертификатов по специальности, опыт и стаж работы.

Основным критерием отбора рабочих мест для добровольных переселенцев является предлагаемый работодателями уровень заработной платы (не ниже установленной в республике величины прожиточного минимума).

С региональной программой переселения Республики Саха (Якутия) можно ознакомиться на сайте Государственного комитета Республики Саха (Якутия) по занятости населения: www.gkzn.sakha.gov.ru.

НОВЫЕ КНИГИ

Дорогой читатель!

В рубрике «Жатва» «Русское поле» представляет только что увидевшие свет наиболее яркие книги современных поэтов и прозаиков Молдовы, пишущих на русском языке. По объективным причинам в этом номере мы даём информацию только о трёх из них. Но 2017 год был радостно урожайным!

*Продолжилось наше сотрудничество с Министерством культуры РМ, которое при личном содействии министра культуры Моника Бабук с 2014 года включает в план издания отечественных книг и работы русскоязычных авторов. В нынешнем году по этой программе было издано семь книг, а именно: «**Вариации солнца**» Татьяны Орловой-Волошиной (рассказы и миниатюры), «**Просто жизнь**» Сергея Пагына (сборник верлибров), «**Женищина на ВЫданье**» – книга иронических стихов Натальи Родины; альбом «**Чернобыльский репортаж**» Сергея Сулина, книга стихов «**Слова на ветер**» Александры Юнко; Антология русской поэзии Молдовы (начало XXI века) «**Неулетающие птицы**», альбом стихов и графики «**Под пряным солнцем Кишинёва**» (совместный проект муниципальной библиотеки имени Ломоносова, Ассоциации русских писателей Республики Молдова и Товарищества русских художников РМ «М-АРТ»). Две последние объёмные работы из вышеперечисленных изданы и при содействии Международного сообщества писательских союзов (Россия, Москва).*

Представление книг состоялось в Национальной библиотеке Молдовы.

Мы обязательно расскажем о них в следующих номерах.

Ярким событием осени стало издание публицистического труда молдавских авторов Михаила Лупашко и Бориса Шатовалова «Русофобия – костяная нога западных элит», который «Литературная газета» назвала Книгой недели.

Вместе с Россией

Книжный ряд / Первая полоса / Книга недели

Михаил Лупашко, Борис Шаповалов. Русофобия – костяная нога западных элит. Кишинёв: Издательство Tipografia Reclama, 2017. 128 с., ил., 500 экз.

Эта книга будет представлена 23 ноября в Кишинёве в Российском центре науки и культуры. Авторы, публицист Михаил Лупашко и политолог Борис Шаповалов, раскрывают исторический генезис феномена русофобии как политической доктрины, используемой для создания образа врага, провоцирования больших и малых войн, оправдания инструментов политического и экономического давления. В 12 главах книги исследуется многоуровневая система русофобских стереотипов. «Русофобия в XIX веке», «Русофобия и разрушение «советского проекта», «Русофобия на постсоветском пространстве», «Русофобия в Молдове как ударный таран разрушения государственности страны». Эти и иные аспекты представлены авторами. Открывает книгу обращение президента Республики Молдова Игоря Додона. «Русофобия опасна и заразна и справиться с ней можно только сообща, противопоставляя честность и открытость в отношениях между нашими государствами и народами. У Молдовы есть будущее! Вместе с сильной Россией» – отмечает И. Додон. Средства на выпуск книги составили добровольные взносы обычных граждан Молдовы.

Продолжение темы на стр. 5

«Необычное название книги «Русофобия» – костяная нога западных элит напоминает известный славянский мифологический и фольклорный образ Баба-яги, костяной ноги. Баба-яга – уродливая старуха, владеющая волшебными предметами и наделённая магической силой. В ряде сказок уподобляется ведьме, колдунье и, чаще всего – отрицательный персонаж. В нашем случае, Баба-яга не сказка и не басня. Это давно и хорошо известная идеологическая реальность. Это вредная, проتناвая, завистливая, агрессивная, злобная и разрушительная, и отнюдь не мифическая Баба-яга западной пропаганды по имени «Русофобия»».

Михаил ЛУПАШКО

«Русофобия - предвзятое, подозрительное, неприязненное, враждебное, в иногда и агрессивное отношение к России, русским, русскому языку, Русской православной церкви. Вывод, к которому мы пришли, работая над книгой: русофобия это болезнь современного человека, целенаправленно отравленного западной антирусской и антирусской пропагандой. Русофобия агрессивна по своей природе, опасна и заразна. Русофобия представляет большую опасность для современного молдавского государства.»

Борис ШАПОВАЛОВ

Михаил ЛУПАШКО
Борис ШАПОВАЛОВ

РУСОФОБИЯ – КОСТЯНАЯ НОГА ЗАПАДНЫХ ЭЛИТ

«ЛИСТАЯ ЖИЗНЬ...»

С интересом прочитал все строчки сборника Нины Авидон. В обращении автора к читателям сказано: «Писать стихи и быть поэтом – не одно и то же». Хорошо, что автор понимает всю меру своей ответственности. Кое-что из написанного им требует основательной доработки.

Однако за его строчками виден характер, чуткая, ранимая душа нашей современницы, способная любить, сопереживать, противостоять лжи, цинизму, лицемерию. И это даёт возможность при наличии литературных способностей, а они у неё есть, сформировать из стихослагателя – подлинного художника слова, поэта, выразителя дум и чаяний не одного, а тысяч людей, создать в литературе образ лирического героя, которому захотят подражать, у которого станут учиться добру, пониманию, дружеству. И сделают всё это время и упорный труд. Обладает ли правом на жизнь сборник в том виде, в каком он предлагается читателю? Думается, можно с этой заявкой согласиться.

В истории бессарабской печати были примеры подобных допущений. В Кишинёве в 1911 году выходил «Журнал начинающих». Цели журнала, как сообщала редакция, «дать возможность молодым авторам печатать свои произведения – слабые, незрелые, но искренние и безыскусственные, представить их на суд общественности и критики». Публиковались они фактически без всякой редакторской правки. Читатель получал возможность знакомиться с их опытами в первоизданном виде. Это позволяло судить в дальнейшем об их росте или стагнации. Конечно, печатали прежде всего тех, кто подавал надежды.

У автора сборника есть свой яркий творческий потенциал. Правда, иногда написанное ещё очень напоминает один развёрнутый дневник, богатый мыслями и чувствами, который автор ведёт с малых лет и до седых волос. И я бы назвал эту книгу словами самого автора из его стихотворения – «Листая жизнь...». И в подзаголовок вынес бы посвящение: «Детям вчерашним и завтрашним взрослым». Предложения своего я, конечно, автору не навязываю. Однако именно так, листая страницы жизни, от бесхитростных детских шалостей и до любовных игр, а затем и душевных мук, разворачивает автор судьбу человека. Вот мама ставит отметины на дверной раме:

*Я расту. На двери мама
Отмечает диаграмму.
Ставит метки в высоту,
Чтобы знать, как я расту.*

Вот уже и последний день каникул сорванца:

*Спицами сверкает мой велосипед,
Не похож на осень в пятнах солнца день.
У каникул кратких продолженья нет,
Колесо – восьмёркой! Остановка – пень!*

И, наконец, первая безоглядная влюблённость:

*Я строил на пляже дворцы из песка,
Купался до дрожи, снимался у скал,
Стрелял в детском тире молочным ирисом,
Но главное чудо – девчонка Алиса.*

<...>

*Я имя её по секрету шепчу:
Хочу я на море.
К Алисе хочу!
(«Хочу к Алисе!»)*

Лирический герой на наших глазах взрослеет, ошибается, мудреет и живёт в постоянном ожидании чуда... А его создаёт своим воображением автор, приучая человека радоваться жизни («Как здорово!»), прибегая за помощью даже к волшебству перевоплощения, обращаясь то в озорного мальчика, о ком тайно мечтают все девчонки, то вновь возвращаясь к себе. Более того, желая передать возрастные особенности, как бы увидеть их со стороны, превосходно владея детским ощущением мира, автор ведёт порой речь от имени «братьев наших меньших», воплощаясь в их образ («Лохматый друг», «Диалог со щенком», «Кошкина грусть», «Главный в доме», «Рассказ кота Василия»), что видится нам яркой и оригинальной краской в психологическом портрете взрослеющего человека.

Но автор идёт ещё дальше. И чтобы полнее передать нюансы человеческих эмоций, привлекает на помощь окружающие нас... предметы. Так рождается цикл стихов, помещённых в разделе «Отражают грех и добродетели жизни молчаливые свидетели». (Это, например, «Из жизни кочерги», тоскующей по пламени в камине, по людям, счастливым и играющим детям; это «Водопроводный кран», возмущённый грудой забытой невымытой посуды; это «Настольная лампа», ясно видящая ошибки своей пишущей хозяйки; это «Лестница в подъезде», которой «хотелось взлётов и к счастью светлого пути...»; это «Синтетическая ёлка», кокетливая, капризная, уверенная в том, что без неё «год Новый не наступит»).

У автора сборника острый глаз художника, мимо него не проходят важные, увиденные по-своему детали, из которых складывается картина окружающего мира. Она видит «одуванчик в венке», «загорелую руку вечера», месяц, который «плещется в реке», фонари, «ощупывающие мглу», замечает, как «от костра пушинки пепла серебрятся в волосах», как на кусте появляется «паутинная штопка», как красуется «в бусах алый нарядный шиповник» и как «из-под ног взвивается серый кузнечик». Всё это – сама жизнь, во всей её красе и многообразии. Всё это любовь – к родной земле, к её природе, к человеку. И потому так естественно звучат слова автора сборника:

*Жить невозможно в мире без любви.
Пока она ещё тревожит сердце,
И никуда вам от неё не деться...*

В искренность этих стихов автора веришь так же, как в её самокритичное утверждение:

*Я ещё не лечу. Я взлетаю,
Крылья я на краю расправляю.*

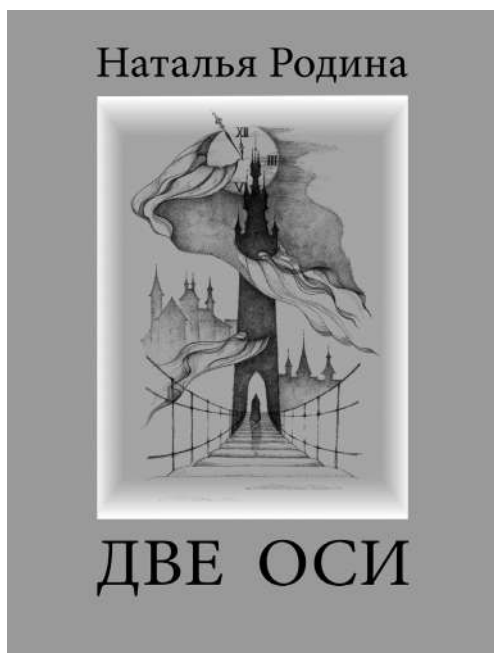
Но время идёт, приходит опыт и уверенность в своих силах:

*Связь с землёй без обид обрываю.
Свист завистливый с ветром глотаю.
Подо мной кроны яблонь и крыши.
Я лечу.
И препятствий не вижу.*

И препятствий к дальнейшему полёту мы, как и автор, не видим. Счастливого полёта, благополучного приземления и надёжной связи с любимой Землёй.

Константин ШИШКАН,
писатель, доктор искусствоведения

ВНЕ ВЕЧНОСТИ СЛОВО НЕ ПОЯВИЛОСЬ БЫ...

И ничто не тянется так к вечности, как слово. Мне чуточку это знакомо и скажу, что поэтическое слово есть то великолепное страдание, сравнить которое можно с сотворением Творцом мира нашего – из ничего создать что-то неживое, но живых оно так заставит чувствовать, что до слёз недалеко. Песня? Да, песню птицы припоминаю: пятнадцать лет назад на огород ко мне *прилетела птичка*, спела несколько своих незаурядных мелодий. Это был соловей. Потом вышла книга в издательстве, и поэт принёс мне экземпляр с автографом. Соловей, как и поэт, мужского рода, но автор стихов – женщина, изумительно прекрасная, и удивительно великолепны её стихи. Я бы её даже назвал не поэтом, а пиитом, как

говаривал Пушкин, может, от слова *п е т ь*.

И вот прошло время – может, пятнадцать лет, может, меньше – и очень похожая песня в мой другой огород залетела. И не в окно – в открытую дверь, в кабинет, где и я за письменным столом пытаюсь песни запеть. Мне много лет, очень много лет, а петь птицей не получается. Зато, слушая этот голос поэтический, я не нарадуюсь. Маму, любимую маму этой поющей птицы знал и любил – жаль, когда в издательстве выйдет вторая книга дочери, она её не увидит. Имя этой бесподобной женщины-стихотворца – *Наталья Родина*. Живём неподалёку, однако ж, врывается в наших полётах в разные выси, где нам никогда не встретиться. Она действительно в поднебесье, как в поэзии, дома на любой высоте – мне до

Бога далековато. Проиллюстрирую это на примерах прочитанной рукописи, готовой к поступлению в издательство, ни в какое сравнение не идущих с моими строками. Уж можете поверить на слово мне, скромно себя оценивающему.

Бог един для здоровых. –
 Прикованных к креслам,
 Он приблизил к Себе,
 Оторвал от земли.
 Воспарив,
 Не возносятся
 И глядят снизу-вверх.
 Никогда свысока,
 чтоб за каждым узреть
 Лик Отца. В небесах. В облаках.

Вот почему я говорю, что в такую высь я бы и заглянуть не смог, настолько пронзительны эти стихи! И как искренне сопереживаем мы автору стихотворения «Я безногого видела» – благодаря своеобразной поэтической находке, по которой «мужчина, которому п я т ь д е с я т», «увечный, объезжая встречных и поперечных» – оказывается знакомым: «Мы вместе учились, мама».

Открытие, и для меня очень радостное, признаюсь автору. И «я вспомнил папу, / Который в бомбёжку / Геройствовал, повинуюсь приказу, / Во время войны».

А какая лирика выходит из-под пера мастера слова! Руку, что держит ручку, целовать хочется!

Тепло, уютно. Но о чём печаль?
 Не потому ли, что грустна природа.
 Что вышла осень в декабре из моды.
 И оглашенно воробей кричал.
 («Явленье сладости»)

И:
 Моросило, холодало.
 Хохлилась сама,
 Сквозняки не шпаклевала –
 И ушла зима.
 Плечи согревает кошка –
 Мягкая душа.
 Отражается в серёжках,
 Спит ангорский шарф.
 («Прощёное воскресенье»)

Полные жизни строки одарённого поэта вызывают редкостное сопереживание, и я вдыхаю и чувствую то же самое ощущение бытия... Иногда до невозможной глубины и высоты невозможной.

По дороге домой я плетусь, как старик,
 Как бурлак волокусь, растреклятый,
 Потому что один на один не привык
 Усмиряться пред Неким Распятым.

Безысходность и тьма, сыро, стыло и грязь.
 Вниз глаза, и не видно, что плачу.
 Я бреду, как в бреду, не крестясь, не молясь.
 Жизни лямку влачу и собачусь.
 («День рождения»)

Это очень талантливо. И это очень и очень по-человечески РОЗДАНО не по крупницам нам, а целиком – своим мироощущением.

Мне повезло, что эту прекрасную поющую птицу довелось узнать ещё во время её сотворения в жар-птицу, в божественно-красивую и прекрасно одарённую. Философски возвышенную талантом и какою-то чувственно неземной и в то же время очень земной энергией рассуждения и постижения. Могу лишь вспомнить слова из того же стихотворения «День рождения», которые подтверждают моё видение автора в этом ракурсе: «Кто мне друг – кто мне враг, ты поди, рассуди. / Колгочусь от мирского к мирскому. / Жизнь прожить не сумел. Я её просадил...».

Этим я постиг милую, не испорченную современностью человеческую душу, в одеждах небесной красоты, женщину и поэта с собственным достоинством и искрящейся скромностью. Особенно величественно и великолепно истинны стихи, переплетающиеся с народным творчеством. Вот для убедительности: «От речи – к сладости, / От горя да к радости, / От тьмы да к рассвету...».

Или:

В ком много жалости – в том много яда.

Сей милосердие, пожнёшь...

Или:

Слёзы спрятала за ладонями

Неродимая – посторонняя...

Или:

Помоги дышать Тобою.

Будь и хлебом, и судьбою. (...)

Стань опорой, стань основой.

Стань реальнее живого.

Великолепие, выраженное словами. Такое чувство, что в этих стихах и сама суть поэтической души человека, творящего человечность в мироздании живого.

Любовью раненые – живы!

А не влюблённые – не лживы.

Вот оно, это мироздание. И оно преподнесено в дар мне за открытие её, Натальи, пятнадцать, или около этого, лет назад:

Спокойно небо. Океан

Глубок, прозрачен, чист.

Палящая душа... туман...

Мой белый лист.

Пусть этот белый лист стелется звёздной дорогой к достижению ещё не достигнутого. Вера в то, что это будет именно так, у меня неизблемая, поэт убедил меня в этом, обогащая собою.

Дыши сейчас, пред смертью не надьшишься (...)
Любить не после смерти, а сейчас!

И вот я перед самым совершенством человеческих отношений:

Что желаешь от меня, мальчик? –
Гротишь, гремишь погремушкой на палочке?
Швыряясь друг в друга словами-монетами...
(«Две Оси»)

Здесь я остановлюсь: стихотворение, давшее название всей книге, есть достижение, перед которым я преклоняюсь как коллега, ощутивший собрата рядом и чуть впереди... И слава ему (ей), идущему вперёд – дороге! Уверен, что дорогу, которой идёт Наталья, я ещё более люблю, ибо она ведёт «... среди сонма святых – (где) нет ни укров, ни русских». Есть народ Божеский, православный.

Воскурится. Обойду комнаты.
Яблоки червивые – паданки.
Яблоко побитое я. А ты?

А ты – это я, читатель, пишущий коллега, только на своём, румынском, и настолько чувствующий собрата, пишущего на русском! Потому что не чувствовать такие строки было бы сверх нецивилизованно и даже не по-человечьи:

Меня тобою проверяли,
А мной тебя благословляли.
Благословенный мной, прощай.
(«Благословенный мной, прощай»)

Не прощаюсь, не могу прощаться, ибо, как по Родине: «Много в жизни будет дорог. / Только главная – через сердце».

Моё сердце отозвалось, хотя: «Моросило, холодало, / Хохлилась сама. / Сквозняки не шпаклевала, – / И ушла зима». Как *влюблённый своей первой влюблённостью* наблюдаю за маленькой птицей. – / Так лёгок её свободный полёт! ... Как птицы, умеют летать и любить».

Теперь я абсолютно верю Наталье Родине, когда она светится словом:

Будь добра, постигай, спотыкаючись.
Спинку ровно. С улыбкой. С нуля.
Коли вспомнят, пусть помнят шагающей...

К этому приходят в зрелом, очень зрелом полёте-парении в самой середине выси, куда стремится всё постигающая душа. Куда стремится? Что постигнет? То, что отдаёт: некое тепло, меня и мою суть облагораживающее.

Не открывая Америк, скажу: любое творчество – это признание в любви к соприкасаемому. В конкретном случае проявляется ещё и взаимность к творящему. Сегодня моя, завтра выйдет книга «Две Оси» – и будут в такой же взаимности при-

знаваться многие. Пусть будет у милого мне автора много-много читателей, так же, как я, и ещё более прочувствовавших возмужалые до доброй зависти стихи.

Что ещё пожелать? Чтобы, когда в следующей книге ещё ярче засветится Наталья Родина, отставал бы я меньше. Да, да, да!

Прекрасная! Вам имя – Естество.
Вы непорочны – это Вам не в тягость.
«Сложив персты, страдаю и – живу!».

Наталья Родина пишет, и я за ней добавляю:

И чуда жду, и жажду воскрешенья,
Захлёбываюсь, плачу, но плыву!

«Ликуй и смейся!» – она восклицает, и я делаю то же. Перефразирую родную душу словотворящей жар-птицы:

Солнце хлынуло в мою душу! Благодарен Ей. И вдогонку её в зенит уходящей звёздочки повторяю для себя словами не моими «Молитву бытия» в несовершенном мире:

Много в жизни будет дорог.
Только главная – через сердце.

Да сбудется Его время. Время сего сердца, и да отзовётся вечность как Любовь Божья:

Пусть из уст, из ладоней, из сердца струится
За своих и чужих.

Чаша Натальи-коллеги полна и полна, слова её – также сверх краёв. Опять повторяюсь. Абсолютно уверен в слове, которое переполняет меня, как если бы оно было собственное:

Стою, не прячась, плотно между вами:
Меж грешной выбираю и святой.

И этим пусть будет Наталья необходима на этой невечной, и всё ж без отпущенного времени, земле нашей, где вне вечности слово не появилось бы...

Что было вначале – слово?..

Василий ГАЛАЙКУ, писатель